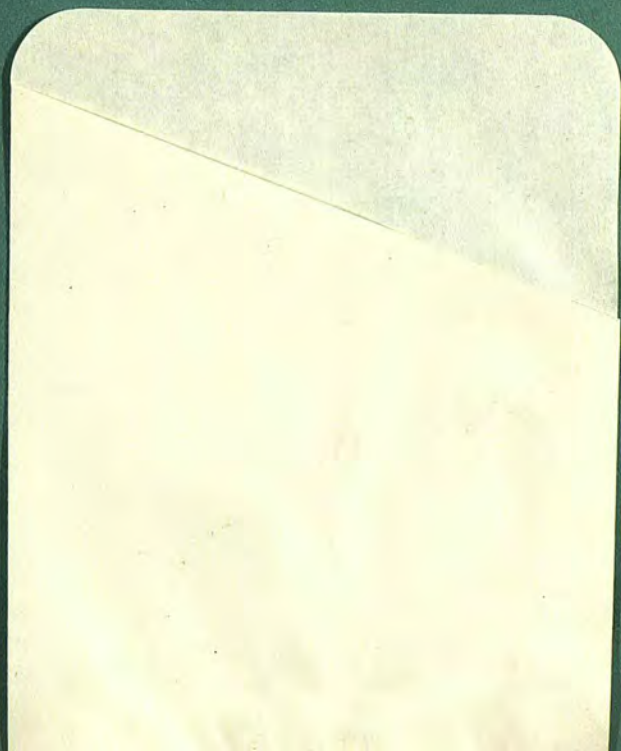

2/2)

M 188
706

6660/32

~~803~~

~~4/2~~

П о л я р н а я б и б л и о т е к а

П. ХМЫЗНИКОВ

П. ШИРШОВ

НА „ЧЕЛЮСКИНЕ“

Полная библиотека
Ленинградского государственного университета

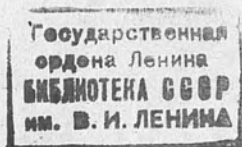
ЛЕНИНГРАДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
БИБЛИОТЕКА

50083

СН

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЛАВСЕВМОРПУТИ · ЛЕНИНГРАД · 1936

*Переплет, форзац и суперобложка
работы художника С. Верховского*

52962

49

2010456646

ОТПРАВЛЕНИЕ

— Дзинг... дзинг... — зазвенел машинный телеграф, и его указатель остановился на секторе «вперед, малый ход».

— Дзын...н...н... — глухо ответила стрелка репетира из машины.

Плотный, невысокого роста капитан, нагнувшись, взглянул на освещенные в матовом стекле черные буквы надписи телеграфа, выпрямился и быстро прошел на левое крыло мостика.

Чернела ночь. Кое-где мерцали тусклые фонари буксиров, приткнувшихся к стенкам канала. Впереди виднелось молочнобелое зарево Кронштадта с бегающими яркими лучами прожекторов. Скрещиваясь, они быстро создавали все новые и новые световые сочетания.

Судно чуть дрогнуло и медленно поползло в черноту ночи.

— Вы моряк или физик? — раздался позади меня мягкий грудной голос подошедшего Шмидта.

— Я моряк и географ по образованию, Отто Юльевич. После службы в военном флоте, моя работа в Арктике протекала... — начал я рассказывать о себе, но Шмидт меня перебил.

— Вашу работу исследователя Арктики и гидролога я хорошо знаю. Для меня не вполне была ясна ваша морская деятельность... Ну вот мы и тронулись, — перебросился на наше настоящее Отто Юльевич.

Помолчали. «Челюскин» плавно подвигался вперед, бесшумно рассекая гладь Морского канала.

— А нравится мне наш «Челюскин», — проговорил я, окидывая взглядом судно.

— Корабль безусловно красив и отделан не плохо, — прозвучал после небольшой паузы ответ Шмидта, — ну, а каков он будет во льдах, покажет будущее. — Отто Юльевич повернулся и зашагал по мостику.

— На буксире! Отдай конец! — с хрипотой крикнул в черноту ночи капитан.

— Посмотрим, как поведет себя корабль во льдах, — спокойно, как бы продолжая свою мысль, проговорил Шмидт и стал спускаться с мостика.

Минут через десять, полюбовавшись игрой прожекторов и огнями Ленинграда и Кронштадта, ушел и я.

В маленькой комфортабельной двухместной каюте сидело несколько человек: мой сосед по каюте геодезист Гаккель, гидробиолог Ширшов, зоолог Стаханов и еще двое.

— Наша экспедиция имеет основной задачей научно-исследовательские работы... — говорил Стаханов.

— Совершенно неверно, — перебил Ширшов, — научные работы у нас должны вестись только попутно с выполнением рейса. Главная цель экспедиции — это сквозной проход Северным морским путем из Ленинграда во Владивосток в одну навигацию, без зимовки. Наша основная задача достигнуть Берингова пролива и этим закрепить для мореплавания путь, пройденный в прошлом году «Сибиряковым». Вторая задача — это смена зимовщиков на острове Врангеля. Нам, как и в прошлом году «Сибирякову», придется очень торопиться, и потому рассчитывать на специальные остановки для научных работ не приходится.

— Если нам предстоит только попутные научные работы, то к чему весь взятый нами обильный инструментарий? — не унимался Стаханов.

— Ну, Володя, идти сквозным проходом и не использовать его для всесторонних исследовательских работ — недопустимо, — проговорил я.

— А если мы где-нибудь зазимуем и таким образом представится возможность вести систематические работы? — поддержал Ширшов.

Заговорили о степени вероятности зимовки «Челюскина», о самом корабле, о личном составе.

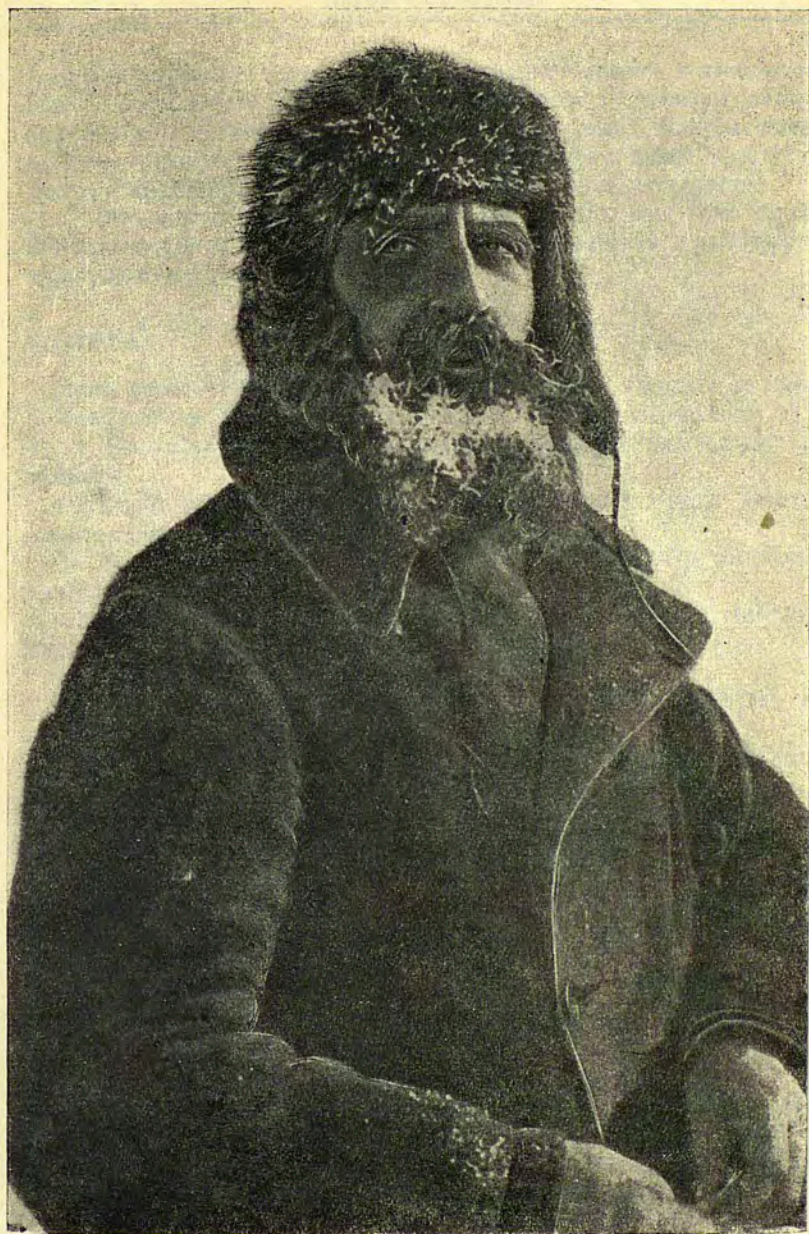
— А наш физик Ибрагим Факидов так и не успел установить всех своих приборов для изучения поведения корпуса корабля во льдах и остался монтировать их в Ленинграде. Он сядет на корабль в Мурманске.

— Помните, как он бегал по судну в день наших проводов, стремясь в последний момент закончить оборудование своей лаборатории?

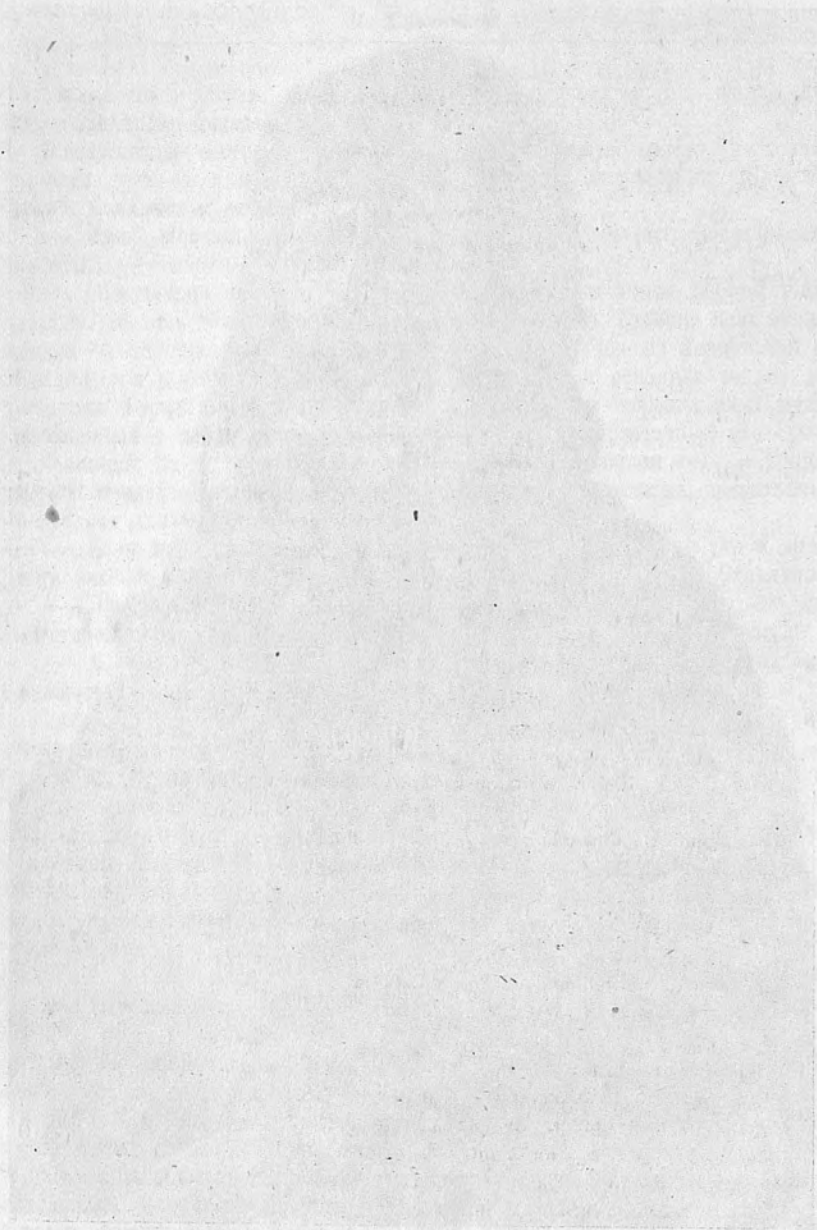
Действительно, уставший и небритый Факидов, работавший день и ночь над установкой на судне своих многочисленных и сложных приборов, представлял собой резкий контраст с радостно-возбужденной торжественностью дня отплытия — 12 июля 1933 года.

Эта дата фактически не была днем нашего выхода в море, так как последний произошел 16-го ночью. 12-го же ленинградский пролетариат устраивал торжественные проводы судну, уходящему в далекий полярный рейс осваивать путь, на отыскание которого человечество затратило уже около трехсот лет.

Набережная лейтенанта Шмидта была густо покрыта делегациями заводов, фабрик и провожающей публикой. Репродуктор бросал бодрые слова приветствий и заверений в яркую гамму красок летних костюмов и плашущих плакатов делегаций, наводнивших берег.

Отто Юльевич Шмидт

11-10-10
11-10-10

Сходни подняты. «Челюскин» медленно разворачивается и идет вниз по Неве. В воздухе тают звуки оркестров, сливаются в сплошную, колеблющуюся массу махающие руки и платки провожающих. Палубы стоящих на Неве судов усеяны командами. Отовсюду несутся крики «ура». «Челюскин» прошел в торговый порт, где и стал под погрузку угля.

— Пора спать, товарищи, — прервал мои размышления голос Гаккеля. Задумавшись, я не заметил, как мои собеседники сменили в разговоре еще несколько тем.

БАЛТИКА

Яркое солнце утра следующего дня ослепительно сверкало на мелких трешках волн, белых клубках кучевых облаков и полированных частях судна. Позади расстилалась серая дымка над ушедшим за горизонт Кронштадтом.

Справа, в кабельтове от судна, среди гребней волн, вдруг метнулось что-то черное.

— Зверь! Тюлень! — с охотничьим азартом выкрикнул молоденький матрос Синцов, стоящий на вахте.

«Зверь» вытянулся, стал расти и превратился в горбатое серое чудовище.

— Смотрите, подводная лодка!

Большими белыми буквами на темносерой краске боевой рубки ярко вырисовывалась надпись «L-55».

В 1918 году эта надпись украшала лодку — последнее слово подводной техники. Неся британский флаг, «L-55» должна была совершить налет на молодой флот Страны Советов, базировавшийся в Кронштадте. Расчеты империалистических хищников на нашу слабость не оправдались, и блестящая «L-55» была утоплена сторожевыми эсминцами. Прележав восемь лет на дне моря, лодка была поднята ЭПРОНом и ныне находится в рядах Красного флота, сохранив в назидание империалистам прежнее свое наименование — «L-55».

Полдень. Колокольчик зовет к обеду.

Три стола кают-компании оказались уже заполненными. Стараюсь глазами отыскать свободный стул.

— Садись к нам, здесь есть еще места, — раздается голос Ширшова из-за стола, расположенного вдоль правого борта. Пролезая на диван. Справа от меня сидит Баевский, слева Ширшов, напротив — поэт Сельвинский. Рядом с ним наши киноземлепроходчики — Трояновский и Шафран. На другом конце стола расположились Гаккель, Стаханов и другие.

— А мне местечка не найдется? — шутливо шепчет вошедший молодой художник Решетников и, комично вращая глазами и взмахивая своей шевелюрой, добавляет: — Здесь у вас подальше от начальства нельзя ли?

— Ой, Феденька, с каких это пор у тебя такой страх объявился? На «Сибирякове» что-то его не было заметно. Однако, Федю надо за наш стол! — промолвил Гаккель.

— Надо, надо! — поддержало еще несколько голосов.

— Федя, имей только в виду, что и за нашим столом начальства хоть отбавляй. Ведь здесь два зама Отто Юльевича — Илья Леонидович Баевский и Ванюша Копусов!

— Ну, Илья Леонидович только с виду страшный, а так... — полилась прерываемая взрывами хохота всего стола веселая болтовня Решетникова. Все оживились, стараясь вставить свои реплики. Добрая половина сидевших за нашим столом хорошо знала друг друга еще по «Сибирякову».

С других столов с удивлением смотрели на наше оживление и смех, столь несвойственные обычной натянутости первого обеда в еще нескжившейся кают-компании. С первого стола на нас одобрительно поглядывал Шмидт. Оттуда же хмурился старпом Гудин, недовольный нашей шумливой веселостью, нарушавшей чинность кают-компанийского обеда.

— Товарищи! Давайте закрепим наш состав стола раз навсегда, — предложил после третьего блюда Баевский.

— Давайте, давайте. Весело будет.

В море попрежнему катились небольшие волны. Ветер не усиливался, небо заволжлось беловатой дымкой. На горизонте чернели встречные пароходы. Долго виднелись, как бы стоя на одном месте, суда, шедшие с нами одним курсом.

В конце ужина, проходившего за нашим столом не менее оживленно чем обед, было объявлено о том, что в нижней кают-компании сразу после еды состоится общее собрание.

Кают-компания, расположенная в жилой палубе, была несколько меньше чем верхняя. В одном конце ее, отделенный тяжелой занавесью, находился красный уголок.

В нижней кают-компании столовались палубная и машинная команды и смена зимовщиков на острове Врангеля. Последние жили в твиндеке, оборудованном койками и столами для пассажиров и для команды на случай зимовки судна.

Сейчас и кают-компания и красный уголок были набиты до отказа.

Запоздавшие толпились в дверях и прилегающем коридоре.

— Партия и правительство, — раздается ровный голос Шмидта, — возложили на нас трудную и почетную задачу... Прошедший этот путь в прошлом году ледокольный пароход «Сибиряков» преодолел встреченные трудности сплоченностью своего коллектива и его дружной, самоотверженной работой... Среди нашей экспедиции есть немало сибиряковцев. Они должны показать пример дисциплинированности и большевистской настойчивости в достижении поставленной перед нами задачи.

СУДОВАЯ ЖИЗНЬ

На следующее утро я проснулся от странного ощущения. Судно слегка покачивало, а стука машины не было слышно. Я быстро оделся и поднялся на мостик. Здесь, засунув руки в карман, спокойно шагаживал вахтенный штурман Михаил Гаврилович Марков. Я спросил, что произошло.

— В машине что-то испортилось. Датчане какие-то передачи новой системы поставили. Так вот то ли это новшество не вполне удачно, то ли наши механики еще к нему не приспособились. а только машину пришлось остановить. То ли дело старенькая машина «Сибирякова», весь прошлогодний поход работала прямо, как часы.

— Ну и консерватор же вы в морском деле, — смеясь сказал я, — а надолго все-таки задержка?

— Да часа на четыре. Час уже стоим — еще три осталось. Только бы не засвезело!

— Ну, погода как будто стоит прекрасная.

Постояв и поболтав с Михаилом Гавриловичем, я отправился на нос судна. От спардека до полубака пришлось идти по бревнам и брусьям разобранного дома, который мы везем на остров Врангеля.

В носу под полубаком, в водолазной, выделено помещение для гидрологических и гидрографических приборов. Ими мы снабжены вполне достаточно; сейчас их надо только разобрать и приготовить к работе, на что потребуется немало времени.

К полудню вновь застучала машина. Усталые механики и машинисты, авралом работавшие по исправлению повреждения, прошли в свои каюты мыться и переодеваться. За ними пробежал в щегольском комбинезоне механик-датчанин, избегавший вопросов, стоявших в глазах встречававшихся с ним.

Жизнь на судне постепенно вошла в свою колею. Члены экспедиции перезнакомились друг с другом и с экипажем. Все чаще слышны шутки и веселые возгласы. Все начинают чувствовать себя на «Челюскине», как дома, так как и в самом деле этот корабль несколько месяцев, а быть может и год с несколькими месяцами должен быть нашим домом.

Все заняты делом. По спардеку ходит Отто Юльевич с Копусовым и захвозом Могилевичем, обсуждая хозяйственные вопросы. Здесь же часто можно встретить капитана Воронина, внимательно осматривающего каждую деталь судна. На палубе то тут, то там видна размахивающая руками фигура старпома Гудина, дающая поморским окающим говором различные указания боцману Толе Загорскому, который изредка кивает ему головой. На юте слышен разговор и сдержанные смешки. Здесь происходит сортировка лука женской бригадой под руководством доктора Никитина.

Большинство научных работников разбрелось по своим закоулкам и возится с приборами.

Корреспонденты и писатели ходят с блокнотами по судну, внимательно осматривая все, начиная с машин и кончая штурманской рубкой. Покончив с осмотром и составив телеграммы, они долго шепчутся с нашим радистом Эрнестом Кренкелем, убеждая его в важности возможно скорейшей передачи написанного. Высокий, несколько мрачный Кренкель имеет стаж нескольких полярных зимовок; он участвовал в арктических полетах дирижабля «Граф Цешпелин» и поставил мировой рекорд дальности коротковолновой связи между Землей Франца-Иосифа и экспедицией Бёрда в Антарктике.

— Эрнест Теодорович! Так не забудьте, ведь это нужно в первую очередь.

Получив корреспонденцию, Кренкель направляется в радиорубку.

В конце вторых суток случилось неожиданное «происшествие». По середине Финского залива с судна увидели стоящий без движения небольшой белый моторный катер с двумя людьми, махавшими руками проходившему судну. «Челюскин» развернулся и подошел к катеру. Так как находившиеся в моторе по-русски не говорили, то на палубу была вызвана одна из наших уборщиц Вау, знавшая финский и эстонский языки. Через товарища Вау удалось выяснить, что катер принадлежит финской пограничной страже и что на нем вышел весь бензин. Это известие у многих вызвало сомнение, так как и сам катер, забаластированный камнями, и его команда совсем не производили впечатления военных, какими являются пограничники в любой стране. Скорее всего встреченные люди напоминали контрабандистов.

Так как выяснение подозрительных личностей в чужих водах не входило в наши функции, и в то же время бросить людей на произвол судьбы среди моря мы тоже не могли, было решено дать им бидон с бензином, которого должно было хватить до ближайшего, видневшегося на горизонте маяка.

КОПЕНГАГЕН

19 июля справа по носу забелели пятнышками будто игрушечные дома с черепичными крышами. «Челюскин» подошел к юго-западной оконечности Скандинавского полуострова.

Под берегом мелькали изящные пассажирские пароходики.

Проснувшись на следующее утро, через щель занавески вижу голубое небо и часть серой бетонной стены.

— Яков Яковлевич! Як Як! — бужу спящего Гаккеля. — Мы в Копенгагене, стоим у какой-то пристани!

Быстро одевшись, выхожу на мостик.

«Челюскин» стоит у прямой длинной пристани, над которой идет дорога для пешеходов. Так как было еще очень рано, то на пристани и на верхней дорожке виднелись только единичные пешеходы. Изредка про-

езжал велосипедист с портфелем или проходил какой-нибудь служащий. На пристани у трапа одиноко маячила фигура полицейского, одетого в черную форму с отделанной золотыми позументами накидкой.

Слева от судна в гавани безмолвно стояли десятки парусных яхт разных конструкций и национальностей. На противоположном берегу гавани дымили трубы заводов и был слышен гул их работы.

На верхней дорожке пристани показались две медленно движущиеся женские фигуры, одинаково одетые в какие-то бело-черные одеяния карнавального типа. Руки у обеих были одинаково сложены одна поверх другой на животе. Одна из женщин была пожилая, другая еще молода и довольно миловидна. Старуха смотрела прямо вперед, не обращая никакого внимания на наше судно, молодая, изредка поотстав на четверть шага, бросала вкось любопытные взгляды.

— Это еще что за кикиморы? Никогда не видал таких! — удивленно спрашивает молоденький матрос Геша Баранов.

Я объясняю ему, что женщины католические монахини. Геша долго смотрит им вслед, качая головой.

— Есть же дуры на свете! — бросает он наконец и принимается подметать мостик.

Пристань постепенно оживляется. Все чаще и чаще появляются велосипедисты.

На судне появились сотрудники нашего полпредства и торгпредства. Знакомимся, беседуем. Нагрянули корреспонденты и фотографы датских газет. Постепенно ожили яхты и, снявшись с якоря, лавируют к выходу из гавани. Оказалось, что сейчас в Копенгагене ежедневно происходят парусные гонки.

После обеда нам разрешено сойти на берег. Отправляемся в город, представляющий собой узенькие кривые улочки, врезанные в трех-четырехэтажные дома старинной постройки. По асфальтовой мостовой мягко проносятся велосипеды самых разнообразных конструкций и видов. Видно, что этот способ передвижения является здесь основным средством транспорта. На велосипедах ездят все, вплоть до стариков и малых ребят. Автомашин в городе мало, а лошадей почти совсем не видно.

Первые этажи домов в центре города заняты множеством маленьких изысканных магазинов. Старый город с некоторым налетом средневековья скоро кончается. Из узкого пролета улиц выходим на широкую площадь. Величественная ратуша и другие здания оживлены пятнами зеленых насаждений. От площади тянутся улицы нового города. Здесь расположен знаменитый сад Тиволи, кино и театры.

Прекрасные музеи Копенгагена оживлены иностранными туристами. Большие автобусы подвозят к ним увешанных фотоаппаратами, с бедекерами в руках беспеременных людей, привыкших ничему не удивляться и принимать как должное услуги и поклоны «туземцев».

Город исхожен вдоль и поперек. Столица маленькой фермерской страны не миновала всеобщего кризиса.

В магазинчиках со столь изящными витринами и горами товаров редко, редко увидишь покупателя. Одно из немногих крупных индустриальных предприятий города — старинная верфь Бурмейстер и Вайн, прогремевшая на весь мир постройкой первых океанских теплоходов, влачит свое существование советскими заказами «Челюскина» и рефрижераторов для Мурманрыбы.

Возвращаясь на судно и проходя мимо уютного ресторанчика со столиками, расположенными на открытом воздухе, мы имели неосторожность остановиться и посмотреть из любопытства цены на вывешенном при входе меню. Официант тотчас же бросился к нам и с молниеносной быстротой расставил на одном из столиков приборы. Пришлось, не прочтя меню, уйти, так как в сотне метров отсюда нас ждал прекрасный судовой обед. Ресторанчик давно уже, повидимому, не имел ни одного посетителя.

Тонкий гастрономический вкус датчанина любит деликатесы, но это стоит дорого, и поэтому для удовлетворения потребителей на улицах установлены автоматы, из которых можно сравнительно дешево получить маленькие бутерброды с ассортиментом разнообразнейших вкусных вещей в... миниатюрнейших порциях. На тонком ломтике белого хлеба в 25—30 квадратных сантиметров изящно размещено несколько сортов рыбы, дичи, сыра, овощей, в общем всего, что может пожелать пылкая фантазия гастронома.

На улицах бросалась в глаза хорошая одежда встречаемых людей. Цены на одежду здесь высокие, но, как нам объяснили, в постепенно развивающейся безработице хоть маленький шанс получить работу может иметь лишь тот, кто хорошо одет...

Побродив по городу, вернулись на корабль.

После ужина с пристани послышалась звонкая песня слаженного хора молодых голосов под аккомпанемент струнного оркестра. Ясно можно было разобрать, что поют на иностранном языке наши советские песни: «Марш Буденного», «Красная армия» и др. Выхожу на палубу.

На пристани собралось около сорока девушек и юношей, членов датского комсомола, бодрыми и сильными голосами приветствовавших советский корабль.

Беспечно шагавший до этого по пристани полисмен подтянулся и сосредоточился.

Без удержу защелкал затвором своей лейки наш фотограф Петр Карлович Новицкий. Зашумел киноаппарат Трояновского.

Публики на пристани собиралось все больше и больше. Полисмен предложил комсомольцам прекратить пение и разойтись. Те расходятся, но через минуту вновь собираются, и звуки их песен снова раздаются над пристанью. Полицейский направляется еще раз к ним и... опять повто-

В Копенгагене

рывается та же история. Наконец блюстителю порядка надоедает беспечное занятие, и он оставляет ребят в покое.

Во всех вечерних копенгагенских газетах появились статьи, посвященные походу «Челюскина». Нельзя было не заметить, что Копенгаген интересуется жизнью Советского Союза. При первом посещении города нам бросились в глаза поставленные в центрах витрин книжных магазинов переводы на датский язык сочинений Шолохова, Гладкова и ряда других советских писателей. Правда, наряду с ними стояли какие-то «Приключения в Кремле», несомненно белогвардейского происхождения, но и эта чушь служила показателем, что всякая книга, хотя бы по заголовку относящаяся к Стране Советов, имеет здесь спрос.

Дни стоянки в Копенгагене подошли к концу. Интерес со стороны датчан к нам не ослабевал. На пристани, около судна, постоянно толпился публика. Часто приходили осматривать «Челюскин» экскурсии различных рабочих и комсомольских организаций. Помощник начальника экспедиции по политической части, Алексей Николаевич Бобров, энергичный организатор всех наших общественных дел, узнав, что я немного владею немецким языком, предложил мне давать необходимые пояснения экскурсантам на корабле. Я был несколько смущен этим назначением, потому что давно не имел практики в разговорном языке, но так как и большинство датчан владело этим языком довольно посредственно, то с помощью мимики и соответствующей жестикуляции дело пошло на лад.

Обычный маршрут экскурсии шел по верхней палубе, затем по жилой, где были расположены каюты машинной и палубной команды, и заканчивался осмотром бани с прачечной и нижней кают-компании с красным уголком.

Принятое на всех вновь построенных судах нашего флота размещение команды в двухместных каютах с отдельной уютной кают-компанией вызывало особый интерес среди экскурсантов, так как на судах буржуазных стран команды, как и раньше, помещаются в тесноте в общих, барачного типа кубриках, где люди и спят и столуются. Наши новшества вызывали восторг и удивление у рабочих экскурсантов.

Раз я вел небольшую группу каких-то буржуазных деятелей.

Один из них попросил показать, где у нас помещаются кочегары.

— Вот в таких же каютах, какую мы только что видели у рулевых, — ответил я, указывая рукой на длинную анфиладу выходящих в коридор дверей.

— Но мне бы все-таки хотелось видеть каюту кочегаров, — настаивал мой спутник.

Я дернул ручку двери одной каюты с надписью «кочегары», другой, но они были заперты. Я развел руками. На лицах датчан что-то мелькнуло. Тогда я схватил ручку еще одной такой же каюты. Дверь открылась.

Посреди чистой двухместной каюты стоял раздевающийся, только что сменившийся с вахты, здоровенный молодой кочегар Вася Громов. Датчане удовлетворенно закивали головами.

— Нас в городе уверяли, что у вас на корабле только привилегированная часть состава живет хорошо, остальные, особенно кочегары, работают и помещаются в ужасных условиях, — заметил один из экскурсантов.

— Вы сами теперь видели и котельное отделение и как живут кочегары! — рассмеялся я, поняв причину усиленного интереса датчан к каюте кочегаров и их замешательство, когда я не мог показать им ни одной из кают.

— О да, да! — поспешно ответил мой собеседник и затем задумчиво продолжал: — Многие, что нам говорили, не соответствует тому, что мы здесь видим. Говорят, что у вас ужасающий голод и бедность по всей стране. И вдруг эта бедная страна отправляет прекрасно оборудованную научную экспедицию на новом специально выстроенном огромном и роскошном пароходе... Как-то все это не вяжется...

Сотрудники копенгагенского торгпредства устроили нам живой и веселый вечер. Нашему прибытию они страшно обрадовались, так как советская колония в Копенгагене очень невелика, и потому пребывание в их среде людей, только что приехавших с их родины, конечно было для них более чем приятно. Не менее оживленный вечер провела колония на борту нашего «Челюскина». В торгпредстве был устроен вечер «смычки» датских и советских писателей и ученых. Официальность вечера накладывала некоторую сухость в разговорах, и лишь около грузного, с развевающейся «бетховенской» шевелюрой Андерсена Нексе весь вечер шли оживленные беседы. Гораздо непринужденнее прошли взаимные посещения и беседы с всемирно известным океанографом Мартином Кнудсеном и составителем ежегодного атласа состояния льдов в Арктике доктором Шпеершнейдером. С большим интересом ознакомились наши научные работники с постановкой работы в этих маленьких, но имеющих мировое имя и значение научных учреждениях, как «Лаборатория профессора Кнудсена» и Датский метеорологический институт. Со своей стороны оба знаменитых датчанина с большим вниманием ознакомились с нашими работами, характеризующими размах советских исследований в Арктике.

В день отхода «Челюскина» моросил дождик, напоминая нашу ленинградскую осень. На пристани собралась небольшая группа членов советской колонии. Позади нее видна толпа комсомольской молодежи, ежедневно приходившей с первого дня нашего прибытия на пристань петь революционные песни.

Звякнул машинный телеграф. На носу и корме замелькали руки, перебиравшие отданные с пристани швартовы.

«Челюскин», медленно набирая ход, отошел от пристани.

С берега несется «Интернационал», исполняемый комсомольцами.

ШХЕРАМИ

Черная шель воды разрезает гирлянду, сотканную из отдельных огоньков. Гельсингер и Гелисингбор — два брата-города — разделены проливом Большой Бельт и государственной границей между Швецией и Данией.

Поодаль разбросаны группы огней мелких городов и селений. Ближе видны яркие цветные пятнышки встречных судов...

«Челюскин» вошел в норвежские шхеры. Картины меняются, как в хронике кино. Вот узкое ущелье между высокими озелененными лесом горами. Ущелье закрыто склоном другой горы. Идем как будто бы прямо в берег, но бритый и пожилой лопман с золотыми позументами на фуражке и на рукавах спокойно стоит на мостике.

На одном берегу у входа в ущелье поблескивает белый конус маяка-мигалки. Справа открывается широкий путь — «плес», как сказал бы речник. Поворачиваем на него. Склоны гор становятся более пологими. Проходим мыс с несколькими белыми домами. За мысом тянется низина берега с расположенным на нем городом. Двухэтажные узкие домики как бы налепились друг на друга. Улиц не видно, так как они слишком узки и искривлены, чтобы их можно было различить с воды. Зато ясно видны отдельные кварталы города, в центрах которых стоят церкви — кирпичи, как бы пытающиеся пронзить лазурь неба острыми своих готических шпицев. У самого берега расположены склады и причалы. В середине городка видна гавань — ковш, в которую сейчас стремится небольшой аккуратный пассажирский пароход.

Людей почти не видно. Городок хмуро переживает мировую экономическую катастрофу. В небольшой бухточке за городом видно характерное для большинства капиталистических портовых городов корабельное «кладбище». Десятка полтора разнообразных пароходов стоят здесь без паров и команд, лишенные жизни разразившимся кризисом. Причальные линии, опоясывающие городок, пусты: широкие двери пакгаузов плотно закрыты...

В шхерах было тихо, но в океане, повидимому, катилась крупная зыбь; ее мы почувствовали, когда пришлось пересекать небольшой открытый залив. Здесь сразу сказались обводы ледокольного парохода, без бортовых килей. Судно стало стремительно класть с борта на борт. На корме смывало лежавший там уголь, дрова, и все то, что не было как следует закреплено.

Команда и члены экспедиции бросились спасать уносимый водой груз. Вот по пояс в воде возятся наши энтузиасты Гаккель и Шишов... Судно клало на борт на 30—35 градусов... Но вот «Челюскин» опять в шхерах.

Редает лесистость гор, сменяясь луговой зеленью. «Челюскин» приближается к северным ландшафтам.

— Ну, совсем как у нас в Исковской губернии на озерах, — растягивая слова, говорит старший на спардеке почтенный профессор-механик

Лобач-Жученко, идущий с нами до Мурманска для испытания судовых машин.

Через несколько минут за поворотом фарватера ландшафт снова меняется — блеснула яркая южная зелень деревьев. Профессор, забыв про свою Псковскую губернию, восторженно восклицает:

— Прелесть! Совсем как у нас в Жигулях! — Видя недоумевающий взгляд собеседника, он добавляет: — Я, видите ли, уроженец Воронежской, а учился в Самаре и собственно в Жигулях раза два только был. Какая прелесть!

Над кораблем тучей вьются бело-серые морские чайки. На носу под руководством доктора Мироненко обрезают начавшие зацветать копченые окорока ветчины. Обрезки бросаются за борт, где за ними гоняются чайки, устраивая форменное сражение.

На корме шел тоже аврал. Из отсеков продовольственного трюма на солнце выносили картофель, тоже начавший портиться от влажного и теплого воздуха. «Челюскин», готовясь к полярному плаванью, оказался на 55 градусах параллели в самую жаркую пору, что и вызвало порчу некоторых продуктов.

Работа шла по бригадам, на которые были разбиты все участники экспедиции. Всего было три мужских бригады и одна женская, в которую были также включены и наиболее слабые из мужчин.

Наконец в одно серое мгlistое утро, в дымке тумана обрисовался вход в Кольский залив... «Челюскин» вошел в Мурманский порт, рассыпавший свои домики по склону горы. Серый и черновато-серый цвет имеют и набережные и в изобилии стоящие и снующие по рейду рыболовные суда.

Гигантом возвышается трехтрубный красавец — учебный корабль «Комсомолец», пришедший из Ленинграда с курсантами. Вдоль набережной видны силуэты иностранных грузовых пароходов, опшвартовавшихся под погрузку апатитов.

П. В КАРСКОМ МОРЕ

МУРМАНСК

Для догрузки подошедшего из Ленинграда оборудования «Челюскин» предполагал пробыть в Мурманске не более трех-четырех дней, но сделать за этот срок все, что было нужно, не успели — пришлось задержаться.

Мурманск принимал живое участие в нашем отправлении. Из близлежащего совхоза были присланы свежие огурцы, капуста и прочая зелень, которая вместе с закупленным в Копенгагене запасом лимонов должна была обеспечить витаминное питание как во время нашего плавания, так особенно зимовщиков на острове Врангеля.

Кроме дополнительного снаряжения по железной дороге к нам прибыли маленький самолет-амфибия Ш-2 с известным полярным летчиком Бабушкиным и бортмехаником Жорой Валавиным.

Двухместный крошечный самолет со складывающимися крыльями занимал немного больше места, чем большая судовая шлюпка.

«Челюскин» постоянно посещался экскурсиями краснофлотцев и курсантов с «Комсомольца». Руководителем экскурсий снова пришлось быть мне. У новых экскурсантов вопросы были совсем другие, чем у тех, что бывали у нас на борту в Копенгагене. Там интересовались, главным образом, бытом судна. Здесь интерес сосредоточивался в первую очередь на наших маршрутах, запасах, планах работ и новых технических усовершенствованиях, какие имелись на «Челюскине». Культурный быт советского корабля краснофлотцам был давно хорошо известен...

До погрузки на судно Бабушкин решил испытать свой новый самолет в воздухе. Мы все высыпали на палубу.

Валавин, стоя на шлюпке, быстрым рывком повернул пропеллер за отлакированный конец. Мотор ритмично затакал на малом газу. Бабушкин, сидя на своем месте пилота, начал разворачивать машину. Внезапный порыв ветра вынес к самолету стоявшую под кормой корабля маленькую баржу, и в воздух полетели куски блестящего пропеллера. Бабушкин выключил мотор.

— Плохое предзнаменование! — слышу вырвавшуюся фразу у одного из наших судоводителей. Какой древностью повеяло от этой фразы! Сразу

дохнуло эпохой империалистической войны, когда подводные лодки и даже крупные корабли не выходили в поход в понедельник, боясь вот этих самых «предзнаменований».

— Запасные пропеллеры-то есть? — спросил я у соседей, когда Бабушкин с расстроенным лицом скрылся со Шмидтом в каюту.

— В том то и дело, что из Москвы не дослали. Бабушкину придется самому съездить. А это задержит наш выход в море. Вон, «Красин», говорит, не сегодня — завтра закончит свои приемки и выйдет!

Потянулись дни ожидания пропеллера. Ежедневно выгружали прибывшее снаряжение, имущество, сено для коров, которых нам предстояло взять для своего питания и, главным образом, для колонии на острове Врангеля. В работах нам деятельно помогают краснофлотцы. Как только мы начинаем погрузку чего-либо подвешенного на пристань, к нам на помощь выбегает бригада краснофлотцев в парусиновых робах и с веселым молодежным гомоном старается опередить в погрузке наши разнокалиберные по составу рабочие бригады...

«Красин», закончив приемку снаряжения и 3200 тонн угля, вышел на рейд. Ему предстоит провести первый караван грузовых судов в устье реки Лены. 7 августа «Красин» вышел в море.

В ПРОЛИВЕ МАТОЧКИН ШАР

День 10 августа начался в Кольском заливе хоть и не особенно сильным, но порывистым ветром. В море этот ветер грозил беспокойным переходом.

Плохо переносящие качку пассажиры взволновались.

Опасения, однако, были напрасны. В последующие два с небольшим дня перехода к Новой Земле ветер не усилился, волнение не выходило из разряда «легкого». Жизнь на судне шла вполне спокойно.

Около полудня 12 августа на горизонте показалась серая дымка ново-земельских возвышенностей. Постепенно дымка стала оформляться в четкие контуры, и мы опознали мыс Бритвин и залив Норденшельда.

Впереди нас виден пароход, идущий по нашему же курсу.

— Кто это идет впереди? — спрашиваю я меланхолично шагающего вахтенного Сашу Миронова — матроса и одновременно корреспондента мурманской газеты «Полярная правда».

— Это — десовоз «Правда», а вон левее его идет «Сталин». А знаете, — вдруг, оживившись, говорит Миронов, — у нас обнаружили «зайца», спрятался как-то в машине!

— Что ж с ним делать будут?

— Старпом сказал, что где-нибудь сдадут на обратный пароход. А мне так его жаль. Видно здорово парню захотелось в Арктику, а вышли только неприятности.

Вскоре мы перегоняем «Правду». Весь борт парохода усеян людьми. В бинокль узнаем знакомых. На «Правде», также как и на идущих вместе с ним «Сталине» и «Володарском», в устье Лены и в Хатангский залив едут сотрудники и рабочие геологоразведочных партий. Вслед за этим караваном морских грузовых судов из Енисея в Лену должен пройти мощный полуморской, полуречной буксир-теплоход «Первая пятилетка» с большим лихтером на буксире. Своего речного флота для подъема грузов вверх по Лене недостаточно, — точнее говоря, его почти нет. Таким образом мощная «Первая пятилетка» и лихтер явятся существенным пополнением.

— Каким путем мы пойдем в Карское море? Проливом Маточкин Шар или же огибая мыс Желания? — поминутно обращаются ко мне члены экспедиции. По данным наблюдений радиостанций южная часть Карского моря в данный момент заполнена тяжелыми льдами. Суда карской экспедиции, идущие за сибирским лесом в устья рек Оби и Енисея, направлены в Карское море проливом Маточкин Шар. Хотя и по этому направлению ледовые условия нелегки, но все же более приемлемы. В настоящий момент ледокол «Ленин», пройдя через Маточкин Шар, с трудом проводит карскими льдами первую грушу судов...

К вечеру положение окончательно разъяснилось, и мы свернули к проливу Маточкин Шар.

Вскоре «Челюскин» бросил якорь у стоящего в проливе парохода «Аркос». На этот пароход свезли на шлюпке нашего «зайца», снабдив его провизией до Мурманска.

Маточкин Шар представляет собой узкий пролив-ущелье, разрезающий Новую Землю на два острова. Скалистые берега пролива заполнены глетчерами. Причудливые изгибы, открывающие все новые и новые виды долин и величественных гор, делают этот пролив одним из красивейших мест Арктики.

Маточкиным Шаром с каждым годом все чаще пользуются для провозки карских караванов. С навигационной стороны плавание по нему сейчас не представляет препятствий, так как все опасности достаточно ограждены опознавательными знаками.

Невольно вспоминается, как трудно и сложно казалось это плавание еще только десять лет тому назад. В 1923 году экспедиция в составе ледокола «Малыгин» и двух гидрографических судов «Мурман» и «Купава» с двумя баржами на буксире должна была построить геофизическую станцию и радиостанцию в восточной части Маточкина Шара. Для прохода «Малыгиным» пролива, пришлось выслать вперед одно из гидрографических судов «Мурман», который произвел обследование входа и затем все время шел впереди ледокола, непрерывно измеряя глубины.

Это было десять лет тому назад. Теперь по проливу спокойно ходят многочисленные торговые суда, так как Маточкин Шар имеет хорошо про-

меренный фарватер, освещенные знаки, маяки, и постоянную геофизическую обсерваторию, наблюдающую за ледовым режимом. Все это в совокупности вполне гарантирует безопасность плавания.

ПЕРВЫЕ ЛЬДЫ

После полуночи 13 августа, обменявшись приветственными гудками с «Красинным», стоявшим в ожидании своих пароходов в Белушней губе, «Челюскин» вышел в Карское море, проложив курс на северо-восток.

Встретили первую полосу льда. Медленно пробиваемся к чистой воде...

Солнечное утро. Встреченные ледяные поля несколько прижали нас к берегам Новой Земли. Ярко блестят на солнце ледяные обрывы глетчеров, спускающихся отвесными стенами к воде. Матово светятся белые пятна ледяных полей на как бы стальной поверхности моря.

— Смотри, наш «Челюскин» неплохо ломает лед, а говорили, что он будет своим тупым носом только упираться в льдины, — проговорил Гаккель, когда мы с ним, стоя на мостике, наблюдали работу нашего корабля, пробивавшего перемычку льда.

Действительно, судно, сделав небольшой разбег, вползло по инерции на лед, проламывало его и медленно двигалось дальше.

— Единственно, что мне не нравится — это вибрация корпуса, — продолжал Гаккель, — смотри, как только корабль вылезет на льдину, так и кажется, что он вот-вот переломится пополам.

Почти все участники экспедиции и свободные от вахты члены экипажа были на палубе и так же, как мы, с интересом смотрели на «Челюскина» в роли ледокола.

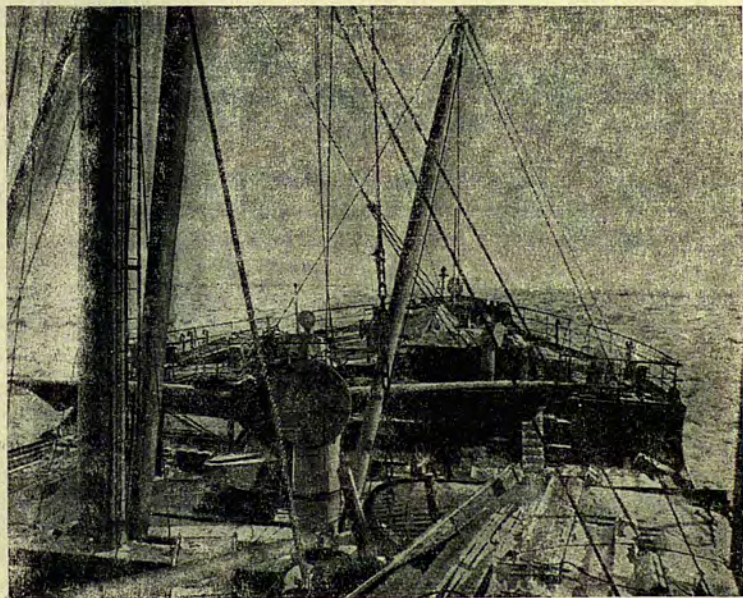
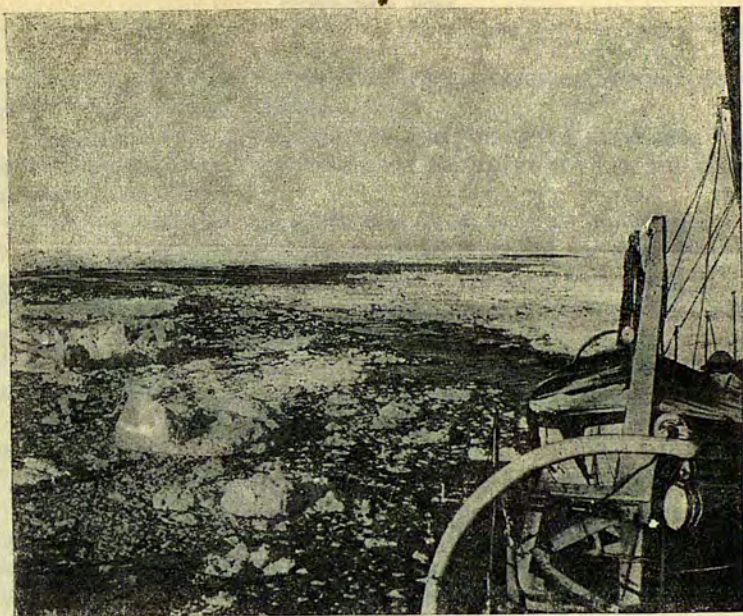
Отто Юльевич, стоя у самого борта на ботдеке, также наблюдал за работой «Челюскина». Вот он выпрямился, повернулся и пошел на верхний мостик, куда только что поднялся Владимир Иванович Воронин. Как только мы вошли в лед, Воронин постоянно лазал на фокмачту, под стеньгой которой, как и на всех ледовых судах, находилась наблюдательная бочка. Отсюда Владимир Иванович обычно давал указания вахтенным штурманам, в каком направлении форсировать ледовые перемычки. Сейчас капитан о чем-то оживленно беседует с Отто Юльевичем.

Переговорив с капитаном, Шмидт спустился с мостика.

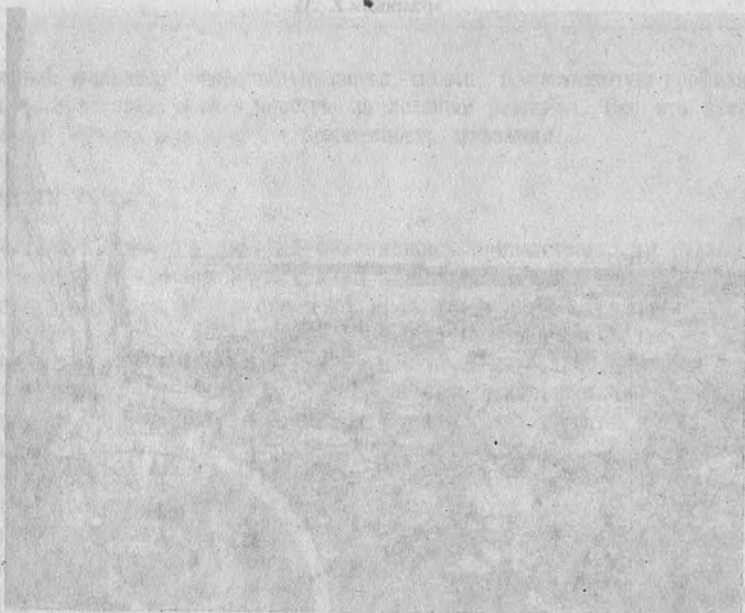
— Павел Константинович! Когда вы думаете начать гидрологические работы?

— По плану, Отто Юльевич, глубоководные станции намечено брать к востоку от мыса Челюскина, то есть уже в море Лаптевых. Поверхностные наблюдения, как я уже вам докладывал, начаты по выходе из Колыского залива и ведутся ежедневно.

— Но ведь мы сейчас идем местами, незатронутыми работами прежних лет.

Во льдах

— Да, Отто Юльевич, и было бы чрезвычайно интересно провести здесь ряд глубоководных станций.

— Так вот, я уже переговорил по этому поводу с капитаном. Он не возражает изредка делать остановки для ваших работ. Так что готовьте приборы и начинайте.

— Есть! — радостно выкрикнул я и бегом бросился готовиться...

К вечеру лед стал встречаться все более густыми массами. Опустился туман. Для обхода тяжелых льдов пришлось уклоняться от курса.

Ночью «Челюскин» повернул обратно и, пройдя так некоторое время, вновь пошел на север.

На следующий день после обеда мы сидели с Гаккелем в своей каюте. Вдруг распахнулась дверь, и появился возбужденный Факидов.

— Товарищи! У нас пробойна, разошлись швы обшивки и срезало ряд заклепок. Смотрите!

На руке у Факидова лежали две заклепки со срезанными головками.

— Это я подобрал в трюме. Возможно, что сильно поврежден форпик. Сейчас он заполнен пресной водой и потому недоступен для осмотра...

Неприятно стало на душе — ведь это была только первая наша встреча со льдами, первая проба «Челюскина», впереди же лежали тысячи миль тяжелого льда.

ПЕРВЫЙ УГОЛЬНЫЙ АВРАЛ

15-го вечером сгустившийся лед заставил совсем остановиться. По радио связались с «Красным», который, как выяснилось, успешно проводил через лед свои пароходы. По выходе на чистую воду он должен был направиться к нам.

У Отто Юльевича происходило совещание с судовой администрацией, в результате которого был объявлен общий угольный аврал с тем, чтобы поднять перегруженную носовую часть судна путем перегрузки угля из носового трюма в средний бункер.

В аврале должны были участвовать три бригады: две, составленные из экспедиционного состава пополам с судовой командой, и третья — из артели строителей и персонала колонии острова Врангеля.

Первой на работу вышла экспедиционно-судовая бригада во главе с сибиряковцем Борисом Грозовым.

Загрохотали паровые лебедки; по спардеку с мешками на спине в туче угольной пыли пробегали люди...

Первая бригада превысила намеченное задание судового руководства.

Второй на работу вышла наша бригада, одетая в парусиновые робы прямо на голое тело.

— Мы-то перевыполнили план. Посмотрим как справитесь вы! — задорно кричит Грозов нашему бригадиру Гаккелю.

— Как-нибудь и мы не отстанем, — бросает в ответ Як Як.

— Это не так просто. Но мы и работали здорово, — не унимается Громов.

Быстро распределяем работу. Часть идет в трюм на насыпку мешков, часть на подъем, остальные на перетаскивание.

— Товарищи, давайте опережим первую бригаду. Поднажмем и утрем им нос, чтобы не задирались, — предложил корреспондент «Комсомольской правды», он же секретарь экспедиции, — Ленья Муханов. — Вспомним сибиряковский угольный аврал...

Высыпав мешок в бункер, возвращаемся к трюму, стараясь отдышаться. Вот снова трех с половиной пудовая тяжесть неудобно легла на спину. Сгибаясь, хватаешь угол мешка и бегом несешься к бункеру, чтобы скорее донести и скинуть тяжесть...

«Перекурка»! Что может быть прекраснее этого слова! Целые десять минут можно вытянувшись лежать, курить, напиться воды... Какими короткими кажутся эти десять минут в сравнении с пятьюдесятью минутами напряженнейшей погрузочной работы.

— Мы почти догнали первую бригаду, — объявляет наш бригадир во время перекурки после третьего часа работы. — Если еще в этот последний час поднажмем — перегоним!

Естественно, что поднажали и перегрузили больше первой бригады на пятьдесят мешков.

— Догоняйте нас, — говорим мы степенно идущим к нам на смену рабочим-строителям.

— Не впервые, — басит в ответ высокий печник «дядя Митя».

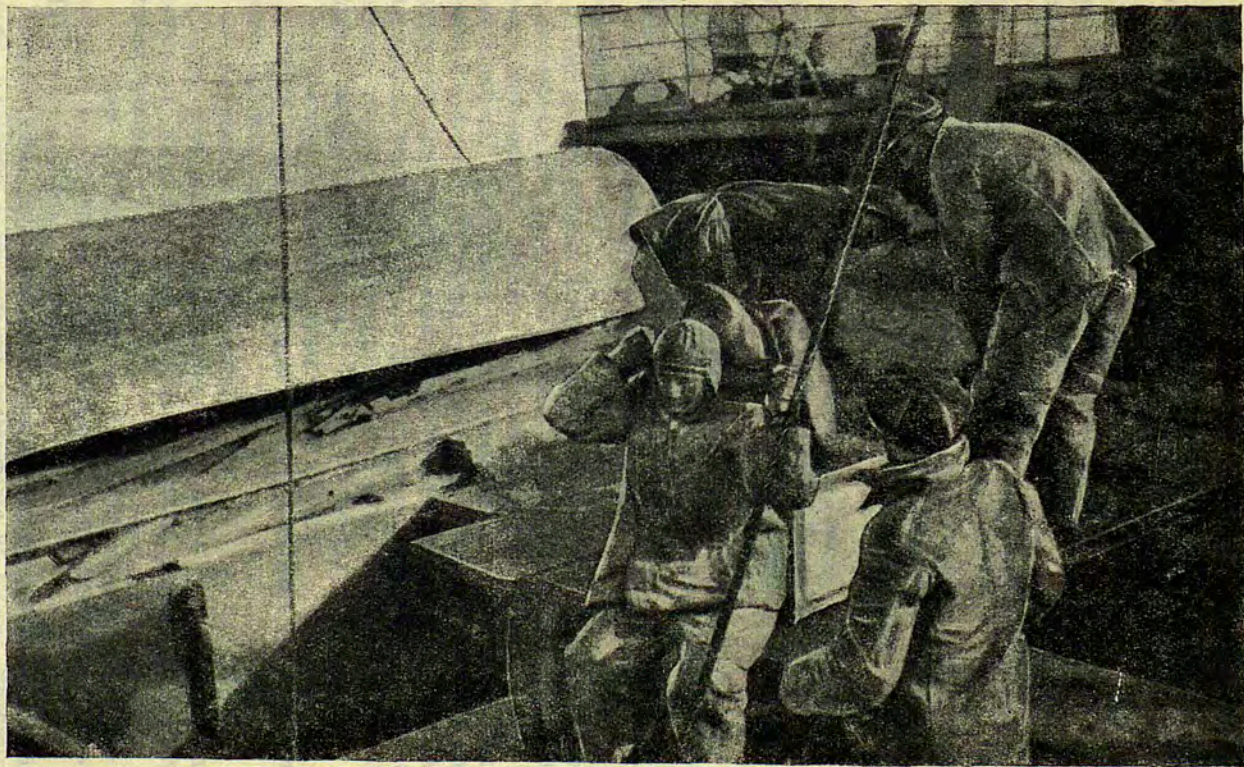
После работы особенно вкусным показался ужин, оживленный «авральными» разговорами. На стене кают-компании уже появились шаржи и карикатуры Феи Решетникова, посвященные авралу.

Фея сейчас не участвует в бригадах, так как еще на пути в Мурманск, во время одной из перегрузок, ему захлестнуло руку шкентелем лебедки, и он получил вывих. Талантливейший карикатурист, он своей художественной сатирой метко бьет по нашим недостаткам или весело шаржирует в своем «Ледовом крокодиле» положительные стороны нашей жизни. Сегодня вышел уже третий номер «Ледового крокодила», редактором и исполнителем которого является комсомолец Фея, бывший беспризорник, одаренный художник — сибиряковец. «Крокодил» выходит наряду со стенгазетой и вместе с ней своими рисунками проводит те или иные кампании.

Ужин окончен. Надо скорее ложиться, так как спать до начала нашей смены осталось шесть с небольшим часов.

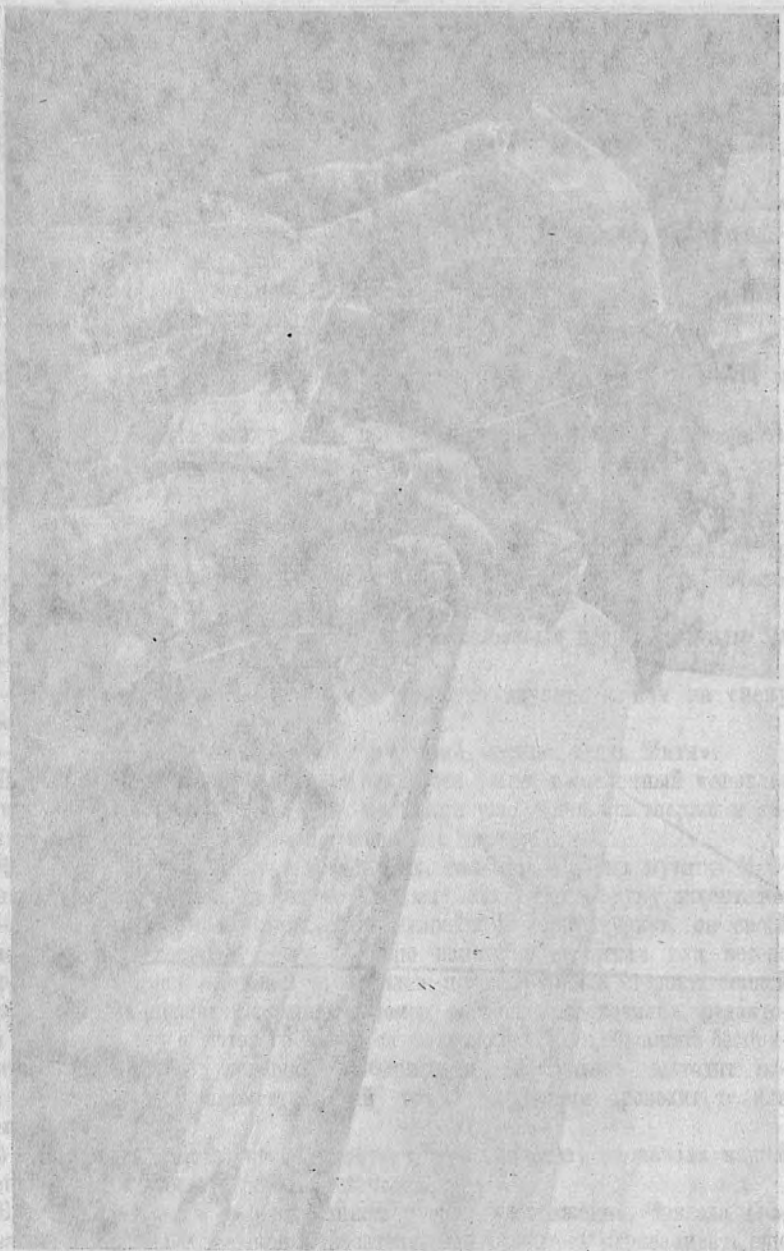
Бригада строителей перевыполнила и наши достижения, бригада Громова дала еще более высокие показатели, нам пришлось переваливать еще выше.

Неослабевающим темпом погрузочная работа шла двое суток.

Угольный аврал в Карском море

Знакомство с работой и условиями труда

Немаловажным фактом является работа в течение суток.

«КРАСИН»

17-го утром все следы недавней угольной погрузки на судне были убраны, палуба скачена водой, крашенные части тщательно вымыты. «Челюскин» вновь поблескивал на солнце чистотой своих надстроек.

Обитатели корабля бродили вокруг судна по льду. Мы с Гаккелем успели уже взять высоту солнца для определения нашего места и провести глубоководную гидрологическую станцию.

— Скоро к нам подойдет «Красин», — бросает в нашу открытую дверь Эрнест Кренкель, помещающийся в соседней каюте.

— А какие еще новости в эфире, Эрнест? Как положение со льдом на востоке?

— Да неважное! «Сибиряков», выйдя с Диксона, тоже застрял во льдах. Севернее его во льдах дрейфует «Седов». Таким образом то, что мы стоим без движения, при создавшейся ситуации в целом для нашего рейса особой роли не играет...

Около 4 часов дня вдали показался характерный силуэт «Красина».

Борт «Челюскина» усеян зрителями. На приближающийся ледокол направлены все наличные фото- и киноаппараты.

«Красин» легко идет в тяжелом льду, который как бы отскакивает от его бортов.

Наши кинооператоры Марк Трояновский и Аркаша Шафран мечутся с аппаратами на льду. Но вот льдины с подходом ледокола зашевелились, стали перемещаться. Аркаша, испуганно озираясь, опустил киноаппарат. Он впервые попал в Арктику и чувствует себя не совсем уверенно. Марк — сибиряковец, но и ему пришлось быстро сложить треногу большого киноаппарата и насторожиться. Глыбы льда, на которых находились съемщики, закачались, отделились от расположенных рядом с ними и поплыли. Марк, схватив треногу, как заправский альпинист начал перепрыгивать с одной льдины на другую и оказался у борта «Челюскина».

— Аркаша, не робей! — крикнул он спутнику.

Шафран метнулся в одну сторону, в другую и замер, испуганно озираясь, не зная, что делать.

— Аркаша-а! — неслось с корабля.

Льдина замедлила свое движение и, наконец, плавно пристала к остальным. Видя, что самое страшное миновало, Аркаша, гордо подняв голову, подошел к судну.

— Зачем прыгать и волноваться, когда можно спокойно идти? — заметил он и вдруг быстро побежал наверх, чтобы заснять момент встречи Шмидта с руководством «Красина».

Ледокол начал принимать от нас уголь. Большой ковш, наполненный углем, с помощью крана медленно передвигался на ледокол, опрокидывал содержимое в бункер и рывком бросался снова к «Челюскину». В трюме

уже ждал второй такой же ковш с углем; опорожненный отцеплялся со шкентеля, и взамен его плавно поднимался вверх наполненный.

На палубе ледокола стоит большая черная доска с белыми надписями, говорящими о ходе соцсоревнования. На ней отмечено сколько и какая смена погрузила. Работа идет спокойно и ритмично. Учтено каждое движение. В этой постоянной подтянутости работающих заключается суть всего соревнования. Это не порыв, не ажиотаж бригад угольного аврала «Челюскина» — это борьба за максимально-рациональное использование сил.

19-го, окончив погрузку, красинцы устраивают вечер смычки с «Челюскиным».

Обширная кают-компания ледокола полна людьми. Киносеанс, состоявшийся в столовой команды, закончился, и все перешли сюда.

Короткий торжественный митинг, после чего начинается вечер самодеятельности. Здесь тоже соревнуются два полярных корабля — старый заслуженный и новый, идущий в первое плавание. С нашей стороны выступает Илья Сельвинский, непревзойденно читающий свои стихи.

У красинцев номера попроще, но их больше. Примитивные скетчи, видно показанные уже не раз, веселят ребят. Большим успехом пользовался соединенный джаз красинцев и челюскинцев... Танцы... Смех... Живое и бодрое веселье наполнило кают-компанию ледокола.

— А молодцы красинцы! Как у них здорово налажена общественная жизнь, во всем это чувствуется, — говорит Гаккель, возвращаясь к себе на судно.

— Там сплававшийся коллектив старого корабля. Подожди, Як Як, и у нас скоро будет не хуже, — отвечаю я...

ИДЕМ ДАЛЬШЕ

20-го вечером «Челюскин» тронулся вслед за «Красиным». Поход был не так прост, как это казалось на первый взгляд. Канал, который оставался после прохода ледокола, был очень извилист, и, так как «Челюскин» на малых и даже средних ходах не отличался большой поворотливостью, он несколько раз отставал от ледокола, прежде чем оба судна приноровились друг к другу.

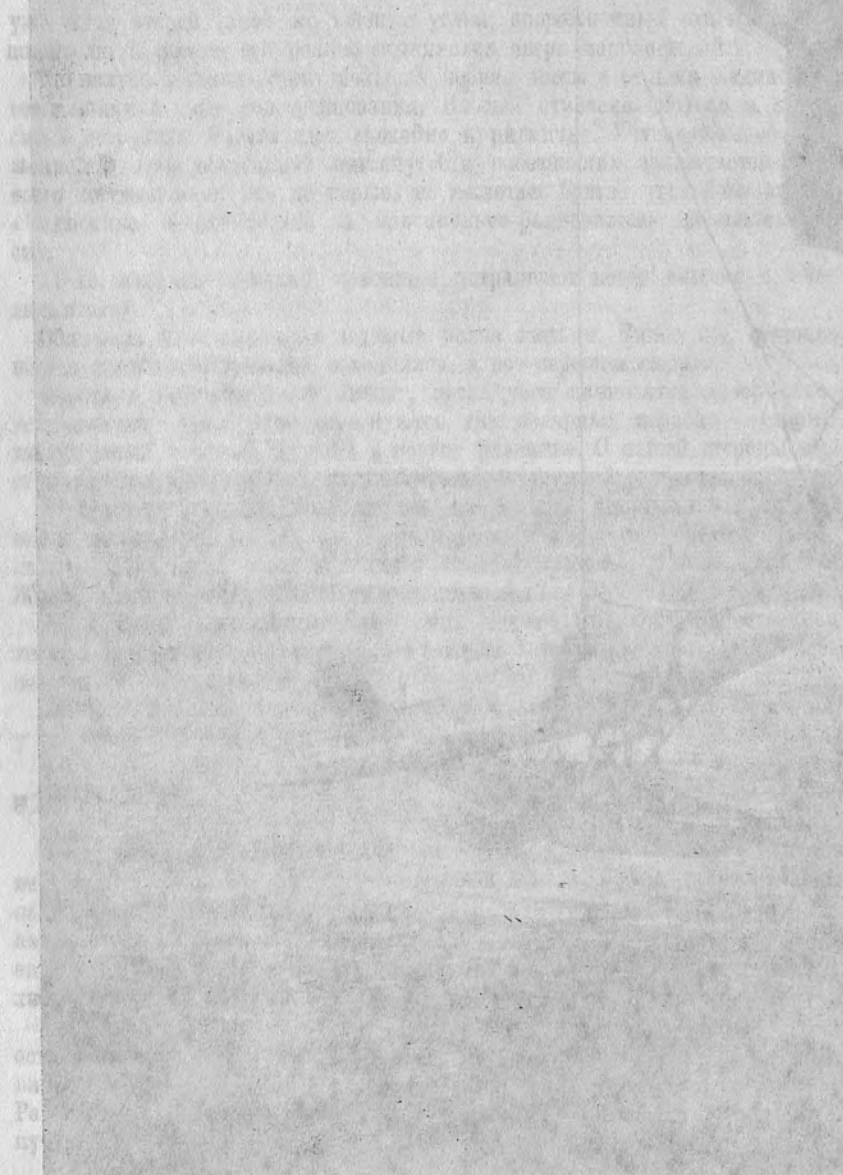
На утро следующего дня суда разошлись. «Красин» взял курс на остров Диксона, где находились его пароходы, а «Челюскин» направился на северо-восток выяснить условия подходов к североземельским проливам. Расходясь, суда обменялись сигналами, пожелав друг другу счастливого пути.

Вскоре «Красин» скрылся в тумане.

«Челюскин» через каждые 3—4 часа хода делал остановки для работ на гидрологических станциях. При помощи опускаемых на различные глу-

В ледовую разведку

И. Александров. — Москва, 1924 г. — 100 стр. — 1 руб. 50 коп. — Издательство «Культур-Литературный Центр».

бины батометров со специальными глубоководными термометрами определялась температура воды и бралась ее проба для химического анализа, который производился гидрохимиком Прасковьей Григорьевной Лобза в специально оборудованной для этой цели судовой лаборатории.

Небольшие скопления льда совершенно не препятствовали нашему плаванью.

На судне широко развернулась общественно-просветительная работа, руководимая Алексеем Николаевичем Бобровым.

Функционировали кружки по изучению английского и немецкого языков. Старшую группу по немецкому языку вел Отто Юльевич.

Интенсивную учебу Алексей Николаевич также развил и у врангелевских рабочих-строителей, с которыми занимались по русскому языку, арифметике, географии и политехмоте. Русский и арифметику преподавала Зина Рыцк, занятиями же по географии и политехмоте руководил сам Бобров. Так как сейчас у рабочих кроме небольших сравнительно поделок по судну работы почти не было, то большая часть времени у них была занята учебой.

К ночи лед опять несколько сплотился, и «Челюскину» пришлось часто сворачивать с курса, чтобы обходить ледяные поля.

В два часа следующего дня было решено сделать воздушную разведку льда. «Челюскин» остановился.

Наш самолет-амфибия «Ш-2», прозванный на борту «стрекозой», был взят с палубы стрелой и поставлен на лед. Когда «стрекоза» находилась на судне, ее крылья-плоскости были сложены; на льду самолет быстро расправил крылья, у мотора завозился механик Валавин.

Со льдины самолет спустился в воду, с которой он и поднялся в воздух, имея на борту пилота Бабушкина и капитана Воронина.

Через 45 минут полета самолет вернулся и был поднят на палубу.

— Состояние льдов в общем неважное. Придется очень медленно и осторожно пробираться вперед, — сообщил, поднявшись на палубу, укутанный с головы до ног капитан Воронин. — А с самолета хорошо лед виден! Я ведь первый раз в жизни полетал. Понравилось. Теперь вернусь в Архангельск, заведу себе такую же «стрекозу», поставлю на дворе и буду на ней в гости летать, — шутил Владимир Иванович.

ТАИНСТВЕННЫЙ ОСТРОВ

Медленно, обходя чуть ли не каждую льдину, пробирается «Челюскин» на северо-восток.

Вдруг зазвенел телеграф, стопоря машину. Впереди льда не видно.

— Почему остановились? — спрашиваю высокого здорового старика, с короткой трубкой-носогрейкой в зубах, нашего судового плотника Адама Доминиковича Шуша.

— Обнаружили малую глубину.

— Как малую глубину? — изумился я. — Здесь ведь должно быть метров триста.

Я бросился на мостик.

— В-о-с-е-мь... — донесся протяжный голос матроса, бросавшего с бака лот.

— Восемь сажен посредине Карского моря! А тут еще этот чортов туман, того и смотри, что куда-нибудь залезешь, — проговорил капитан и, обращаясь к вахтенному штурману Борису Виноградову, приказал:

— Борис Иванович! Положите руля право на борт, выйдите на глубину сажен десять-двенадцать и становитесь на якорь. Простойм ночь, а к утру, как туман разнесет, двинемся дальше.

Случайную остановку чуть ли не в центре Карского моря, да еще в течение целой ночи, надо было использовать для изучения гидрологического режима этого района.

Готовлю вертушку Экмана Мерца — прибор для определения направления и скорости течений воды на поверхности и на глубине моря. Проходит Шмидт, улыбается, глядя на мои приготовления.

— Ну, теперь довольны? Целая ночь в вашем распоряжении для работ! Район интересный, что и говорить!

— Ну еще бы, Отто Юльевич!

Каждые четверть часа спускаю прибор, с трудом урывая время покурить.

Направление и скорости течений плавно меняются. Сразу становится ясным их приливо-отливной характер.

«Ночь», вернее то время суток, когда солнце чуть скрывается за горизонтом на пару часов, проходит быстро. Снова блещет неуклонно ползущее вверх солнце.

— Смотрите, смотрите... да нет, не может быть... да, да... но какой же... — слышу вдруг возбужденный говор на левом борту.

Туман поднялся, и на траверзе «Челюскина» милях в четырех раскинулся какой-то остров.

Его обрывистые берега рассечены распадками ручьев. В долинах кое-где виден снег. Низменная юго-восточная часть плавно уходит в воду.

Ясно, что вчера из-за тумана мы острова видеть не могли, но именно его присутствие и сказалось на резком уменьшении глубин моря.

Несмотря на то, что было всего еще около пяти часов утра, палуба «Челюскина» стала быстро оживать. Захлопали двери кают, обитатели которых, еще не вполне расставшиеся со сладостью сна, озабоченно забегали по палубе. Открытие неизвестного острова взбудоражило все судно.

На карте в месте нахождения «Челюскина» было белое пятно. Ближайший остров — Уединения, открытый на судне «Норд» норвежским шкипером Йоганнесеном в 1878 году и посещенный Отто Свердрупом на

«Эклипсе» (теперь гидрографическое судно «Ломоносов») в 1915 г. в поисках пропавших экспедиций Русанова, Брусилова и Седова, расположен в 50 милях к востоку от того места, где мы находимся.

В 6 часов утра выбрали якорь и, измеряя глубины, стали медленно подходить к острову, окруженному старым многолетним льдом. С судна было видно, как этот лед все время движется в разные стороны. Стать на якорь пришлось в двух с небольшим милях от берега.

— Ты хочешь ехать на остров? — спросил у меня после утреннего завтрака Гаккель.

— Что за вопрос? Конечно хочу!

— Это Отто Юльевич просил у тебя узнать, ты ведь всю ночь работал с вертушкой и вероятно спать хочешь?

— Посплю потом...

На палубе спускали на воду две наших ледянки — легкие шлюпки с полозьями для перетаскивания по льду. К экскурсии на берег оживленно готовились научные работники и писатели, во главе с Отто Юльевичем.

— Павел Константинович! Я попрошу вас быть старшиной на второй шлюпке, — обратился ко мне Шмидт.

— Есть!

Первая ледянка отошла от борта и направилась к острову. У нее на носу устроился с длинным шестом в руках Отто Юльевич, чтобы направлять шлюпку среди льдов.

Вслед за первой ледянкой двинулась и наша. У нее на носу тоже с шестом расположился я.

Вскоре пришлось начать маневрировать среди льдин, которые местами оставляли столь узкие проходы, что нужно было проталкиваться веслами.

Многолетние льдины давали изумительные по красоте и разнообразию картины. Таяние льдин и размыв их волнением создали причудливые формы колонн, арок, пещер, в которые с шумом вливается вода от полохих волн зыби. В момент отхода волны из пустот льдины каскадами вытекает водяное серебро, блестя и играя на солнце. Нежнейшие оттенки зеленых и голубых тонов дополняли фееричность пейзажа.

Поход на ледянках к острову длился час с небольшим. Наконец подошли к береговому припаю и вытащили шлюпки на лед.

— Ну, отсюда еще далеко идти до берега, — крикнул Ленья Муханов, осматривая путь к острову с вершины тороса.

— Надо пройти левее вдоль припая, там кажется можно подойти к самому берегу острова, — сказал Шмидт, тоже всматривавшийся в лед.

Вновь спустили шлюпки в воду и двинулись по указанному направлению.

Кое-как удалось пристать к берегу. Оттащив шлюпки подальше от воды, взвалили на плечи рюкзаки с едой и научные приборы и стали карабкаться на песчаный обрыв.

На слабо волнистой поверхности острова Гаккель выбрал место для определения астрономического и магнитного пунктов. Остальные, сложив в сторонке поклажу, разбрелись по острову.

Я отправился вдоль обрыва берега в целях общего ознакомления с его геологией. Остров оказался сложенным из рыхлых песчано-глинистых отложений. Сам он очень невелик и вытянут с востока на запад. Северная часть его низменна и незаметно уходит в море.

Побродив часа два, я повернул обратно.

Часть экскурсантов уже собралась у наших рюкзаков и проголодавшимися глазами смотрела на завхоза Борю Могилевича, медленно разбиравшего консервы, сыр и прочие яства, захваченные для еды. Вдали слышались выстрелы.

— Это Стаханов со Шпаковским «орнитологией» занимаются, — пояснил Пэпэ Ширшов, разбиравший собранную на острове коллекцию растений и мхов.

Подождав Шмидт, вернулись Стаханов и Шпаковский, разочарованно и смущенно сообщившие, что так и не удалось убить ни одной птицы.

— Давайте, товарищи, завтракать, — обратился к нам Шмидт, — а после еды соорудим около астропункта гурий из камней.

Разместившись на земле, утомленные непривычным для нас теперь пешим хождением, мы принялись за еду.

Гурий сооружали по всем правилам строительного искусства, под руководством никого иного, как главного инженера Главсевморпути Виктора Александровича Ремова. Правда, одновременно с выполнением руководящей роли в постройке, Виктор Александрович являлся также и каменщиком-укладчиком камней, которые мы все во главе с Отто Юльевичем собирали в тундре и подносили к месту постройки.

В результате совместной работы знак вышел на славу. Как испокон веков водится в полярных экспедициях, в середину гурья, обнесенного круглой стеной из камней, вложили бутылку с запиской о времени посещения острова и с перечислением всех присутствующих.

Вечерело. Двинулись домой на корабль. Из воды то тут, то там высывались любопытные клыкастые морды моржей. Наш подрывник Вася Гордеев схватил винтовку и с видом заправского зверобоя стал стрелять.

— Ну, к чему вы стреляете? Если даже случайно и убьете, то что вы будете делать с тушей свыше тонны весом? Через льды потащите, что ли? — остановил Гордеева Баевский.

Вася смущенно спрятал винтовку...

Обратный путь оказался труднее. Сменившееся приливное течение стало быстро передвигать льдины. Проходы во льду, куда направляешь шлюпку, закрываются раньше, чем к ним подойдешь. Пришлось делать большие обходы и противиться на шестах. Мои спутники засыпают меня советами:

— Надо вправо взять!

— Да нет, вон проход, он не закроется!

Старое морское правило в таких положениях говорит, что надо действовать быстро и определенно как сам находишь целесообразным в данный момент. Те, чьи советы не приняты во внимание, обычно обижаются. Вот и Лёня Муханов вдруг нахмурился и сердито отвернулся в сторону.

Через секунду, однако, обида забыта, и Муханов, вновь упершись весом в лед, напрягается изо всех сил, чтобы протолкнуть шлюпку.

Чем ближе подходим к судну, тем гуще становится лед.

Попадаем наконец в ловушку — и впереди и позади нас проходы закрылись.

— Шлюпку на лед! Быстрее! — командуя я, выскакивая с концом на льдину.

Быстро выдергиваем ледянку на ледяное поле. За час обратного пути девять человек нашего «экипажа» уже сработались и привыкли к быстрому выполнению самых разнообразных маневров.

Шлюпку изо всех сил тащим через льдину к воде. Только что хотели спустить ее на воду, как вдруг приблизилась новая льдина. Кричу:

— Пошли дальше!

Тащим дальше. Спускаем на воду, плывем десяток метров и... вновь приходится выбираться на льдину...

Ледянка Отто Юльевича маячит далеко впереди. Ей повезло — только раз пришлось перетаскиваться через лед. Сейчас на чистой воде она поджидает нас.

Наконец и мы выбрались из льдов.

— А ну-ка «По долинам, по загорьям», — предложил кто-то. Под звуки громкой песни шлюпки подошли к «Челюскину».

— А что это, как будто дым на горизонте? — спросил я штурмана Павлова, спрыгнув с фальшборта на палубу.

— Это «Седов» идет. Он освободился из льдов, просит у нас угля для дальнейшего пути. Мы ведь теперь «угольная база», — добавил Павлов.

У «Седова» сложное задание сменить зимовщиков на островах Сергея Каменева и посадить изыскательскую партию на мысе Оловянном в проливе Шокальского.

Вечером «Седов» подошел и стал на якорь недалеко от «Челюскина». К Отто Юльевичу приехали «седовцы» для переговоров о дальнейших действиях.

В результате совещания было решено, что после перегрузки угля мы пойдем совместно искать подходов к североземельским проливам.

Ледовая обстановка на востоке Карского моря пока попрежнему оставалась неблагоприятной...

Ночью нажимом льда разъединило стоящих борт о борт под погрузкой угля «Челюскина» и «Седова». Пришлось сняться с якоря и отойти на

чистую воду. Снова пришвартовались друг к другу, не отдавая якорей, и стали дрейфовать по течению, продолжая перегрузку...

Утром спустили самолет для разведки льдов. В полет с Бабушкиным пошел опять капитан Воронин. Взлетев, наша «птичка» взяла курс на восток.

Через час с четвертью самолет вернулся. С подошедшей шлюпки на него вместо капитана перешли Шмидт и Копусов. Через несколько минут самолет вновь пронесся над нами и закружился над островом.

Во время полета, длившегося минут двадцать пять, Отто Юльевичу удалось сделать «лейкой» ряд весьма интересных снимков с воздуха острова и льда...

К вечеру седовцы закончили погрузку угля, и суда двинулись на северо-восток, где Воронин с самолета видел более разреженные льды. «Седов» шел в шильватер «Челюскину».

Наша машина временами капризничает и останавливается. В эти моменты, как верный спутник, останавливается и «Седов».

— У какого острова мы были?—продолжаются вопросы в каютах, в кают-компании и в твиндеке.

Есть ли это остров Уединения, неправильно нанесенный на карту, или какой-нибудь остров, до настоящего времени еще никем не открытый? В прошлой ледовой авиаразведке на восток Воронин остров не видел. С другой стороны в 1930 году недалеко от местоположения на карте острова Уединения «Седовым» был усмотрен островок, названный им островом Исаченко. Составители «Дополнения к лоции Карского моря» справедливо замечают, что, повидимому, остров Исаченко и есть остров Уединения. Во всяком случае в том районе, где обозначены на карте острова Уединения и Исаченко, один бесспорно имеется в действительности. Остров, на котором мы были, по характеру весьма схож с описанием острова Уединения, посещенного Отто Свердрупом, но не совпадает по величине с данными шкипера Иоганессена.

— Отто Юльевич! «Уединение» это или не «Уединение», а остров расположен почти в центре Карского моря и очень удобен для метеорологических и ледовых наблюдений,—заметил я подошедшему к нашему столу после ужина Шмидту.

— Это обстоятельство я уже учел и дал распоряжение «Седову», в случае невозможности пробиться из-за тяжелых льдов к Северной Земле, в этом же году построить здесь полярную станцию и оставить несколько человек на зимовку. Во всяком случае в будущем году станция здесь будет, мы включим ее в первую очередь плана. Вы как думаете, Илья Леонидович?—обратился он к Баевскому, кивнувшему в ответ головой.— А чтобы решить вопрос, «Уединение» это или другой остров, я сейчас просил вызвать к радиотелефону с «Сибирикова» профессора Визе. Хочу узнать его авторитетное мнение по этому вопросу.

Через минуту из коридора послышался картавящий бас Кренкеля: .

— Отто Юльевич! «Сибиряков» вызван, у телефона Владимир Юльевич Визе.

По мнению Визе, мы были на острове Уединения. В отношении его местоположения Визе считает, что данные о нем Иоганессена, как и ряд других, например, северная оконечность Новой Земли, заключают в себе большую ошибку в долготе, из-за несовершенства тогдашнего определения времени.

Споры об острове постепенно затихли.

НА ПУТИ К МЫСУ ЧЕЛЮСКИНА

27 августа по полуденному определению мы оказались на $79^{\circ}45'$ северной широты то есть несколько севернее острова Визе. Мы считали себя значительно южнее, следовательно можно предположить, что здесь имеется попутное нам течение, которое поднесло «Челюскина» к северу.

Стали на ледовый якорь и снова пустили нашу «птичку», понесшую капитана в ледовую разведку.

Через час самолет вернулся с неважными вестями. На север от места нашей стоянки и на востоке все море было забито сплоченными непроходимыми льдами, и, следовательно, отсюда подхода к североземельским проливам нет. К мысу Челюскина остается искать путь только под берегом Таймырского полуострова, куда, согласно полученному радио, решились пойти также и «Красин» со своими ленскими пароходами.

— Что это сегодня Илья Сельвинского не видно? И второго блюда не съеденного вон сколько осталось, — ехидно сказал Борис Громов за ужином.

— Действительно, где Илья? Заболел? — спросил Шафран.

— Товарищи! Не смейтесь. Илья Львович отдыхает перед публичным выступлением. Сегодня он будет читать нам свою большую ненапечатанную еще поэму «Рождение класса». Эту поэму он в этом году выставляет на всесоюзный конкурс и уверен, что она займет на нем первое место, — разъяснил Баевский.

— Ну, Илья ведь один из крупнейших наших поэтов и по-моему вполне может занять если не первое, то одно из первых мест на конкурсе, — поддержал Сергей Семенов.

Вечером кают-компания была набита до отказа. Третий час с одним только пятиминутным перерывом слушают все, зажав дыхание, мастерское чтение Сельвинского. Образные строфы поэмы четко отполированы. Игра интонаций привыкшего к чтению голоса усиливает впечатление.

Чтение окончено. Пауза...

— Обсуждать поэму Ильи Львовича сегодня уже поздно — отложим на завтра, — развеял тишину голос Боброва...

«Челюскин» тем временем шел на юго-запад, как говорится, «отбивая» кромку льда. Шли медленно, оберегая израненный корпус от сильных ударов об льдины. В форпике и вообще в носовой части судна нашими плотниками-строителями под руководством инженера Ремова была сделана сложная паутина из деревянных креплений.

По радио было получено сообщение, что «Красин» успешно продвигается со своими пароходами вдоль берега Таймыра. К ледоколу присоединился освободившийся из льдов «Сибиряков». Туда же теперь устремляемся и мы.

Вечером было обсуждение поэмы «Рождение класса».

Петя Буйко, Комов и другие выступают с резкой критикой самой сущности произведения. Они указывают на наигранность сюжета в связи с незнанием автором местных условий развития политической жизни. В поэме описывается жизнь на Чукотке, где, как известно, политические и экономические отношения имеют много чрезвычайно своеобразных черт. Выступал Шмидт, еще несколько человек, в числе их и я.

Сельвинский, отвечая своим оппонентам, весь как-то подобрался, напрягся и, казалось, всю силу своего ораторского таланта бросил в соображение...

К полудню 30 августа генеральное направление нашего курса из юго-восточного изменили на северо-восточное. Попрежнему большей частью шли малым и средним ходом среди крупнобитого льда. Изредка попадались пространства чистой воды, в которых можно было увеличивать ход до полного.

В два часа дня останавливались для производства воздушной разведки льда.

К северу на горизонте в тумане показались какие-то острова...

После полуночи стоявший весь вечер туман рассеялся. Острова стали ясно видны по носу судна. Вероятно, это была группа Рингнес, не нанесенная на карту, но о которой имеются указания в лоции. Эти острова открыл Фритиоф Нансен, направляясь в свой знаменитый дрейф через Ледовитый океан.

Район побережья западного Таймыра пока еще очень мало обследован. Он представляет собой запутаннейший лабиринт небольших островов, заливов и лагун. Карта, как мне пришлось убедиться во время полета на самолете вдоль этого побережья в 1931 году, местами не имеет ничего общего с действительностью, что не является удивительным, если принять во внимание, что некоторые ее части составлены по работам, произведенным 200 лет тому назад...

Занимавшее в течение нескольких дней наши мысли и разговоры «Рождение класса» отобразилось у Федя Решетникова в первоклассной карикатуре, вывешенной, как обычно, в кают-компани. Во время диспута Федя в наброске схватил напряженное лицо Ильи, когда он слушал на-

ших «критиков». На карикатуре это лицо было придано молодому быку с поднятым хвостом, яростно разносившему все вокруг. В разные стороны летели голова, руки и ноги Комова, оторванная половина туловища Пети Буйко валялась на полу, публика врассыпную разбегалась кто куда. Рисунки были озаглавлены «Литературный вечер»...

— Дочка! Дочка!—закричал экспансивный Факидов, врываясь утром к нам в каюту.

— Чья дочка? Твоя что ли, Ибрагим? Что ты так волнуешься?—пробасил с верхней койки Гаккель.

— Да нет, я серьезно, а ты всегда смеешься, Яша,—обиженно тараторил Факидов, — дочка родилась сегодня под утро у жены геодезиста Васильева.

— Ну, а как назвали?—невозмутимо спросил Гаккель.

— Пока еще никак. Записали только в вахтенном журнале, что на такой-то широте и долготе родилась, мол, девочка у отправляющихся на Врангель супругов Васильевых. Я предлагаю назвать ее Кариной от слова Карское море. Да меня не хотят слушать...

Девочку все же называли Кариной. Теперь нас на судне, включая полторагодовалую Аллу Буйко, дочь будущего начальника острова Врангеля, и родившуюся Карину, всего 113 человек.

За длинным низменным островом Русским «Челюскин» встретил преградившие ему путь ледяные поля.

Стали пробиваться. Невдалеке воевал со льдом «Седов». К общему удивлению мы пробились быстрее, нежели «Седов». Правда, у него был дифферент на нос при общей малой осадке, что, конечно, понижало его ледокольные качества, но все же никто из нас не ожидал такой прыти от израненного неповоротливого «Челюскина» в сравнении с маленьким юрким «Седовым».

К полудню 1 сентября вошли в разреженный лед пролива Вилькицкого и оказались, наконец, у северной оконечности Евразии.

Из мглы тумана вылезают расплывчатые очертания группы судов, стоящих вместе.

Это «Красин», «Сталин», «Сибиряков» и «Русанов».

Загромыхал канат брошенного якоря.

Один из наиболее ледовитых участков Северо-восточного прохода — Карское море — пройден.

II. Хмызников

III. НА ВОСТОК!

ШТОРМ

Вокруг почти ничего не видно.

Это не туман и не мгла в принятом для этого термина значении, это типичная для Арктики нависшая свинцовая тяжесть воздуха.

Идем проливом Вилькицкого. Мелькают сильно тронутые таянием отдельные льдины.

После полудня стало покачивать на встречной волне. По мере выхода в море Лаптевых качка становится все сильнее...

Через каждые четыре-пять часов останавливаемся, проводя глубоководные гидрологические станции. Для того чтобы опускаемые в воду приборы не попадали под корпус судна, «Челюскин» останавливается лагом к ветру. В этом случае начинаются сильные розмахи бортовой качки, продолжающиеся в течение всей гидрологической станции, длящейся минут двадцать.

Обеденные столы заметно поределели. Часть наших соплавателей предпочитает отсиживать — вернее, отлеживаться — у себя в каютах.

Утром 5 сентября, проснувшись, слышу шум, гром, беготню и какие-то возгласы. Корабль изрядно качает.

Мы с Гаккелем быстро одеваемся и выбегаем на спардек. Летят брызги от сорванных ветром гребней волн.

— Да что тут такое произошло? — воскликнули мы, смотря на хаос ящиков, досок, каких-то обломков, перемешанных с битым стеклом, склянками, огурцами и лимонами.

— Что произошло? Разве сами не видите, что лопнули найтовы и груз пошел гулять по палубе. — сердито ответил находящийся тут же старпом.

На спардеке у нас находилась часть запасов лимонов и огурцов, а также ящики с запасной гидрологической посудой. Все это стремительной качкой, оборвавшей найтовы, разбило, поломало и отчасти унесло за борт.

— Да вы посмотрели бы что на палубе делалось! — рассказывал Гудин. — На носу накатившаяся волна сдвинула груз строительных материалов и рабочий баркас. Вон, смотрите, помяло поручни и раструб вентилятора. На корме сорвало с найтовок бочки с бензином и керосином. Поло-

маны стойла коровника, часть коров изранена. Народу на палубе почти никого не было, так как все спали. Туго пришлось! Сейчас качка много слабее, да и то того и гляди опять пойдет ходить груз.

— А мы спокойно спали и не подозревали, что наверху такая полундра творится,— заметил Гаккель.

Горячего обеда по случаю качки не было. Подали только чай с холодными консервами, сыром и маслом.

Чай пить, как всегда в качку, пришлось со всеми предосторожностями, иначе вместо рта весь стакан можно вылить себе на костюм. Еда на столах стоит в «скрипках», представляющих собою систему закрепленных ячеек, в которых помещаются тарелки, банки и прочее. Все это на качке движется, скрипит и звенит. Усидеть на диване или стуле, хоть и прикрепленных к палубе, трудно.

Во время качки, если есть свободное время, самое удобное лежать на койке, упершись ногами и рукой в переборки, и читать книгу.

НЕХОЖЕННЫМИ ПУТЯМИ

— Ну, легли на курс, качка значительно уменьшилась, ветер стихает,— сообщил Гаккель, входя в каюту.

— А куда курс проложили, Як Як, на пролив Лаптева или Санникова?— спросил я.

— В том-то и дело, что на пролив Санникова.

— Это интересно. Санниковым кроме «Таймыра» с «Вайгачем» и Толевской «Зари» никто не ходил. Надо сходить наверх, посмотреть, что там делается.

Наступал вечер. На палубе было неприветливо. Зарядами сыпал густой снег. Опершись на поручни верхнего мостика, напряженно всматривался вперед капитан в теплом полу пальто и пыжиковой ушастой шапке.

По мостику от борта к борту ходил Шмидт, одетый в шерстяную куртку.

— Что ж, попробуем пройти проливом Санникова,— сказал капитан, обернувшись в сторону Отто Юльевича,— может быть удастся открыть глубокий фарватер, годный для ледоколов, а то в проливе Лаптева для какого-нибудь «Красина» глубины такие, что под килем воды мало остается.

— Да, если бы это удалось, большое дело было бы сделано,— ответил как всегда ровный голос Отто Юльевича.

Ночью открылись неясные очертания земли, залушенной выпавшим снегом. В ожидании рассвета и прояснения погоды стали на якорь.

Когда разнесло предраассветную мглу, оказалось, что мы стоим у южной оконечности острова Бельковского. Прижавшись к нему, высунулся из воды ровным кубиком маленький островок Стрижова. На карте он почему-то не помещен, хотя о нем и упоминается в отчетах экспедиции Толля.

Как только стихло волнение, на судне начались общие работы бригадами. У нашей бригады было легкое задание: засолить огурцы. За шутками и песнями работа незаметно кончается.

Снова все места за обеденными столами заняты. Из разговоров выясняется, что в эти дни никого не укачивало, а большинству «просто так, что-то есть не хотелось».

— А я в каюте работал, — уверяет кто-то.

— Ну, положим, не могли же вы три дня подряд в качку работать, — слышно с другого конца стола.

Теперь аппетита у всех удвоены, так что и обед и ужин не вполне насыщают.

После ужина громко звенит джаз-оркестр под управлением Федя Решетникова. Борис Громов за роялем, около него несколько мандолинистов: механик Колесниченко, матрос Ломоносов, машинист Филиппов и другие. В сторонке, сосредоточенно глядя для вдохновения в потолок, выводит трели на дудке Гаккель. В снятые с каютных ламп медные отражатели неистово бьет Шафран. Федя дирижирует и одновременно играет то на дудке, то на гитаре, то на мандолине.

Джаз охотно слушают. За столами играют в козла или тренируются в шахматы, готовясь к турнирным партиям. Список участников шахматного турнира вывешен на стене. Все записавшиеся разбиты на три группы — сильных, средних и слабых игроков. Победители получают призы в виде полубутылки коньяку, плитки шоколада и тому подобного.

В сильной группе играет Шмидт, и его-то больше всего и боятся, так как он отличный игрок и, судя по нескольким партиям, вероятно займет первое место.

— А наш джаз теперь не хуже красинского. Здорово ребята сыгрались. Придем во Владивосток, деньги будете зарабатывать, — смеется Факидов.

Поздно вечером прошли мимо мыса Медвежьего — южной оконечности острова Котельного. По моей просьбе сделали коротенькую остановку для гидрологической станции, примерно в том же месте, где такая же станция была взята мною в 1928 году.

Это было в апреле месяце, и я тогда шел не на роскошном пароходе а на собаках по льду, пересекая пролив. Для того чтобы взять станцию в тех условиях, приходилось сначала свыше двух с половиной часов выбивать прорубь...

Хотя в проливе Санникова мы и встретили довольно густой лед, но он весь был уже изъеден таянием, имел грязно-мутный цвет и легко поддавался даже сравнительно слабым ударам форштевня судна.

Больше всего здесь мучают общая плохая видимость, часто набегающие туманы и снег, падающий временами большими хлопьями и разводящий по палубе кисельные лужицы.

На верхнем мостике

7 сентября вечером опять зазвонил машинный телеграф.

— Лед что ли встретили? — проговорил не отрываясь от вычислений последней обсервации Гаккель.

— Пойду посмотрю, в чем дело! — протянул я, спуская ноги с койки, на которой лежа читал академическое исследование об авторах Козьмы Прутова.

— Становимся на якорь, — ответил на мой вопрос стоявший на вахте маленький сухой дублер старшего помощника Владимир Васильевич Павлов, — весь день глубина в этом проклятом проливе была семь, восемь сажен, а тут вдруг стало пять и даже четыре!

— Четыре сажени — это двадцать четыре фута, то есть мы имеем только два фута под килем, — подсчитал я вслух.

Ночь опять оказалась в моем распоряжении для работ. Готовлю приборы. Невдалеке от меня возится с прибором для взятия колонок проб грунта геолог Рыцк. Ему помогает его жена Зина. Как при стоянке около острова Уединения, всех работающих научных сотрудников обходит Отто Юльевич.

— Если потребуется шлюпка, вы скажите вахтенным. Ее можно будет спустить, — объявляет он нам.

Опускаю приборы в воду и начинаю работать. Снизу через открытые иллюминаторы доносятся взрывы смеха. Сегодня у нас спектакль по случаю Дня молодежи. Постановщик все тот же Федя Решетников. От имени грудной Карины он разыгрывает маленький скэтч, метко подчеркивая «сучечки» и «бревнышки» в нашем быту и работе.

Ночь наползает. Смех прекратился; гаснут светлые кружки и эллипсы отблесков электричества из кают. На палубе остаются, кроме нас, научных работников, вахтенный матрос, который уныло бродит по спардеку или согнувшись сидит на одном из ящиков, да вахтенный штурман, черным силуэтом маячащий на фоне уходящей зари...

Утром ленивыми ударами застучала малым ходом машина.

— Если глубина меньше четырех сажен, отмахивайте флагом в сторону! — крикнул капитан отваливающей от борта шлюпке, отправленной с промером глубин. — Мы пойдем малым ходом за вами и будем следить за сигналами, какие вы будете подавать!

Слева вдали неясно обозначались обрывы берега острова Новая Сибирь. Нас при проходе пролива Санникова подало на север неучтенными и неизученными течениями.

«Ледовый крокодил» Федя Решетникова хлестнул по нашей встрече с судами у мыса Челюскина. Некоторые ребята, побывавшие в «гостях» на других судах стоявшей «ледовой эскадры», явились на корабль чуть «навеселе». Их возвращение отобразилось в газете на стенах кают-компаний. Приходится смеяться и тем, чьи черты так талантливо схвачены Федей.

— Идем на ост! Пробуем обойти остров Врангеля с севера,— говорил появившимся на мостик любопытным Михаил Гаврилович Марков, готовый этими разговорами скоротать длинную четырехчасовую вахту.

Курс на восток должен пересечь «белое пятно» карты, так называемую мифическую «землю Андреева». Сержант Андреев был отправлен в 1770 году для поисков новых земель и «приведения их населения в подданство государства Российского, с возложением священной обязанности сдавать в царскую казну ясаки», то есть все лучшее, что обитатель тундры добудет за свой промысловый год.

Не найдя «необъясченных» жителей и не собрав «мягкой рухляди», Андреев решил свою незадачливую экспедицию восполнить плодом пылкой фантазии. В своем отчете он написал, что видел в большом количестве следы нартов, оленей и людей, уходящих в море.

— В 1556 году при громких криках вниз по Темзе отправлялась под начальством Гуго Виллоуби экспедиция на трех каравеллах, искавшая путь севером в богатые страны—Китай и Индию. Это было на заре буржуазной культуры, в момент ее расцвета... Ликовавшие при отправлении экспедиции толпы приветствовали зарождавшуюся новую морскую державу—Англию,—начал я первую из своих лекций по истории исследования Северного морского пути, пользуясь книгой о полярных плаваниях Нерден-шельда.

Слушали внимательно...

Тяжелый лед заставил нас отвернуть от «земли Андреева» к югу. Судя по наблюдениям и прокладке курсов, мы забрались в такие места, где еще никто не бывал.¹

Блеснул снежный ландшафт Чукотки.

Корабль бросился под берег, словно испугавшись надвигавшихся тяжелых льдов Чукотского моря.

— И откуда берутся такие махины,— качая головой, проговорил стоящий на вахте штурман Павлов, глядя на пробежавший мимо судна огромный заплывший летним таянием многолетний торос, высотой почти вровень с мостиком.

— Под берегом лед. В нем всегда застревают суда. Я хочу поискать прохода мористее, где больше места для движения ледяных масс и где, стало быть, льды должны быть разреженные,— объяснял мне капитан Воронин из бочки на мачте, где теперь он проводит почти все время, пока судно в ходу...

¹ В навигацию 1934 года ледокол «Красин» вошел в этот район с востока. Местоположения «Челюскина» и «Красина» настолько сблизились, что с несомненностью можно утверждать, что сколько-нибудь значительных пространств суши здесь нет. *Примеч. автора.*

«Челюскин» лавирует между льдинами.

Чукотское море. Пройден пролив Лонга, отделяющий остров Врангеля от материка.

Идем под берегом, а стремимся в море. Там должна быть если не чистая вода, то более проходимый, чем сейчас, лед.

ЧУКОТСКОЕ

Итак, последний этап нашего путешествия — Чукотское море.

Короткое расстояние и тяжелый, многолетний лед.

Приходится пробираться.

Вырвались дальше от берега, и тут же, под горами, в бинокль увидели корабли.

— Ты знаешь, я сейчас разобрался в дислокации судов, — посвящал меня в добытые сведения Гаккель, — далеко впереди, за Сердце-Камнем, «Литке» проводит два парохода. У мыса Онман где-то пробираются самостоятельно два парохода «Лейтенант Шмидт» и «Свердловск». Наконец, то, что мы сейчас видели, — это последняя группа Колымской экспедиции, идущая под начальством Сергиевского, «Анадырь», «Север» и еще один пароход. Колымская в этом году немного подрассыпалась. Евгенов-то ведь уехал зимой!

Корабль живет.

— Ну, как? Через сколько дней мы будем в Берингове проливе? — как обычно задает вопрос Ваня Нестеров, грузный, тучный машинист, оканчивающий Институт инженеров водного транспорта и отправившийся на «Челюскине» в числе шести студентов-практикантов.

— В свое время или немного позже, — единственно, что можем ответить мы с Гаккелем.

Мимо нас медленно двигаются чукотские льды.

ЧУКОТСКИЕ ЛЬДЫ И ОСТРОВ ВРАНГЕЛЯ

— Гу-у-у... — гудит в воздухе. Большая машина плывет по воздуху. Вот она дернулась, подскочила и, брызнув водой в стороны, остановилась.

Наш моторный вельбот медленно приближается к ней и привозит высокого в кожаном пальто и еще трех человек.

Это — начальник воздушной экспедиции в восточной части Севморпути Красинский, с ним пилот Куканов и еще двое — штурман и бортмеханик.

Уходят в каюту Шмидта.

Через полчаса появляются вместе с Отто Юльевичем, одетым в ту же шерстяную куртку, в какой он обычно ходит по палубе корабля.

— Я думаю, что полет не затянется и мы встретимся где-нибудь у мыса Северного, — говорит Отто Юльевич Баевскому, остающемуся в его отсутствие за начальника экспедиции.

На воде два самолета. Один маленький, как будто только что присевший отдохнуть, — наша «стрекоза», другой напоминает большую птицу, отдыхающую в перелете с полуденных стран.

Наша «стрекоза», взметнув своей лодочкой разбегающийся бурн, дернулаась ввысь.

Большая птица «Юнкерс», пробежав и оставив две широкие волны, замедляет бег и останавливается.

Моторный вельбот с возвышающимся вместо мачты киноаппаратом Шафрана идет к самолету.

Из машины передают на вельбот ящики. «Юнкерс» опять бежит и отрывается от воды.

Он в воздухе.

Из приставшего к борту вельбота вылезает смущенный Ваня Копусов, он сердито отнекивается от расспросов.

— Нет, ты знаешь, — говорит с сильным кавказским акцентом механик Саша Погосов, в качестве добровольца возящийся с мотором нашей «птички», — мотор не взял, а ведь полет намечен на Врангель, вы же все знаете!

Отто Юльевич высаживает Копусова и выгрузил часть ящиков с лимонами. Из людей с ним остался Петр Буйко, как будущий начальник острова.

Судно ползет среди чукотских льдов. Они прижимают его под берег...

Видна отвесная стена мыса Северного с разбросанными кекурами — остатками разрушенных временем горных пород.

Самолет снова жужжит где-то в стороне и упирается в возвышенность берега.

Машина застопорена.

С переборами такает под берегом небольшой катерок, ища прохода. Черные фигурки карабкаются по льдам. Здесь с этой стороны их ждет шлюпка.

— Когда мы пришли на станцию, начальника острова, Минеева, четвертый год зимующего на Врангеле, не было. Он отправился на северную сторону организовывать новую зимовку на случай, если мы не сможем подойти, — рассказывал Шмидт общему собранию экспедиции. — Нас приняла жена Минеева, Власова. Продукты у них есть в достаточном количестве. Главная нехватка заключается в топливе. В крайнем случае они смогут перезимовать на плавнике, которого много на северной стороне острова, куда сейчас и отправился Минеев. Наш план сейчас пройти возможно скорее к Берингову проливу и от Аляски с востока попытаться достичь острова Врангеля. Прямой к нему путь, как мы видели с самолета, закрыт тяжелым льдом...

Ночи становятся темнее.

Задул попутный норд-вест, который подгоняет нас к основной цели нашего похода — Берингову проливу.

IV. КОЛЮЧИНСКИЙ ПЛЕН

ЗАСТЯЛИ

Разбудил яркий свет лампочки. В щель между зелеными занавесками койки я увидел моего сокаютника, Ибрагима Факидова, торопливо одевавшего черное полупальто. Я приподнял занавеску. Среди книг, наваленных на столе, мирно тикал будильник. Было около четырех утра.

— Ты куда так рано собрался?

— Воронин велел спуститься в трюм. У левого борта жмет. Пойду посмотрю приборы,—ответил Факидов, надевая шапку.

С помощью приборов, установленных в разных точках судна, он следил за деформациями корпуса во льдах.

— А как дрейф?—вспомнил я.

— Почти прекратился. Нас проносит у самого Колючина — не больше полумили от острова. Капитан опасается сильного сжатия — слишком уж близко находимся мы от берега!

Было интересно подняться на палубу посмотреть на Колючин, но... в койке тепло и одеваться лень...

— Ну, ладно! иди, а я посплю!

Ибрагим ушел. В каюте снова темно и уже не у Колючина, а по Неве, вдоль набережной Васильевского острова, медленно дрейфует «Челюскин». Золотой шпалкой высится Исаакий над гребнем торосов. Никак не могу понять, почему остров Колючин оказался вдруг за Дворцовым мостом.

Утром по всему судну быстро разнеслась новость:

— Дрейф прекратился!

Это было 23 сентября.

— Ничего, это только временная задержка. Вот поднажмет ветер с запада, и мы снова пойдем! — не сдавались оптимисты.

Но время шло, а мы все стояли на том же месте. В трех милях от нас за кормой чернела угрюмая скала Колючина.

Понемногу выяснилось, что «Челюскин» очутился в неподвижном льду, забившем весь Колючинский залив.

В одной миле мористее от судна лед продолжал дрейфовать. С мостика было хорошо видно, как двигались торосы, уходя на восток.

На другой день в каюту зашел Марк Трояновский.

— Пээ! пойдем на кромку. Я кинамку захвачу, может быть снимем что-нибудь,—предложил он.

Минут десять спустя, вооружившись длинными баграми, мы быстро удалялись от судна.

В своей неизменной и порядком засаленной фланелевой рубашке, одетой поверх свитера, Марк ловко перебегал через широкие трещины, покрытые зыбким битым льдом. Податливо погружались в воду льдинки, ежеминутно грозя расступиться под ногами. Чтобы не провалиться, надо было быстро перескакивать с одной на другую, отталкиваясь баграми. Временами карабкались через гряды свежих торосов. Наконец добрались до кромки и застыли от удивления.

— Марк! ты видел что-нибудь подобное? — вырвалось у меня.

— Да! Кадр мировой! Жаль только, что уж темнеет — не удастся снять! — ответил Марк.

Мы стояли на валу в метр высоты, плотно обитом из снега и льда. Мимо нас шел сплошной стеной лед, вздыбившись вверх и застыв в виде огромных глыб, острых ребер, ледяных башен и скал. В торжественном молчании, нарушаемом только шорохом льда, каким-то невиданным войском проходили торосы. Жутко становилось перед этим грозным шествием, таким нереальным, с трудом понимаемым.

Уже в сумерках вернулись домой на корабль.

В ярко освещенной кают-компании долго рассказывали товарищам о своей прогулке.

— Товарищи,—прервал наш рассказ Баевский, входя в кают-компанию. — Завтра с восьми утра все выходим на аврал.

— Какой аврал, Илья Леонидович?

— Лед взрывать! Капитан хочет попытаться взрывами расшевелить лед между судном и кромкой! Быть может удастся попасть в дрейф. Кромка совсем недалеко.

ВЗРЫВЫ

На другой день утром бригады собирались на кромку. На палубе «Челюскина» и на льду под высоким бортом судна кипела работа.

На полубаке шла зарядка железных банок аммоналом. Долговязый Стаханов лениво переругивался с низкорослым толстяком Новицким, змазывая банки с аммоналом густым варом, чтобы предохранить заряд от воды.

— Эй, «Пат и Паталлон»! Кончайте скорее ваши банки! А то лед растает, не дождавшись вас! — кричали снизу.

— А ну вас! Сейчас!

Наконец пошли. На целый километр растянулись люди среди белых, голубых и зеленых глыб льда.

По двое несли на плечах длинные шести с привязанными к ним по середине банками с аммоналом. Груз, казавшийся на ровном месте нетяжелым, становился невыносимым, когда, скользя ногами по льдинам, спотыкаясь и падая, приходилось карабкаться через торосы. Широкие трещины и небольшие полыньи, покрытые «кашей» из битого льда, преграждали путь на каждом шагу. Проваливаясь по щиколотку, а то и по колено, быстро перебирались через них, рискуя совсем окунуться в ледяную воду.

Почти целый час шли два километра, отделявшие пароход от кромки неподвижного льда.

Гордеев уже отыскал трещину между двух больших полей.

— Давайте сюда четыре банки, только большие, малых не нужно! — закричал он еще издали.

— Гордей-злодей! — отозвался Борис Громов. — Ты что, сразу двести кило хочешь ухнуть?

— Ну да! Капитан велел у кромки сделать взрыв побольше, чтобы расшатать весь этот лед, — показал он на большие поля пака.

В черную щель глубоко под лед был опущен огромный заряд. Тонкой чертой проволоки соединились двенадцать пудов аммонала с индуктором, у которого пригнулся за торосом подрывник.

По сигналу быстро разбегаемся в стороны и напряженно ждем, не отрывая глаз от небольшого ропака, где притаился заряд.

Взрыв. Глухой удар передается толчком под ногами. Лед и вода широкой, грязносерой стеной высоко взлетают вверх.

Бежим туда, где медленно расходится желтоватым облаком легкий дымок.

На месте взрыва широким кругом колыхается раздробленный лед. Кисловато пахнет аммоналом.

Желанных трещин, которые разорвали бы поля на многие десятки метров и раздвинули их в стороны, нет! Лед попрежнему остался плотно сжатым и неподвижным.

Еще взрывы и еще воронки, забитые «кашей» из льда и снега, а длинных трещин все не получалось. «Челюскину» вырваться из льда на этот раз не удалось!

Усталые и разочарованные люди возвращались на корабль.

Осторожно, обходя подозрительные места, не спеша иду вдвоем с Васей Васильевым.

— А знаешь, — обратился ко мне Васильев, — если бы килограммов по двести заложить сотни две зарядов, а потом сразу взорвать, так может быть лед немного зашевелился бы!

— А не мало ли будет зарядов?

Дикий, отчаянный крик, полный неподдельного животного страха перед смертельной опасностью, не дал мне закончить свою мысль.

Шагах в восьмидесяти впереди четверо торопливо тащили за руки и плечи человека, провалившегося в воду.

Мы быстро подошли к ним. Бобров, Хмызников, еще двое и между ними мокрый с ног до шеи, бледный, с подрагивающей челюстью стоял Сельвинский. Оказывается, он шел задумавшись и провалился по горло.

— Чего же он, все-таки, так закричал?—не утерпел Васильев, как только мы ушли вперед.—Людей только зря напугал! Мне до сих пор страшно от его крика!

Позади раздался еще глухой удар. Это был последний запоздалый, уже совсем напрасный взрыв. Взрывы не помогли и на другой день.

— Хотя бы небольшое поле откололи взрывами от кромки, и то было бы легче,—мечтательно сказал Аркаша Шафран вечером в кают-компаниях.

— Ну, а тебе что от этого, все равно до судна не дошло бы!

— Да ничего! Но крайней мере знал бы, что не напрасно аммонал изводили!

— Отто Юльевич! — обратился Марк к вошедшему в кают-компанию Шмидту, — как завтра? Будем продолжать взрывы или нет?

— Зачем? Вчера и сегодня мы достаточно убедились, что аммонал сам по себе нам сейчас не поможет. Владимир Иванович был, конечно, прав, когда предложил взрывами расшевелить лед, и мы должны были испробовать этот возможный способ освобождения из льда, но сейчас нам не к чему изводить наши запасы аммонала. Пригодятся еще для работы во льду, когда пойдем дальше.

— Удастся ли нам выбраться отсюда?!—невольно вырвалось у кого-то.

— А почему же нет?—с легким недоумением повернулся к спросившему Отто Юльевич.—Подуют южные ветры, появятся разводья, и мы сможем продолжать наш путь. Вот тогда аммонал нам потребуется!

ДНИ ОЖИДАНИЯ

День уходил за днем, а чермен не было. Все так же, как и вчера, как неделю назад дул неизменный норд-вест. Временами ветер затихал, и казалось, что вот-вот он повернет с востока, с берега, разорвет, наконец, ледяные цепи, сковавшие судно. Однако надежды были напрасны, и ветер, чуть стихнув, начинал опять дуть с северо-запада.

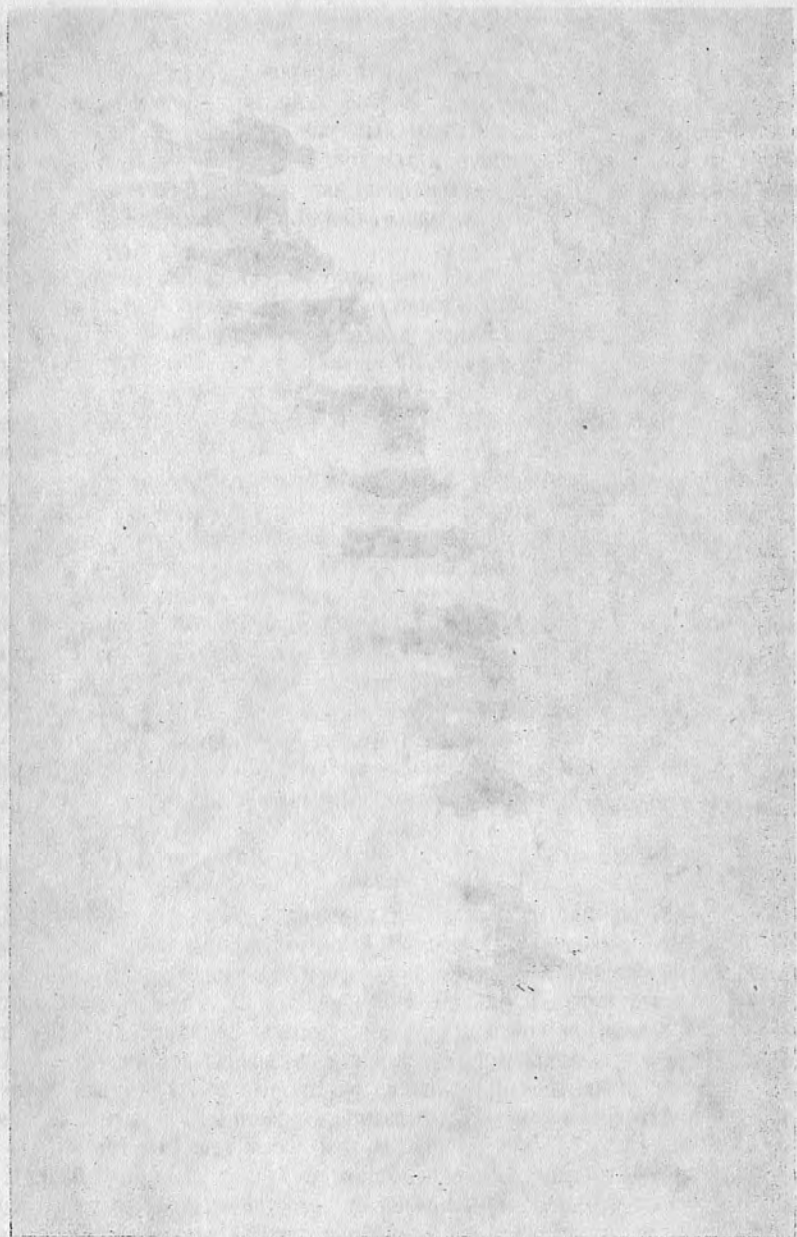
Напрасно утром, прыгнув с койки на прохладный линолеум каюты, я отдергивал вверх синюю штору с окна. Полосы дыма из трубы неизменно тинулись наискось от судна в прежнем направлении.

— Все тот же норд-вест! Чорт бы его побрал!

Днем, то один, то другой из многочисленных обитателей «Челюскина» выходил на палубу, посмотреть, не повернул ли ветер, и разочарованный возвращался обратно. Спустя час-другой человек снова поднимался наверх, в штурманскую рубку, где дежурили наши метеорологи.

По битому льду с аммоналом

— Ну, как, Николай Николаевич?— обращался очередной посетитель к Комову.— Не заметно ли чего-нибудь такого, к повороту ветра?

— Да нет! Пока ничего нового. И вы знаете, у берегов Чукотки—это обычное явление. Норд-весты здесь затяжные и нередко неделями дуют без перемены,— неизменно утешал Комов.

— Как бы не зазимовать нам из-за ваших чукотских норд-вестов. Конец сентября, морозы начались. Чего доброго, через неделю лед совсем смерзнется, и тогда сиди здесь до лета!

Медленно тянулись дни ожидания перемены ветра, и все чаще начинались разговоры о зимовке. Кромка дрейфующего льда отошла еще дальше в море. Толстым слоем снега покрылись все трещины и изломы торосов. Глаз тщетно пытался найти где-нибудь черную полосу полыньи. Сплошной лед тянулся до горизонта, до синюющих вдали, на востоке и юге, холмистых берегов Колочинского залива.

Пароход эти дни как будто бы опустел. Непривычно тихо в длинных коридорах, замерла машина, не слышно ритмического шума огромного сердца корабля и резких звонков телеграфа. Люди заметно притихли. В кают-компании пусто. Только в углу обширного салона режется четверка «возлов», да Федя Решетников, нагнувшись над клавишами пианино, подбирает какой-то меланхолический мотив.

Большинство проводит свободное время по каютам: читают, спят и, недолго побродив по палубе, снова уходят к себе. Еще не хочется сказать себе, что мы уже застряли на всю зиму, но в то же время как-то не верится, что «Челюскин» сможет выйти.

СОБРАНИЕ

Вечером 29-го в нижней кают-компании было общее собрание, открытое коренастым, в замасленной тельняшке, предсудком Ваней Нестеровым.

— На повестке информация Отто Юльевича и вопрос об аврале по околке судна. Слово имеет Отто Юльевич!

В руках у Шмидта пачка радиограмм.

Сегодня радио принесло невеселые новости.

«Сибиряков» застрял у Русских островов. Попал в сжатие и просит помощи.

В проливе Вилькицкого с трудом пробивается «Красин». Суда ленской экспедиции пришлось оставить на зимовку.

На востоке не лучше. Кроме нас в Колочинском заливе застряли «Свердловск» и «Лейтенант Шмидт». У мыса Биллингса стали на зимовку три парохода колымской экспедиции.

Все внимательно слушают.

Рядом со мной Громов склонился над большим блокнотом с хорошо знакомым заголовком: «Известия ЦИЖ». Торопливо записывает содержание телеграмм. Почему-то вспомнилась его книжка: «Гибель Арктики».

Не рано ли похоронил он ее? В этом году Арктика не хотела признавать себя побежденной. По всему фронту, от Диксона до Колючина, шел бой между людьми и суровой природой.

И сюда, на флагманский корабль эскадры, радио приносило тревожные вести. Казалось, что Север побеждает тех, кто посягнул на его необозримые просторы, кто прокладывал по полярным морям пути для кораблей Страны Советов.

У Отто Юльевича, однако, не заметно ни тени волнения, ни следа досады.

Спокойна речь Шмидта. Как будто слегка проницательно говорит он обо всех неудачах, и, слушая его, чувствуешь, как растет, крепнет уверенность в том, что в этой борьбе победит человек, что Север будет покорен...

После общей информации Отто Юльевич говорит о нашем положении. Каждому становится ясно, что разговоры о зимовке слишком преждевременны. Еще не так поздно по времени, не так сильны морозы, чтобы потерять возможность освободиться из ледяного плена. Шансов выйти из льдов у нас еще не мало, но для того чтобы в случае перемены ветра суметь воспользоваться полыньями, нужно освободить судно от тисков льда, для чего необходимо околотить борта «Челюскина». Работа большая, тяжелая, но мы должны выполнить ее в кратчайший срок.

С завтрашнего дня начинается аврал.

АВРАЛ

Утром 29 сентября началась работа. Я был включен в бригаду Гаккеля, окалывавшую нос судна. Бригада Шпаковского работала у кормы.

Левая скула парохода уперлась в поле, как казалось, не особенно толстого льда.

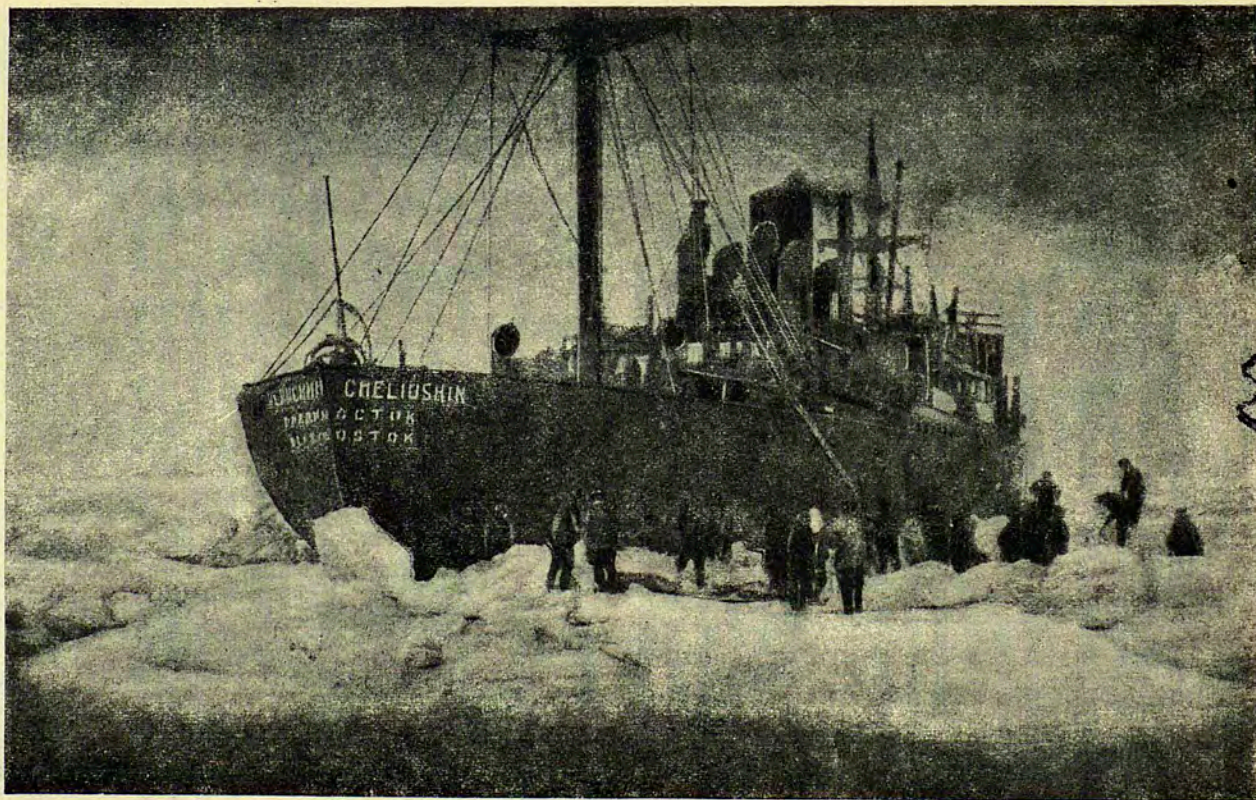
Дружно набросились человек десять с ломами и пешнями на его буржистую поверхность, и через несколько часов работы у борта показалась вода.

— Ребята!—закричал Федя Решетников тем, кто работал поодаль. — «Челюскин» выходит на чистую воду!

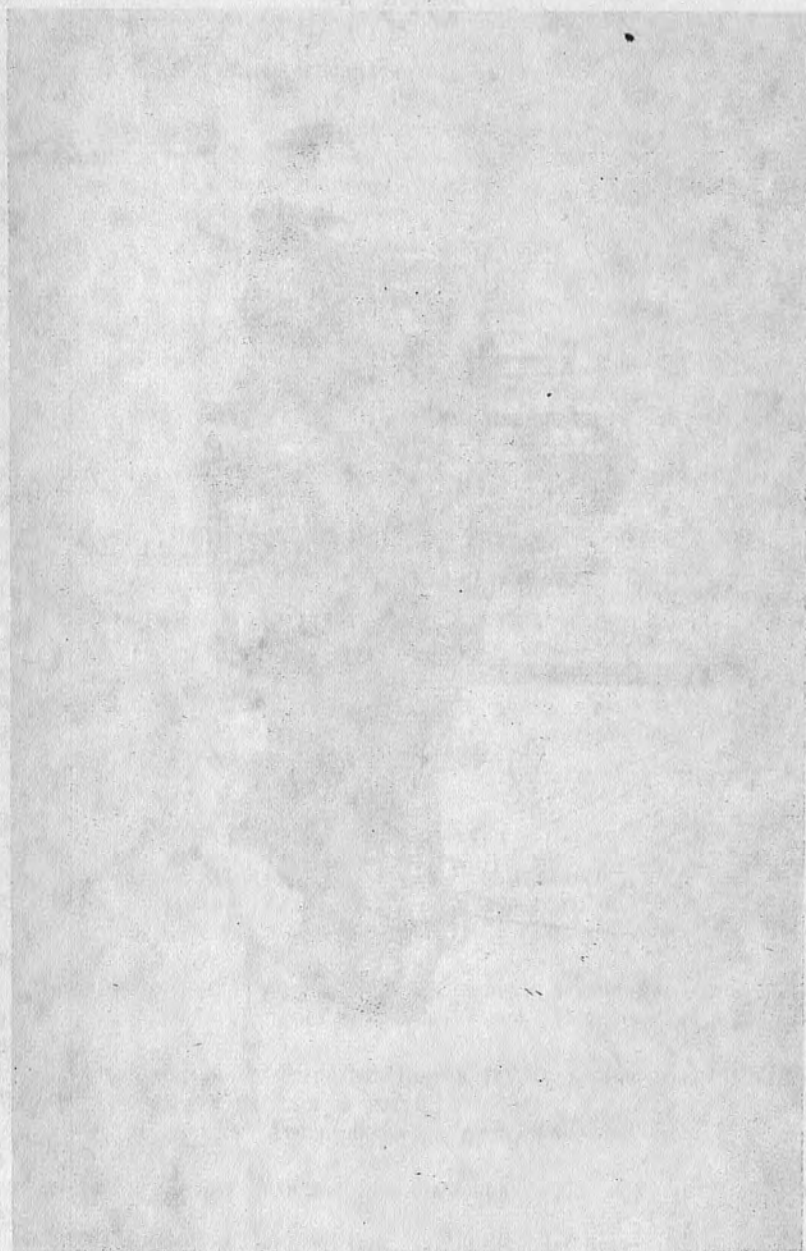
— Подожди звонить! Лучше посмотри сюда,—показал Гаккель куда-то вниз.

В глубине «майны» виднелась темнозеленая глыба, притаившаяся под ледяным полем.

— Ну, это хамство, если из-под каждой льдины будут вылезать новые! — возмущился Федя.

Аврал начался

100-100-100-100

100-100-100-100

— А ты что думал? Это тебе не Москва-река! — заметил Гаккель, тщетно пытаясь длинным багром достать нижний край льдины.

— Тут метра четыре будут толщины льда! — определил он.

Работа продолжалась. Под ударами ломов откалывались куски льда, быстро покрывая поверхность «майны».

— Эй, крючники! — кричал Борис Могилевич, — пошевеливайтесь быстрее! Вот вам еще получайте гостинец! — отвалил он ломом новую большую глыбу льда.

«Крючники», четверо молодых ребят, ловко подхватывали большие куски баграми и дружным рывком выбрасывали их на «берег». Рядом трое орудовали «сачками»: проволочными сетками на длинных шестах они выбрасывали из «майны» ледяную кашу.

Быстро росла гряда льдин.

— Эй, «лошади»! — закричал Валя Паршинский, вытирая мокрый лоб рукавом куртки. — Чего даром хлеб едите! Забирайте лед поскорее!

— Успеем! Видишь, без передышки возим! — отозвался Алеша Аюкин.

Его куртка, штаны и даже мохнатая шапка с торчащим в сторону ухом были густо облеплены мокрым снегом. Алеша усердно грузил лед на сани, упираясь в мокрую глыбу чем придется: плечом, грудью, коленом...

— Лошади! Поехали! — скомандовал Хмызников, «коренной» другой упряжки, уже доверху нагружившей сани.

Быстро заняли свои места остальные три «лошади» — водолаз, инженер и кинооператор; туго натянулись постромки.

— Раз, два — взяли! — рывком всего тела сдвигают с места сани и, низко согнувшись, выбросив руки вперед, идут по неровной дороге. Двадцать-тридцать пудов давали себя чувствовать! Тяжело дыша, с красными потными лицами «лошади» тащили свой груз подальше от судна, за торосы.

— Что там такое? — обернулся Аркаша Шафран на взрыв дружного хохота, раздавшийся позади, за санями.

— Кто-то провалился в воду. Да это Борис Виноградов!

В самом деле, человек пять тащили из «майны» за плечи и руки штурмана, сконфуженного неожиданным купанием. По свежесмерзшейся шуге он хотел перебежать на большую льдину у борта и провалился в воду. Мокрый, хлюпая водой, налившейся в сапоги, злополучный купальщик побегал на пароход переодеться.

После перерыва на обед все снова отправились на лед.

Аврал продолжался. Одна за другой «упряжки лошадей» тащили тяжелые сани со льдом. Медленно, почти незаметно очищалась «майна» у борта «Челюскина». С трудом поддавались ударам ломов огромные льдины.

— А ну, Вася! Попробуй пошевелить лед аммоналом!—обратился капитан к подрывнику.

— Сейчас, Владимир Иванович! Вот только приготовлю заряд.

Заряд аммонала в консервной банке привязали к длинному шесту. Выбрав место для взрыва, Гордеев зажег запальный шнур и быстро воткнул шест в небольшую щель между льдинами.

— Берегись! Отходи от борта!—скомандовал он и не спеша отошел в сторону, где уже стояли в ожидании работавшие на «майне».

— Сергей Васильевич! Зачем так далеко ушли?—крикнул кто-то из группы Гудину, стоявшему далеко в стороне.

— А пошто там стоять то? Убьет еще!—сconfуженно улыбаясь, отозвался старпом, не питавший особенной любви к взрывам.

Глухой удар выбросил вверх палку и лед. Льдинки звонко застучали по железной палубе «Челюскина».

Бегом бросились к месту взрыва: «майна», минуту назад почти совсем чистая, была опять забита многотонными льдинами, неизвестно откуда вынырнувшими.

— Вот и пускай сюда подрывника!—заметил боцман Загорский.— Чорт его знает, откуда столько льда берется?!

По доске перебежал он на большую бесформенную глыбу посредине «майны». Широко расставив ноги на скользкой поверхности, он бил ломом, откалывая от нее большие куски. Словно живая вздрагивала льдина под сильными ударами.

— Анатолий! Смотри, не выкупайся!

— Ничего! Не опрокинется!—ответил боцман и в тот же момент по тонущей под ногами доске выскочил на крепкий лед. Льдина с шумом перевернулась.

Еще четыре часа работы и наконец над пароходом раздалось долгожданное «кончай работу». С ломами и баграми на плечах один за другим карабкались по наклонному трапу на палубу и усталые, потные расходились по каютам.

Вечером, после ужина, в кают-компании было опять шумно и весело.

Впервые за десять дней, забыв о норд-весте, заливался «Катенькой» импровизированный джаз. Несмотря на усталость, никому не сиделось в каютах, в одиночестве, с мыслями о зимовке, о долгом, бесконечном годе во льдах у Колючина. Тянуло к людям, к разговорам о впечатлениях дня, полного тяжелой, но дружной работы.

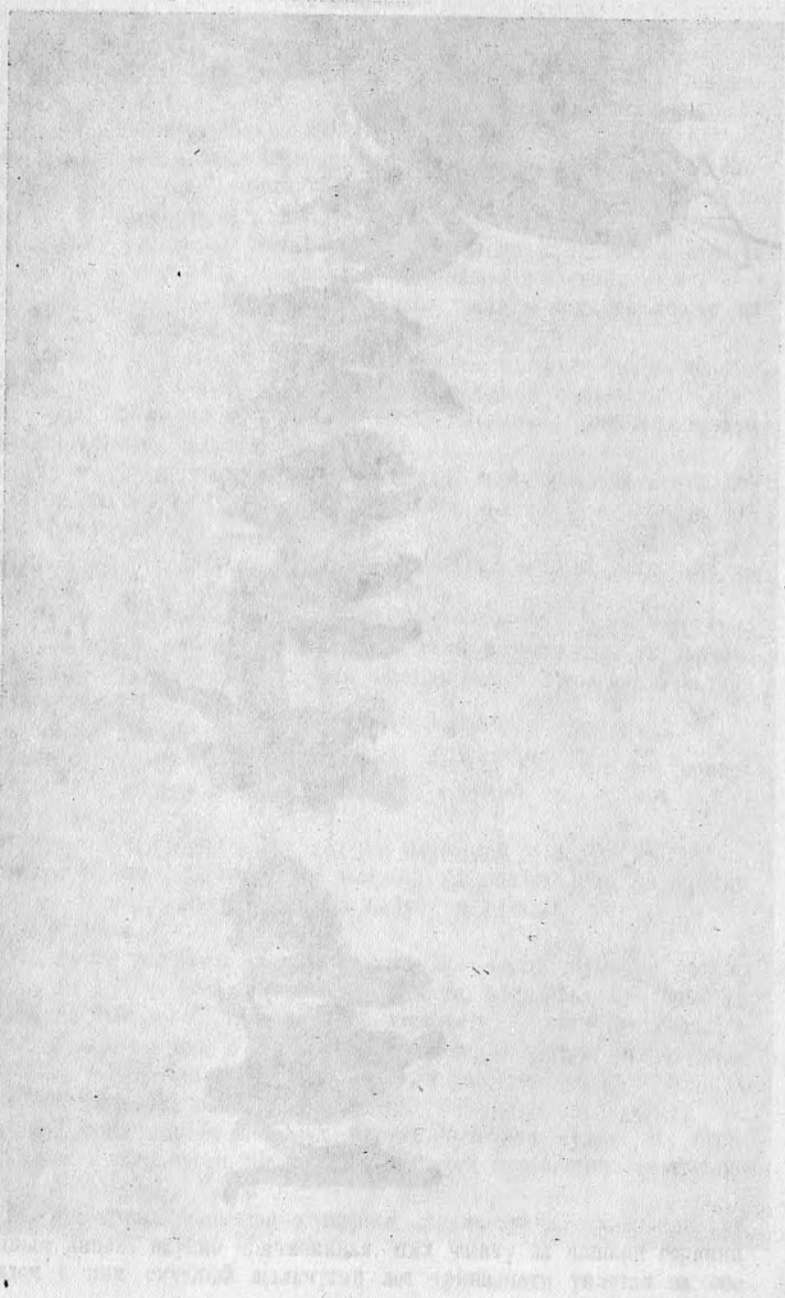
На третий день аврала на двух нартах приехали чукчи. Их было трое взрослых и мальчуган. Неожиданных гостей потащили в кают-компанию.

Откинув на спину кашошон камлейки старик-чукча, маленький, со сморщенным лицом, вкусно причмокивая, пил чашку за чашкой горячий чай. Рядом с ним смуглый мальчуган лет тринадцати уплетал за обе

Околка кормы во льдах у Колючина

THE HISTORY OF THE UNITED STATES

THE HISTORY OF THE UNITED STATES
OF AMERICA
BY
JAMES M. SMITH
PUBLISHED BY
THE
AMERICAN BOOK CONCERN
NEW YORK
1880

щеки консервы, быстро бегая черными глазенками по непривычной обстановке корабля.

Комова, немного смущаясь вниманием любопытных, столпившихся вокруг стола, заговорила с гостями на их родном языке. Чукчи приехали с острова Колючина, где был небольшой поселок. Они давно заметили нас и сегодня явились в гости. Три часа спустя двое из них отправились домой, увозя Отто Юльевича и в качестве переводчика Комову, поехавших выяснить возможность найма собачьих нарт для разгрузки парохода.

Веселый старик-чукча и мальчуган остались ночевать на корабле и долго, рассматривая огромный пароход, бродили по палубе и коридорам, заглядывая в каюты и в машину.

На другой день после обеда Отто Юльевич вернулся с четырьмя упряжками собак.

Весь вечер по всему пароходу оживленно обсуждался список отъезжающих. Отправляли двух больных и тех, кому нужно было обязательно еще в этом году вернуться на материк.

Многим хотелось попасть в Уэлен на «Литке», чтобы вернуться поскорее в Москву и Ленинград. Однако к концу вечера кое-кто из тех, кому Отто Юльевич предложил ехать, решили остаться, напуганные трехстами километров санного пути до Уэлена. Дорога еще не установилась, нарт было мало, так что предстояло довольно трудное путешествие.

Утром 3 октября «Челюскин» провожал восемь человек, уходивших на берег.

— До свиданья, Марк! Не забудь письма передать! — подошел и к Трояновскому.

— Хорошо! Хорошо! Передам,— торопливо отвечал Трояновский, спеша пожать руки, тянувшиеся к нему со всех сторон.

— Всего хорошего, Марк! Счастливого пути!

— До свидания, Борис! Счастливо оставаться.

— Муханчик! Обязательно зайти к жене, слышишь?

— Да слышу, а керосин в примус налили? — вспомнил Муханов.

— Налили! Все в порядке!

— Доктор, не забывайте нас,— шутил кто-то, прощаясь с Мироненко.— Без вас мы пропадем со скуки!

В последний раз стрекочет «кинамка» Трояновского, снимающего проводы.

— Ну, прощайтесь! Да руки жмите крепче, с чувством! — кричит Марк группе из пяти человек, уже в третий раз жмущих друг другу руки специально для съемки.

Наконец пошли. То подымаясь на буграх льда, то скрываясь в ложбинах среди торосов, удалялась группа людей туда, где едва заметным уступом синел мыс Джинретлен. За ними с визгом и лаем сорвались одна

за другой четыре упряжки; быстро замелькали мохнатые лапы, за ними подпрыгивая и едва не опрокидываясь, понеслись вдогонку нарты.

— По местам, на работу! — раздалось минуту спустя.

Аврал продолжался.

ПЕРЕМЕНА

Поздно вечером я поднялся на верхний мостик.

— Это ты, Петр Петрович? — узнал меня в темноте второй штурман.

— Я. Добрый вечер, Гаврилыч! Как ветер? Не повернул?

— Нет! Заштилоло. Совсем не тянет, — показал он на дым, лениво подымавшийся над трубой.

Тихо. Тепло. Над горизонтом загорелась звездочка, описала дугу и покатилась вниз.

— Это на «Свердловске» ракеты пускают. Наших до сих пор там нет!

— Сколько миль отсюда до пароходов? Миль тридцать?

— Да, вроде этого. Наверное заночевали где-нибудь под ропаками.

Еще одна звездочка поднялась и погасла. Легкий ветерок робко коснулся ушей и затих. Вот он снова ласково дунул в лицо и через минуту зашептал в уши.

Не веря себе, бросился к компасу. За мной, не торопясь, подошел спокойный Марков.

— Зюйд-вест! Смотри на дым!

В самом деле, дым из трубы, столько дней упорно ложившийся вправо, сейчас ленивыми клубами тянулся в сторону, на левый борт. Ветер повернул.

Всю ночь дул легкий ветерок с юго-востока и к утру уже появились полыньи, черневшие в двух-трех километрах от судна.

Работа по окальванию уже не казалась бесплодной. Освобождение стало вдруг таким возможным, что люди изо всех сил бросились на опостылевшую было работу.

После обеда снова сорвался слепящей глаза поземкой норд-вест. Но это был уже его последний вздох. К вечеру ветер дул с запада, и полыньи становились все шире.

ОСВОБОЖДЕНИЕ

5 октября с утра началась работа на льду, ставшая привычной за шесть дней аврала. Приближался обеденный перерыв. Кое-кто нетерпеливо поглядывал вверх, на палубу: нет ли Ньюры с долгожданным «пора обедать!» Было около двенадцати. Глухо ударил небольшой взрыв у кормы, и вдруг раздался чей-то крик, полный радости:

— Пошли! пошли! Лед идет!

В самом деле корма медленно ползла в сторону, оставляя все более широкую полосу воды у борта.

Не веря своим глазам, все смотрели на воду, на ту самую воду, на которой так страстно хотелось увидеть «Челюскин». Сомнений не было — лед медленно двигался вдоль борта судна.

— Скорее наверх! Подымайтесь скорее, пока трап не упал! — кричали со спардека.

— Инструмент собирайте! Тащи быстрее к трапу! — торопил старпом Гудин суетившихся на льду людей. Хватая ломы, пшени и багры работавшие бежали к борту судна, где все шире чернела полоса воды.

Деревянный трап, спущенный с борта на лед, вдруг закришел и, соскочив с выскользнувшей из-под него льдины, повис в воздухе. Боцман едва не сорвался с обледенелых ступенек, но, изловчившись, успел все-таки взобраться на палубу.

— Шторм-трап скорее! Давай сюда! — надрывалось сразу с десятков голосов на высоком полубаке. Человек тридцать, толкаясь и мешая друг другу, подымали на длинных концах на палубу «ледокольное имущество». Целыми гроздьями вытаскивали через релинги ломы, лопаты — все, что успели подтащить к судну оставшиеся на льду.

— На баке! Вирайте сани!

Тяжелые сани завертелись на канате, рывками поднимаясь вверх.

— Сергей Васильевич! — кричал нетерпеливо уже в третий раз капитан из бочки на мачте: — скоро ли там у вас! Подымайте людей на палубу! Сейчас пойдем!

Человек десять, прыгая через расползающиеся трещины, еще тащили последние лопаты, багры и просто длинные палки, забрать которые казалось в суматохе почему-то необходимым.

Торосы, неподвижно громоздившиеся высокой грядой у самого носа корабля, вдруг ожили, зашевелились и с шумом обвалились в быстро расползавшуюся полынью.

«Челюскин» медленно разворачивался, отступая от ледяных полей, на изломе которых остались грязные пятна краски от его бортов. Все шире чернела вода там, где еще час назад безнадежно крепким казался лед.

Минуту спустя последние из нас повисли на шторм-трапе, под которым с характерным шорохом уже расступались льдины. «Челюскин» пошел.

На палубе, на мостике, всюду встречались радостные лица. Забыли про обед, давно ожидавший в кают-компании; не хотелось уходить вниз, не хотелось оторваться от чудесного зрелища черневших всюду узких полосок разводьев. Уверенно расталкивая широким носом льдины, «Челюскин» уходил все дальше от опостылевшего острова Колючина.

В этот день прошли двенадцать миль.

ИДЕМ НА ВОСТОК

7 октября. Редко выдаются такие ясные, полные радости и удачи дни. Вторые сутки «Челюскин» идет на восток, вторые сутки мощно дышит внизу машина. Временами дребезжит телеграф, и тогда, шурша об льдины, пароход преодолевает очередное препятствие и снова продолжает свой путь на восток. Еще вчера остался за кормой мыс Джинретлен, а утром под берегом были видны два парохода — «Свердловск» и «Лейтенант Шмидт». Их трубы и мачты виднелись вдаль за торосами, попрежнему державшими их в плену. Ясное нежноглубое небо, такое изумительно чистое, каким оно может быть только на далеком Севере, отражалось бледной лазурью на зеркальной глади шолоныи, широкой рекой расстилавшейся впереди корабля. Быстро бегут мимо борта высокие торосы, целые барьеры из огромных глыб льда, — немые свидетели недавних сжатий. Широкие поля невзломанного льда находились между судном и берегом, а за ними все появлялись новые и новые панорамы невысоких гор и холмов с какими-то особенно прозрачными, словно сотканными из воздуха контурами.

Все свободные от вахт и работы не уходят с палубы. Всюду слышны оживленные разговоры, смех и шутки.

Кто-то вспомнил о наших пешеходах. Только позавчера они добрались до «Свердловска» и сейчас оттуда с завистью провожают глазами дым «Челюскина».

— Представляю себе, как они там сейчас изнывают!

— Мироненко наверное Муханова съел от злости: втравили, мол, в прогулочку по Чукотке, а сами шпарят на пароходе!

— Да! Не повезло ребятам. Чего доброго мы придем в Уэлен, а они только через неделю после нас туда доберутся!

— Ну, ты подожди со своей арифметикой! Доберись сначала до Сердце-Камня! Кто его знает, какой лед впереди встретится.

— Закаркала ворона! Смотри, какие разводья кругом, — со всех сторон набросились на пессимиста.

Около полудня прошли мимо острова Идидля. Год назад здесь «Сибиряков» потерпел вторую аварию, потеряв целиком весь винт.

Впереди уже отчетливо вырисовывались сопки у мыса Сердце-Камень, и словно фигуры сказочных тигантов высились на их гребнях каменные столбы кекуров. Полыньи становились уже, все чаще встречались на пути судна ледяные перемычки и все чаще звенел на мостике телеграф, отводя судно назад, чтобы с разбега броситься на новое препятствие. Только к вечеру, уже в девятибалльном льду, подошел «Челюскин» к мысу Сердце-Камень. Быстро опустилась ночь, и уже в темноте машина «Челюскина» замолкла до утра.

Мыс Сердце-Камень выдается в море живописными обрывами. В этом месте берег круто поворачивает на юго-восток, и здесь, у подножья мыса, нередко подолгу задерживаются в своем дрейфе на восток льды, становясь непреодолимой преградой на пути кораблей.

Невеселая картина ожидала нас на другой день утром. Всюду, от берега и далеко в море, сколько видно было из высокой бочки на мачте, простирался сплошной торосистый лед. Только кое-где впереди по носу чернели узкие полосы полыней, теряясь в хаосе торосов. «Челюскин» начал пробиваться к полыньям на востоке.

Двойной звонок телеграфа, и судно медленно отходит назад, как будто нехотя раздвигая битый лед за кормой. Снова звонок, и, понемногу набирая скорость, «Челюскин» с разбега бросается на ледяную перемычку, преградившую ему путь. Глухой удар, шорох опрокинувшихся под форштевнем льдин, и, расталкивая ледяную кашу, корабль снова накатывается носом на тяжелое поле. Снова звонок телеграфа. Судно медленно отходит назад и опять бросается с разбега на лед.

В середине дня, когда «Челюскин» упорно преодолевал очередную перемычку, произошла небольшая авария. Под сильным ударом льдины неожиданно расступились. Судно на полжорпуса выскочило на чистую воду и, покотившись носом вправо, резко ударилось скулой о высокий торос. В буфете послышался звон посуды.

— Ну, вот! — сорвалось у кого-то из группы, забивавшей «козла» в кают-компанию: — опять заклепки посыпались!

Я вышел на палубу.

Мимо пробежал вахтенный, за ним, застегивая на ходу ватную куртку, быстро прошел Расс, на обязанности которого лежало наблюдение за состоянием корпуса.

— Ну, что там такое? — обратились мы к возвращавшемуся из трюма Мише Ткачу.

— Та ничего! — уклончиво ответил с украинским акцентом Ткач. Он спешил сообщить о результатах осмотра вахтенному штурману.

Минуту спустя торопливо прошел капитан в сопровождении еще нескольких человек.

— Пэпэ! Пойдем, посмотрим в чем дело! — предложил мне Шафран стоявший рядом у борта.

В просторном твиндеке первого трюма было темно. Тускло горели сверху три лампочки переносной «люстры», освещая группу людей в самом углу твиндека. Мы подошли ближе. Внизу у ног стоявших яркой изломанной полосой пробивался дневной свет, освещая грязный настил палубы. Пробойна...

Стальная обшивка борта судна не выдержала удара об лед и лопнула над уровнем воды.

— Да! в таком льду «Челюскину» недолго все зубы поломать! — меланхолично произнес чей-то голос.

— Ничего! И с поломанными зубами, а выскочим! — сердито обрезал капитан.

— Сергей Васильевич! — обратился он к старпому: — пошлите людей заделать пробойну. А вы, Ткач, пойдите передайте Михаилу Гавриловичу, чтобы продолжал работу! А вы чего здесь собрались!? — прикрикнул он на группу кочегаров и строителей, спустившихся вслед за нами в трюм.

— Да мы, Владимир Иванович, посмотреть пришли! — робко ответил кто-то из строителей.

— Нечего здесь смотреть! Вон сколько народу собралось! — недовольно кивнул капитан на всех нас.

ОПЯТЬ В ДРЕЙФЕ

Лед однако оказался не по зубам «Челюскину». Три дня упорно пробивался корабль в десятибалльном льду у мыса Сердце-Камень. Временами удавалось за два-три часа работы пробиться на длину корпуса судна. Взрывы аммонала тоже оказались бессильными проложить дорогу «Челюскину». Итти было некуда, всюду расстился тяжелый, сплошной лед.

«Челюскин» вместе с огромным ледяным полем дрейфовал то на юго-восток, куда мы все так стремились, то его отбрасывало назад, на северо-запад. Послушное капризам ветров и течений судно описывало в своем дрейфе одну петлю за другой, почти не удаляясь от примелькавшихся за эти дни кекуров Сердце-Камня.

12 октября дрейф повернул на зюйд-зюйд-ост. Мыс Сердце-Камень понемногу оставался все дальше позади. Время от времени появлялись небольшие разводья, и тогда снова звенел телеграф на мостике, и вместе с мощным дыханием машины снова просыпалась надежда на освобождение из ледового плена.

В такие минуты не сиделось за работой или за учебой внизу. Хотелось скорее подняться на палубу, посмотреть, куда пробивается судно и какие разводья находятся впереди.

Но каждый раз приходилось с разочарованием возвращаться обратно. Впереди был тяжелый сплошной лед, и после часа-другого работы с мо-

стика в машину опять раздавался резкий тройной сигнал: «машина не нужна до перемены ледовой обстановки». Освободиться «Челюскину» не удавалось.

Оставалась надежда на дрейф, медленно увлекавший судно к Берингову проливу.

К 16 октября продрейфовали до мыса Икигур, от которого до пролива оставалось не более сорока миль.

Я поднялся на мостик. Выдался на редкость ясный день, и только на востоке, над проливом, вытянулись тонкие полоски облаков. Солнце ослепительно сверкало миллионами искр, рассыпанных по белому покрову застывшего моря.

Суровой, величественной панорамой развернулись берега Чукотки. Позади, за черным обрывом мыса Икигур, остались причудливо вырезанные на фоне безоблачного неба сопки Сердце-Камня. По берегу гигантскими волнами теснились горы, обрываясь в море белыми пятнами занесенных снегом ущелий и глубоких долин.

Далеко над горизонтом поднялся крутой горб мыса Дежнева и едва заметно угадывались горы Аляски.

За спиной послышались шаги. Я обернулся.

— А, Борис! Аркаша! — обратился я к поднявшимся на мостик: — Ну, как ваша бригада? Сколько мешков перебросили?

— Вас обставили, — ответил Громов. Его подведенные углем ресницы красноречиво говорили об очередном угольном аврале.

— Ваша бригада за четыре часа перебросила из трюма в бункер 700 мешков, а мы 800, хотя нам работать было труднее.

— Почему труднее?

— Уголь теперь нужно таскать из дальнего угла трюма — впереди уже все выбрали. В бункере совсем зарез: угля полно. С мешком на спине карабкаешься вверх по уголю к самому борту!

— Интересно, сколько плотники дадут?

— Собираются тоже восемьсот мешков, но им придется еще труднее!

— Пэпэ! Покажи, где Аляска. — попросил Шафран.

— Вот эта? Ой, хочу в Америку! Я предлагаю ускорить наш дрейф! Кто против?

— Слушай, Борис, — сказал я, обращаясь к Громову, — кто бы из нас год назад на «Сибирякове» мог ожидать, что еще раз придется петь, как пели тогда:

Помнишь ли ты,
Видел ли ты
Мыс Дежнева в тумане?

— Или помнишь, как нас несло куда-то на юрд-вест, может быть в Полярный бассейн. Момент был напряженный. Отто Юльевич, чтобы

поднять настроение, велел устроить вечер в кают-компании. Вначале дело не клеилось, но потом все разошлись и хором пели:

— Никто пути пройденного
У нас не отберет,
А баржа ледокольная¹
Вперед-назад идет!

— Вот так и мы теперь, — заметил Марков, подошедший к нам, — то сюда, то обратно, так и носит вдоль Чукотки!

— Брось, Гаврилыч! Теперь до Дежнева немного осталось, всего сорок миль! — повернулся к нему Шафран.

— По чистой воде сорок миль немного, четыре часа ходу. А в дрейфе кто его знает сколько проносит?

— Кстати, Гаврилыч, какая сейчас скорость дрейфа?

— Да в том то и дело, что уже несколько часов дрейфа почти нет! Штиль стоит!

— Вот это хуже! — разочарованно протянул Аркаша Шафран. — Ну, что стоило бы норд-весту еще недельку подуть! Вот как тогда, у Колючина! Так нет же, успокоился, а мы торчи здесь на месте!

— Неизвестно, долго ли удастся тебе тут торчать, не хочешь ли обратно к Сердце-Камню прокатиться? — улыбнулся Марков.

— Ну, тоже хватил! К Сердце-Камню! — недовольным голосом протянул Аркаша.

— Борис Васильевич, — спросил Марков Громова, — а ты знаешь, где «Свердловск» и «Шмидт»?

— Знаю! Только что Эрнест получил новости: оба продрейфовали сегодня утром до Сердце-Камня, — ответил Громов.

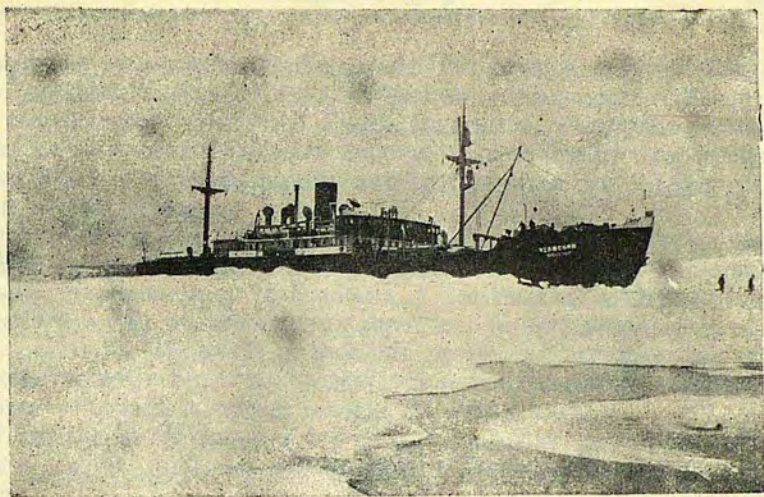
— Это здорово! а казалось, что им никак не выскочить из неподвижного льда у берега.

ОБРАТНЫЙ ДРЕЙФ

Еще два дня стояла тихая погода. Потом подул зюйд-ост, усилившийся к ночи до пяти баллов, и 20 октября погнал «Челюскина» назад, на норд-вест.

Стремительный дрейф выбросил нас далеко за Сердце-Камень. 24 октября мы были уже на меридиане острова Идлиля, того самого, с которым распрощались полмесяца назад. 30 миль отделяли теперь нас от берега и еще больше было до Берингова пролива.

¹ Во время плавания парохода «Александр Сибиряков» в 1932 году, он потерял у острова Идлиля гребной винт и вал и таким образом лишился возможности самостоятельно двигаться к Берингову проливу. Капитаном В. И. Воронным было отдано распоряжение соорудить на «Сибирякове» паруса из брезентов, что несколько ускорило дрейф корабля на восток. Сибиряковцы в шутку называли свое судно под парусами «ледокольной баржей» *Примеч. ред.*

В дрейфе

Заготовка льда

Далеко на севере темнело водяное небо. Под берегом, у Сердце-Камня тоже появились большие разводья, по которым «Свердловск» и «Шмидт» уже продвигались к востоку. В Уэлене было чисто. «Челюскин» однако крепко вмерз в центре огромного ледяного поля и освободиться своими силами не мог. Вокруг парохода на десятки километров тянулся непроходимый торосистый лед.

Потянулись дни ожидания новых перемен. Люди как будто «привыкли дрейфовать», не замечалось той напряженности, той нервозности, с которой ждали перемены ветра у Колочина. У большинства почему-то была уверенность в том, что, описав, быть может, еще не одну петлю, дрейф повернет опять на юго-восток и рано или поздно, но вытолкнет ледину с «Челюскиным» к Берингову проливу, где ветром, течениями и прибоем разломает лед, и мы выскочим, наконец, на чистую воду.

26 октября дрейф повернул к берегу, а на другой день, 27-го, при сильном северном ветре, нас понесло опять к Сердце-Камню и Берингову проливу.

ПОЖАР В ТРЮМЕ

Утром 26-го в каюту постучал мой сосед, Хмызников.

— Пэпэ! Вставай скорее, станцию брать пора!

— Станцию? Чего так рано? Ведь мы же условились на после обеда!

— После обеда в трюм пойдем пожар тушить, а станцию нужно до обеда взять!

— Пожар? Какой пожар?

— Эх, ты, соня! Так ты ничего не знаешь?

— Нет, а что?

— А то, что во втором трюме загорелся уголь, и после обеда наша бригада отправляется туда в качестве пожарных. Сейчас там уже работает бригада Шпаковского.

Я поднялся. В самом деле, в каюте чувствовался едкий запах гари.

— Не знаешь, Павел Константинович, сильно горит там?

— Нет! Как будто во-время заметили. Пока только в одном месте огонь разрыли. Ну, я пошел. Через полчаса выюшку освобожу — можешь ловить свой планктон!

Я оделся и вышел на палубу. Было тепло. Пушистыми хлопьями падал снег. Белым праздничным нарядом оделся «Челюскин», словно радуясь перемене дрейфа. По открытому коридору спардека неторопливой походкой прогуливался стармех Николай Карлыч, верный своей английской привычке гулять по утрам.

На правом борту, около выюшки суетился Хмызников, опуская батометры в небольшую прорубь у самого борта, чтобы с различных глубин взять пробы воды и измерить температуру. Гидрологическая станция была

интересна тем, что до сих пор мы еще ни разу не были так далеко от берега в этом районе, как в эти дни.

Трюм был открыт, и снежинки лениво кружились в широком отверстии, черневшем на палубе.

Синеватые клубы дыма подымались из трюма, расплываясь прозрачным облачком над палубой.

Где-то на самом дне глубокого трюма слышны были голоса и характерный шорох лопат об уголь. Аврал уже начался. В трюме работала первая бригада.

Над железным комингсом вдруг показалась голова и голые плечи, перемазанные углем. На палубу вылез откашливаясь кочегар Марков, голый до пояса.

— Ну, что там? — спросил я.

— Да ничего! Огонь было появился в одном месте, но уголь расштивали, залили водой, — ответил он. — Дыму много! Не продохнешь иной раз. Двум плохо стало. Одного рвет, а другой лежит в бункере, отдышаться никак не может. Воды вот надо принести, — показал он на пустой чайник и пошел к трапу.

Я вернулся к вьюшке.

— Ну, Пэпэ! Начинай. Я кончил, — еще издали встретил меня Хмызников, выливая в небольшие склянки воду из батометра. В лаборатории наш гидрохимик Лобза займется теперь обработкой этих проб, определяя в них состав морской воды.

Начинаю лов планктона. Плавню подымаю с глубины сетку, в широкое горло которой входит вода и, процеживаясь через плотный шелк, оставляет в сетке планктон. На палубе из металлического стакана сетки выливаю в склянку свой улов.

Целый мир населяет толщу воды моря, начиная от рачков, весело прыгающих в банке, и до мельчайших одноклеточных животных и растений. обнаружить которые поможет микроскоп.

Несколько раз опускаю сетку за борт, беря планктон с различных глубин. Наконец, с добычей, заключенной в небольших склянках, возвращаюсь в каюту.

— Пэпэ! Ибрагим! Пошли на работу! — постучал в дверь бригадир Гаккель.

Мы вышли. Бригада уже собралась. Один за другим по железным скоб-ступенькам трапа спустились в черную пасть трюма.

Глаза не сразу привыкли к царившему здесь полумраку. В передней части трюма лежал уголь. Несколько лампочек, тускло желтея в дыму, освещали отвесную стену угля, из которой кое-где пробивался синеватый дымок. Бригаде предстояло разрыть всю массу угля, плотно слежавшегося за три месяца, и хорошенько его проветрить, разбросав в свободной части трюма.

Работа началась Три пары быстро насыпают горячий уголь в брезентовые мешки.

— Десять лопат! Готово! Следующий, подставляй! — весело кричит Володя Задоров, умелыми бросками наполняя мешок.

— Сразу видно спеца! — с завистью заметил доктор Никитин, пытаясь не отставать от Задорова.

Один за другим подбегаем с пустыми мешками и, получив свои десять полновесных лопат, растаскиваем их в разные стороны.

— Берегись! Убью! — пронесится с мешком мимо меня Вася Громов и высыпает уголь у самого борта.

Работать становится труднее. Душно. Всюду разбросан горячий уголь. Под ударами лома обрушился большой пласт. Вырвались клубы дыма, синими языками забегало пламя по обнажившемуся скату.

Вот он, пожар! Стало не по себе. А что, если бы не заметили во-время?

К огню бросился с ведром воды Бармин и стремительно отскочил назад, обжигаясь горячим паром.

Облака дыма и пара заполнили все пространство трюма. Едва заметно мерцают лампочки, и черными теньями мелькают люди. С длинными ломami двое бросаются вперед, чтобы разрыть очаг огня. Два-три удара, и люди, задыхаясь в черном дыму, отскакивают назад.

Нестерпимыми становятся жара и едкий дым. Стараешься дышать носом, чтобы защитить легкие от дыма и пыли, но ядовитые газы врываются в нос, причиняя острую боль. Молотками стучит в ушах. Тяжелое удушье сдавливает горло, и, задыхаясь, чувствуя как темнеет в глазах, хватаешь всем ртом вместо воздуха кислую удушливую гадость.

— Нет! Работать невозможно. Нужно подождать, пока рассеется дым. — Захлебываясь от кашля, бригадир объявляет перерыв:

— Перекурка! Перекурка!

Побросав лопаты и мешки, бегом бросились из трюма в бункер, где обалделые от жары и угара жадно вдыхали прохладный, чистый воздух и кружку за кружкой пили воду.

Понемногу пришли в себя.

Я лежал спиной на куче угля, подложив руки под голову. Высоко в открытом люке виднелось небо. В черном колодце бункера причудливо кружились белыми мотыльками редкие снежинки, лениво опускаясь вниз.

— Анатолий! — приподнялся рядом со мной Шафран. — По-моему пожар начался оттого, что уголь плохой. Правильно я говорю?

— Нет, уголь хороший, только мелкий, — ответил Колесниченко. — Кроме того в Мурманске при погрузке его намочил дождь. В трюме вентиляции никакой не было, уголь слежался, и под сильным давлением верхних слоев нижние начали нагреваться. Ну, а при сильном нагревании уголь начал самовозгораться. Если бы все время не следили за температурой в трюмах, дело могло бы окончиться скверно!

В низкой двери клинкета показались тучная фигура Гаккеля.

— Ну, пора начинать! Дым уже поднялся! Пошли.

За десять минут перерыва воздух в трюме заметно очистился, но очень скоро опять наполнился дымом, так как с самого начала работы опять показались пламя.

Работа продолжалась. То в одном, то в другом месте разрывали горящий уголь. Задыхаясь в дыму, бросались на пять минут в бункер и, едва отдышавшись, снова возвращались в трюм. Четыре часа тяжелой работы, и, наконец, пронеслось долгожданное «кончай работу!»

Едва держась на ногах, с осыпшими голосами, вылезли на палубу. Чистый морозный воздух живительным потоком ворвался в легкие, вливая бодрость в усталые мышцы.

Пять минут спустя смена мылась в маленькой бане, словно стараясь вместе с углем смыть едкий запах гари, ввевшийся в тело.

У СЧАСТЛИВОГО ПАПАШИ

В одних трусах, бегом по коридору, я вернулся в каюту. Кто-то постучал в дверь.

— Кто там? Войдите!

Вошел Гаккель. Черный пиджак и непривычная на корабле белизна воротничка придавали ему исключительно праздничный вид.

— Як Як! Ты чего это нарядился? — удивился я.

— Пэпэ! Заходи после ужина! У меня сегодня небольшой банкет! Хорошо? — улыбаясь сказал Гаккель.

— Банкет?! По какому же поводу?

— Телеграмму получил! Дочка родилась!

— А, так ты папашей стал! Поздравляю, Як Як, поздравляю! Когда же она родилась?

— Позавчера. Так придешь, Пэпэ?

— Обязательно, Як Як, как же иначе!

Просторная каюта очень скоро оказалась тесной. На клеенчатом диванчике у стены, на стульях, принесенных из соседних кают, на койке, всюду «в притирку» сидели гости.

Яков Яковлевич Гаккель деловито откупоривал полученные по случаю торжества бутылки с вином и расставлял их среди тарелок и открытых коробок с консервами.

— А! Икорка и лимончик есть! Это ты, Як Як, молодец! — потирая руки сказал Хмызников, большой ценитель хорошей закуски.

Дверь открылась. Вошел Федя Решетников со свертком в руках.

— Як Як! Поздравляю с дочкой. А вот подарок тебе по случаю семейного торжества! — Федя с трудом пробрался к столу и развернул большой лист бумаги.

— Это Як Як, каким он будет к концу второй пятилетки! — объяснил он.

Дружный хохот приветствовал очередное произведение Феде.

— Ну и Федя, молодец!

— Здорово изобразил!

— Откуда у него только берется? Каждый раз что-нибудь новое придумает!

На картине был изображен Гаккель, только еще более толстый, чем он был на самом деле. Со всех сторон его облепили ребятишки, от сосунков до пионера с трубой. На плечах, между ног, в карманах, всюду резвилось многочисленное потомство счастливого папаша.

— Як Як! Это тебе план на пятилетку! Постарайся не подкачать!

— Ладно, постараюсь! — смеялся Гаккель, довольный подарком Феде. Рисунок он аккуратно приколот на стенке каюты над столиком.

— Ну, за дочку! — поднялся Шпаковский.

— За дочку! За папашу!

— Як Як! Дочка большая родилась?

— Да! Двенадцать фунтов весит! — похвастался новоиспеченный отец с таким довольным видом, как будто это он родил двенадцатифунтовую дочку.

Банкет продолжался.

В каюту вошел Виноградов.

— А, Борис Иванович! Мрачный штурман! — закричал Шафран.

— Ну, как там дрейф? Не повернул еще назад?

— Нормально! Дрейфуем к берегу, полмили в час! Ветер к норду заходит!

— Ну, значит, опять к Берингову понесет, а там льдину разломает и через месяц во Владивосток придем! Борис Иванович оденет лакированные «колеса», шляпу с пером и пойдет по городу. А «чудачки» так и «раскалываются», так и «раскалываются»! — дразнили Виноградова, недавно похваставшегося своими победами в иностранных портах.

— Як Яковлевичу и всей честной компании! — вошел в каюту Задоров.

— Володя! Садись сюда! Здесь место найдется! — звали со всех сторон.

— Что ж так поздно? Ничего уже не осталось! — с обидой в голосе приподнял Як Як пустую бутылку.

— Ничего, Як Яковлевич! Я только на минутку зашел, поглядеть на нового папашу!

— А почему раньше не зашел? — не мог успокоиться Гаккель.

— Не мог раньше. Як Яковлевич. В машине работал, только сейчас освободился! — ответил Задоров.

Он был секретарем партиячейки. Хорошо зная людей на пароходе, он к каждому умел подойти по-товарищески. Веселый и простой, он всюду был желанным гостем.

Шутки, смех, оживленные разговоры не прекращались до часу ночи, когда Таккель перешел от роли хозяина к роли бригадира и выставил всех из каюты.

— Спать пора! С восьми опять на аврал!

Опасность от пожара в трюме уже миновала, но кое-где еще пробивался дымок, покончить с которым предстояло нашей бригаде завтра.

СНОВА К ДЕЖНЕВУ!

Северный ветер ревел в снастях, обрушивался со снегом на судно и бесновался на палубе, загоняя всех в каюты.

Дрейф повернул на юго-восток. «Полмили... Три четверти мили в час!» — отмечали штурмана его скорость.

Опять начались разговоры о чистой воде, о Беринговом проливе. Спорили о том, пойдем ли мы на Врангель или за поздним временем проследуем прямо на юг.

Несмотря на то, что нас опять несло к Берингову проливу, все чаще закрадывалось сомнение — разломает ли нашу льдину?

«Челюскин» дрейфовал вместе с огромным полем на юго-восток. Нос парохода медленно разворачивался вправо. Это значило, что льдина где-то далеко от нас уперлась в берег и словно гигантское колесо катилось вдоль Чукотки.

Кое-где появились разводья. Но как мало их было! Как быстро покрывались они свежим льдом, до фута толщиной!

Бледный осунувшийся капитан ходил по мостику, сбегал на лед, подымался в бочку на мачте.

Снова и снова «Челюскин» начинал пробиваться к узкой полоске воды в одной мили от судна. Впереди был тяжелый торосистый лед. Ободранный помятый нос парохода даже не доходил до него, упираясь каждый раз в густую кашу из мелкораздробленного льда.

Часами бил пароход многометровую льдину, почти не подвигаясь вперед.

Взрывы тоже не помогали.

31 октября «Челюскин» прошел в дрейфе меридиан Уэлена. Настроение у большинства заметно портилось, так как ветер совсем стих и дрейф сильно замедлился. Лед оставался все такой же сплоченный. За день работы «Челюскин» пробился едва на несколько метров.

От «Свердловска» получили радиограмму, в которой сообщалось, что сегодня утром он вышел на чистую воду и вывел «Шмидта». Затем оба судна пошли на ост, по чистой воде, разбивая временами перемычки.

Сейчас они находились где-то на северо-востоке от нас, обходя по чистой воде нашу льдину и направляясь к проливу.

— Мы, конечно, рады их освобождению, — заметил Аркаша, грустно рассматривая карту в рубке, — но почему же они вышли, а мы торчим?!

Эта фраза хорошо передавала общее настроение. Невероятно обидным казалось торчать в ледовой западне, когда рядом, в нескольких милях, была чистая вода и открытая дорога в Тихий океан.

Снова подул норд-вест. Льдина повернула в Берингов пролив.

4 НОЯБРЯ

— Чай пить, чай шить! — шлепая туфлями по коридору, поднимала каждое утро обитателей спардека Нюра.

Не одеваясь, прыгнул с койки. Вздернул вверх штору окна и замер.

В полузамерзшее окно розовым огнем брызнуло солнце, заиграв разноцветными огнями в морозных узорах.

Но не солнце отдалось горячей волной радости.

Прямо перед окном высились крутые обрывы островов Диомиды, до которых было не больше трех миль.

Недаром, просыпаясь ночью, я с радостью слушал, как свистел наверху ветер.

Мы вошли в Берингов пролив!

Торопливо одевшись, я поднялся на мостик. Над утренней синью льдов багровым шаром поднималось солнце. Рваные клочья облаков быстро неслись на юг, алая в лучах восхода и постепенно покрывая все небо. На западе высилась черная громада Дежнева. На востоке, в полосе тумана, спрятались берега Аляски.

Посредине пролива стоят две угрюмые скалы, носящие название какого-то святого Диомиды. Одна скала — наша советская, другая — американская. Здесь, где-то у подножья скалистых обрывов, прилепились два маленьких поселка эскимосов.

Один, как и сам островок, наш, другой — американский.

Трудно попасть с материка на острова! Пролив замерзает редко. Всю долгую зиму ветрами и течениями ломает здесь лед, грозя унести смельчака, рискнувшего пуститься по нему через пролив.

Только коротким полярным летом устанавливается связь между островком и материком.

— Петр Петрович! Посмотрите, что там такое, — окликнул меня Иванюк, стоявший на крыле мостика.

— Вон там, у кромки льда! Неужели в самом деле прибой? — заметно взволнованным голосом спросил он, передавая мне бинокль.

На темном фоне водяного неба отчетливо вырисовывались торосы. Вдруг легкое белое облачко взметнулось над зазубренной чертой горизонта и бы-

стро покатилося влево. Второе облачко... Нет! Не облачко, а белый каскад прибой показался на том же месте.

— Прибой! Конечно, прибой! — радостно вырвалось у меня.

— Прибой! Значит, там чистая вода! Большое пространство чистой воды!

— И совсем не далеко! Миль пять, не больше! Как по-вашему? — спросил я.

— Да, что-нибудь в этом роде!

Море, свободное ото льдов, было совсем близко. На северо-восток от нас, за островами Диомиды, под американскими берегами, всюду была чистая вода.

Наше гигантское поле сильно пообломалось. Дрейф медленно проталкивал его между Дежневым и Диомидами.

Появились разводья. Длинной цепью чернели полыньи в одной-полтора милях от судна. Где-то на восток от нас они выходили к кромке поля.

Во многих местах зазмеились по льду тонкие нити трещин.

Льдина доживала последние дни.

Праздничное настроение царило на пароходе. Петропавловск, Владивосток, Москва постоянно слышались в разговорах. Освобождение казалось таким реальным, близким.

После обеда я отправился на лыжах к полыньям, черневшим перед Диомидом.

Быстро скользят лыжи по холмистой поверхности ледяных полей. Тонкая корка наста похрустывая проваливается под набегавшим человеком.

Принимаю самые нелепые позы, временами карабкаюсь через торосы. Наконец добрался до кромки.

Широкой полосой вытянулась полынья. словно маленькие паруснички плыли льдинки, покачиваясь на мелкой ряби.

Лениво плескалась вода о кромку.

— Вода! Настоящая вода!

Я лег животом на лед и опустил руку вниз. Хотелось пощупать настоящую соленую воду.

Неожиданный всплеск послышался сбоку. Я повернул голову и невольно вздрогнул.

Шагах в пяти из воды высунулась седая голова. Темные, немного на выкате глаза пристально смотрели на меня.

— Морской заяц! Фу, чорт! Откуда он взялся! — выругался про себя, узнав тупую морду с густыми обвислыми усами.

Любопытный зверь внимательно рассмотрел незнакомое существо, лежащее на льду, после чего презрительно фыркнул и нырнул в воду, показав на мгновение серую жирную спину.

Я поднялся и пошел вдоль кромки. Короткими перемигками разъединялись разводья, уходившие куда-то к чистой воде.

Глухим рокотом доносился шум прибоя.

Вода была совсем близко! Три-четыре километра отделяли «Челюскин» от разводий, от выхода на свободу. Но... три-четыре километра тяжелого торосистого льда...

НА СЕВЕР!

«Челюскин» вошел в Берингов пролив. Второй раз был пройден весь Северный морской путь в течение одной навигации.

Но освободиться «Челюскин» не успел.

Уже днем 4 ноября дрейф сильно замедлился и, наконец, прекратился совсем... Лыдина застряла в узком горле пролива; вместе с нею застрял и «Челюскин».

Вечером произошло что-то непонятное. Несмотря на северный ветер, нас понесло из пролива на север.

Вначале дрейф не торопился и кое-кто придумал в утешение:

— Это пустяки! Просто приливо-отливные течения! Вот увидите — через несколько часов понесет опять на юг!

Но прошло несколько часов, прошла ночь. Дрейф не повернул обратно. Нас стремительно несло на север.

Мы попали в мощный поток течения, идущего из Берингова пролива в Северный Ледовитый океан.

Все время чувствовалась близость больших пространств чистой воды. Густой туман сменялся мокрым снегом, временами моросил дождь. На льду появились лужи. Мокрая слякоть чавкала под ногами.

Утром шестого с мостика заметили много моржей в полынье, широко открывшейся накануне, в полутора километрах от судна.

Мы отправились туда.

По серой ряби полыньи проходили небольшие стада моржей. Мы сидели на лыдине, у самой воды. То там, то здесь показывалась бурая голова зверя. Завидев нас, моржи поворачивали в нашу сторону, чтобы рассмотреть нас поближе.

Наш зоолог Стаханов тщетно пытался утомонить сидевших на льду и весело приветствовавших каждую клыкастую морду. Да моржи, собственно, и не пугались смеха и разговоров.

Вот в двух шагах перед нами вынырнула огромная морда с полуметровыми клыками. Маленькие налитые кровью глаза внимательно глядели на нас.

— Ох, и рожа! — с чувством вырвалось у кого-то из ребят.

— Типе ты, иш! — сердито запищел Стаханов.

Морж недовольно засопел и шумно нырнул под лыдину.

Подплыла еще пара. Эти оказались крайне любопытными существами.

Мы сидели тихо. Только Стаханов, подражая моржам, издавал своеобразный призывный звук. Звери подплыли совсем близко. Большой морж

уперся клякками в край льдины, плававшей в несколько шагах от нас и, пригнув ее и помогая себе ластами, до половины поднял над водой свое опрочное тело.

С полминуты он рассматривал притаившихся за торосами людей, потом повернулся и с шумом повалился боком в воду, подняв фонтан брызг.

Около часа сидели мы у кормы, и беспрестанно мимо нас проплывали то поодиночке, то парами, то небольшими табунками моржи.

Озябшие, облепленные хлопьями мокрого снега, мы вернулись на паром, празднично расцветенный флагами, так как сегодня был канун шестнадцатой годовщины Октября.

Торжественный вечер. Красная полоса лозунга легла во всю стену. Празднично глядят портреты вождей в ленинском уголке.

Празднично гудит нижняя кают-компания в ожидании начала вечера. Вечер начался. За столом президиум — Шмидт, Задоров, Бобров, Воронин, Нестеров.

Ярка красочная речь Шмидта.

По обрывкам телеграмм, случайно долетевших из разных концов света, Отто Юльевич рисует международное положение. Среди цен на шерсть в Австралии, среди родословных скакунов, победивших на последних бегах в Калифорнии, среди прочих новостей, которыми была полна заграничная пресса, он выискивает крупницы невеселой для капитализма истины. Кризис продолжается. Пять шестых земного шара раздраются жесточайшими противоречиями. До зубов вооружается буржуазия, готовясь к новой войне.

Это у них. А у нас?!

Шестнадцать лет Октября! Растет и крепнет в невиданной стройке Страна Советов. Мощь ее признана во всем мире.

На колхозных полях собран обильный урожай. Политика партии бесповоротно победила в деревне. Неисчислимы победы социализма на одной шестой земного шара.

Перед глазами проходят миллионные колонны.

Ленинград... Москва... Архангельск... Одесса... Всюду, от столицы до самых отдаленных уголков нашей великой родины, люди завтра выйдут на улицы, потекут с песнями, смехом, музыкой потоки металлистов, водников, колхозников, вузовцев...

Здесь, в океане, почти на полсутки раньше чем в бесконечно далеких родных городах, небольшой островок Страны Советов тоже празднует годовщину Октября.

Мы — самый дальний форпост Советов! Мы крепко держим в ледяных пространствах, на грани двух миров, наше родное знамя!

Шмидт кончил.

— Перерыв на десять минут! После перерыва художественная часть в верхнем салоне! — объявил председатель, Ваня Нестеров.

Я вышел на палубу. На правом борту, освещенная переносной люстрой, поскрипывала выюшка, с помощью которой вахтенный определял дрейф.

Я подошел к группе, стоявшей у выюшки. По циферблату счетчика быстро бежала, отсчитывая метры, стрелка.

— Стоп! — скомандовал штурман, опуская руку с секундомером. — Сколько набежало?

— Шестьдесят один, Борис Иванович! — ответил вахтенный.

— Шестьдесят один метр в минуту... Две мили в час... Прямо на норд!.. Нормально!..

— С вашим «нормально» нас на Северный полюс занесет! — засмеялся кто-то в группе.

— Полюс не полюс, а к Гренландии чего доброго продрейфует. Не даром попали в Берингово течение.

— А знаешь, может быть хорошо, что мы оказались в течении.

— Это еще почему?

— Потому что льдину разломает. Крутом вода и волной ее понемногу разобьет. Ты смотри, как дышит лед у борта!

Снизу, со льда доносилось легкое поскрипывание, и, словно пульсируя, расходились и опять сходились края трещины.

— Да ведь это зыбь сюда доходит! — воскликнул Громов.

— Ну, да! А сегодня днем Гудин ходил на лыжах до кромки и везде по дороге видел новые трещины. Зыбь так и ходит. Лед у кромки ломает на глазах.

— Вот здорово было бы освободиться как раз на Октябрьские дни!

— Ну, пошли на вечер! Пора уже!

Все блестит в верхней кают-компании. Белые воротнички, чисто выбритые физиономии, ордена сибиряковцев, новые платья наших дам. Просторное помещение набито до отказа.

Сегодня демонстрируется кино «Феаркфильма». Очередная выдумка Фе-ди и Аркаши.

На столе стоит проекционный фонарь, сооруженный из фанерного ящика и фотокамеры. В противоположном углу натянута простыня, исполняющая назначение экрана.

Под дружный хохот всего зрительного зала демонстрируется «фильм», посвященный злоключениям некоторых из участников экспедиции.

Вторым номером программы идет кинокартина в 6 частях.

Часть первая. «Челюскин» во льдах. Ободранные борта. Труба покосилась. На носу большая, небрежно заштопанная латка. Крутом льды.

Часть вторая. Он же и там же.

Часть третья. Он же, там же. И так до шестой части включительно.

Вечер закончился далеко за полночь шумным джазом.

В БЕРИНГОВОМ ТЕЧЕНИИ

8 ноября дрейф несколько замедлился, оставив то же направление. Нас несло на север.

Положение резко ухудшалось. Начались морозы. Температура воздуха упала до 18 градусов ниже нуля. Ровным ледком задернулась черная гладь разводий. Лед перестал скрипеть, так как вода замерзла в трещинах, крепко сковывая лед вокруг корабля.

Освободить «Челюскин» мог только сильный шторм, разломав льдину волнами.

К сожалению, шторма не было, и дул лишь слабый ветерок с востока.

Еще вчера освобождение казалось совсем близким, а сегодня всем стало ясно, что самим нам из льдов не выйти.

10 ноября Отто Юльевич послал телеграмму на «Литке».

На другой день, за обедом, он прочитал полученный ответ. «Литке» горячо отозвался на просьбу о помощи и срочно готовится к выходу на север.

— Он попытается освободить «Челюскин», но вполне возможно, — говорит Отто Юльевич, — что это ему не удастся, и тогда «Литке» снимет часть людей с «Челюскина», чтобы разгрузить судно, дрейфующее на север, быть может в самый центр Полярного бассейна.

Обед кончился, но в кают-компании не расходились. Одного за другим вызывал к себе Отто Юльевич из тех, кто был намечен к оставлению на судне.

Пошел Хмызников и быстро вернулся. Остается.

Позвал меня. Остаюсь.

Вернулся в кают-компанию.

— Ну что, Пэпэ, зимуем? — хлопнул по плечу Кренкель, попыхивая своей неизменной трубкой.

— Зимуем, Эрнест, зимуем!

— Слушай, Пэпэ! — обратился ко мне Хмызников. — Сколько у тебя на выюшке троса?

— Метров пятьсот, не больше!

— Вот скандал! На моей тоже около пятисот, да в запасной бухте метров триста. Всего, с твоим тросом, тысяча триста. Как же быть? Ведь если нас вынесет в Полярный бассейн, там потребуется по крайней мере тысячи четыре!

— Чорт возьми! Но кто же мог ожидать этого?

— А впрочем не страшно! — обрадованно воскликнул Хмызников. — Выход есть! У Шпаковского большой моток стальной проволоки. Поработаем на больших глубинах.

— Если нас не раздавит до того времени! — заметил Гаккель.

— Как по-твоему, Павел Константинович, — спросил Кренкель, — много у нас шансов на гибель судна?

— Трудно сказать. Думаю, что много!

— А по-моему «Челюскин» наверняка будет раздавлен! — вмешался Факидов с присущей ему горячностью. — Может быть не в эту зиму, так весной, когда начнутся большие подвижки льда.

— Все может быть! А пока хорошо бы народу побольше сплавить на «Литке». Спокойнее было бы!

14 ноября «Литке» находился от нас в 35 милях.

На судне началось большое оживление. Был объявлен список остающихся на «Челюскине». Дейтельно собирались в дорогу уходящие. Наши папаша, Васильев и Буйко, ладили санки, в которых собирались везти своих ребятишек на «Литке».

Баевский, назначенный «главзаком», тинструктировал уходящих: сколько брать груза с собой, если «Литке» подойдет на три мили, сколько на пять миль, на десять миль...

— Илья Леонидович разрабатывает пятилетний план эвакуации из Арктики! — сострил Громов по этому поводу.

Аркаша Шафран втроем с Ремовым и Гордеевым, обливаясь потом, таскали целый час по торосам санки, нагруженные пятью пудами кирпича. Это был эксперимент, цель которого — выяснить, сколько груза можно взять с собой.

Результаты оказались самыми неутешительными: много не потащишь!

Сборы однако оказались напрасными, так как «Литке» больше не смог приблизиться к нам ни на метр.

17 ноября командование «Литке» попросило Шмидта отпустить ледорез.

Корабль был сильно изранен в истекшей тяжелой зимовке, экипаж устал за полтора года плавания, угля было мало, риск же остаться на вторую зимовку был слишком велик.

Срочно собралось заседание у Отто Юльевича. Мы с нетерпением ждали его решения.

— Ну, что решили, Сергей Александрович? — бросился я к Семенову, когда он вышел из каюты Шмидта.

— Решили отпустить. Нельзя рисковать зимовкой двух кораблей.

«Литке» ушел. Разгрузить «Челюскин» не удалось.

ЕЩЕ ОДНА ПОПЫТКА

Утром 18 ноября на мостике зазвенел телеграф. Впереди был непроходимый лед, в чем «Челюскин» убедился своими измятыми скулами, но справа был лед послабее.

Здесь капитан решил искать дорогу к водяному небу, попрежнему темневшему вдаль.

Предстояло развернуть судно в сплошном льду почти на 90 градусов, после чего пробиваться несколько миль до разводий, уже покрывшихся льдом.

Плохо верилось в успех этой попытки, так как было уже слишком поздно, но, в то же время, не хотелось примириться с тем, что мы окончательно застряли.

Постепенно «Челюскин» начал разворачиваться. Громоздкое тело корабля заполнило почти целиком небольшую полынью. Десять метров — вот все, чем располагал корабль для разбега. Этого было мало, судну надо было помочь. Человек сорок спустилось на лед.

— Вы, Петр Петрович, будете работать с бригадой около носа, а Петр Гвидыч, — обратился капитан к Рассу, — на корме.

Нам предстояло перегнать битый лед с правого борта на левый, чтобы развернуть нос «Челюскина» вправо.

В моей бригаде были строители и двое из экспедиционного состава.

Словно нехотя поддаются льдины усилиям людей, уходя одна за другой под форштевень «Челюскина». Мелочь наконец перегнали, остались огромные глыбы, сдвинуть которые было не под силу людям с баграми.

— Строп давай!

Несколько человек тащат стальной трос, перепрыгивая по битому льду и ежеминутно рискуя провалиться в воду.

«Застропить» льдину далеко не так просто. Баграми обводим трос вокруг льдины и опускаем его поглубже, чтобы не сорвался, когда потянет лебедка. Наконец льдина крепко взнуздана железной петлей.

— Лишние! Долой со льдины! — команду я. Люди быстро перебираются на невзломанный лед.

— Вира! На палубе! — кричит Гордеев, оставшийся со мною на льдине. — Вира! — повторяет на высоком полубаке старпом Гудин и машет рукой боцману.

Мерно стучит брашпиль, туго натягивая трос. Расталкивая мелкие льдины, шуршит по ледяной каше многотонная глыба, медленно проползая вдоль борта к форштевню.

— Вира! Вира! — кричим мы со льдины. Льдина поворачивает под штевень. Прошла!

— Трави! — кричим на палубу. Высоко над нами перегнулся через релинги Гудин. Звонко щелкая по стальному борту, травится трос.

Сбросив гак, спешим на кромку льда, но не тут-то было. Между «берегом» и нашей льдиной скопилась ледяная каша из мелких обломков льда.

— Провалишься к чорту! Надо доску попросить! — говорю я.

— Подожди! Багор давай! — отвечает Гордеев.

Положив рядом два багра, он с ловкостью кошки перебегает по ним на льдину, с которой уже нетрудно попасть на ледяное поле.

Отставать неудобно, и, хотя под ногами ходуном ходят багры, перебираюсь вслед за Гордеевым.

Идем за следующей льдиной.

Работе мешал мелкораздробленный лед, скопившийся в майне; упираясь в него, часто безнадежно застревала очередная глыба. Тогда начинали работать машиной, чтобы носом судна спрессовать лед и, отогнав его влево, дать место для застрявшей льдины.

Лед словно ожил, задвигался, зашевелился. Кажется, вот-вот опрокинется льдина и, прижав к борту, как щенков раздавит работающих на ней.

— Все в порядке! — кричит мне Гордеев минуту спустя. Мы снова отдаем гак и бегом по битому льду выскакиваем на неподвижный лед...

К середине дня весь лед в майне перегнали на левый борт.

— Перекурка! — объявляю бригаде.

Люди могут отдохнуть, пока работает машина, пытаюсь разбить ледяное поле.

Я подошел к кромке в полной уверенности, что «Челюскин» еще не скоро справится со льдиной.

Набирая скорость, приближался широкий нос корабля.

— Пэтэ! Берегись! — закричал кто-то сзади.

— Ничего! Лед крепкий! — ответил я, и в тот же момент с треском лопнула льдина, раскалываясь на куски вокруг меня.

С шипением хлынула вода, и уже по пояс в ней я бросился в сторону, чувствуя, как что-то огромное надвигается сзади.

— Борт судна!.. Задавит!.. Только бы выскочить!.. — пронеслось в голове.

Обломок поля быстро опрокидывался под ногами, круто поднимаясь вверх.

Ко мне на помощь с баграми в руках бросились двое и, не добрав, неподвижно замерли.

Льдина быстро погружалась.

Как при вспышке магия, на мгновение увидел оцепеневшие фигуры людей.

— Что с ними? Почему они все стоят?

Уже по горло в воде, судорожно цепляясь руками и ногами, чувствую, как проваливаюсь куда-то вниз.

— Неужели конец? — пронеслось в сознании.

Перед глазами, перед самым лицом, белыми пятнами по яркой зелени воды кружились маленькие льдинки... Сталкивались... Расходились... Снова сталкивались...

— Врешь... выскочу!

Быстро заработал руками и ногами, скользя по льду.

— Как собака!.. «на четвереньках», — самому вдруг стало смешно.

Сильным рывком выбросился через гребень льдины и животом упал на твердый лед.

— Выскочил!..

Поднялся.

— Но почему все стоит так тихо? — подумал я с удивлением.

Пошел к неподвижно стоявшей группе.

Двое с баграми молча посторонились, давая дорогу.

Подожел... Посмотрел на всех, не понимая в чем дело.

— Ну, Пэпэ! Задали вы нам страху! — нарушил молчание Шпаковский, делая шаг навстречу.

— А что такое? — почему-то спросил я, еще не придя в себя.

— Как что такое? — удивился Рыцк. — На две-три секунды позже — был бы гроб тебе!

— С того света вернулся... — серьезным тоном сказал дядя Митя.

— Вы очутились в воде. Сзади, из-под борта, вынырнула другая льдина. Поднялась и навалилась на ту, на которой были вы, — объяснил Шпаковский.

— Ребята бросились было на помощь, но куда к чорту! Крутом все ходуном ходило! — сказал Гордеев, показывая рукой на возвращавшихся с баграми.

— Выскочи ты чуть позже, был бы из тебя, Пэпэ, слоеный пирог. Сверху лед, снизу лед, посредине ты вместо начинки! — утешил меня Ваня Нестеров.

В обмерзшей, едва гнущейся одежде поднялся на палубу, быстро разделся в каюте и в одних трусах бросился бегом по коридору в баню — хорошенько попариться после холодной ванны.

Четыре дня разворачивали судно во льду. Осталось совсем немного, чтобы выйти носом, куда хотел капитан.

На пятый день белой пылью задымились гребешки торосов. В бешеной «поземке» засвистел норд-ост. Началась пурга. «Челюскин» застыл в крепких оковах льда.

ТРЕВОЖНАЯ НОЧЬ

Восточным ветром нас выбросило из Берингова течения. Угроза дрейфа в высокие широты как будто отпала. «Челюскин» понесло на запад, поворачивая понемногу к берегу.

Свирепея с каждым днем, дул сильный норд-ост.

20 ноября над кораблем бесновался девятибалльный шторм. Ревела пурга. Дрейф быстро усиливался, увлекая «Челюскина» со скоростью до полутора миль в час к берегу.

— Следуем прямо к острову Колючину! — шутили на корабле.

24 ноября дрейф резко замедлился и на другой день прекратился совсем. Недалеко от «Челюскина» появились трещины. Кое-где торосило. Положение становилось напряженным.

Ветер немного успокоился и теперь дул прямо с севера. Лед поджимал все больше к берегу.

На столе тикал пузатый будильник. 10 часов вечера.

— На сегодня хватит! — сказал я самому себе и спрятал микроскоп в шкаф. Убрал на полку баночки с пробами планктона. Уже несколько дней назад я перешел на зимовочное положение и теперь каждый вечер работал с микроскопом.

Поднялся наверх, в рубку, за новостями о ветре и дрейфе.

Как всегда по вечерам там было полно. Человек шесть сидело на узком диванчике. Против них, на столе, в темносинем свитере, с датскими деревянными колодками на босу ногу сидел капитан.

Сегодня он рассказывал очередную историю о поморской свадьбе.

В углу, нагнувшись над столом, Комова записывала в тетрадь метеонаблюдения, слушая в то же время капитана.

Я пробрался к ней.

— Ольга Николаевна! Как ветер? — спросил шепотом.

— Чистый норд. 7 баллов, — ответила Комова, подняв на минутку лицо от дневника.

— А дрейфа попрежнему нет?

— Нет! Совсем нет!

Капитан с увлечением продолжал свой рассказ: «Вот молодые вернулись из церкви в дом жениха. На крыльце их встречают с хлебом-солью. Кругом собрался народ. Пиликает на старенькой скрипке бродячий музыкант...»

В открытую дверь рубки быстро вошел Бобров.

— Владимир Иванович здесь? — спросил он, торопливо снимая запотевшие с мороза очки.

— Здесь... А что случилось, Алексей Николаевич? — настороженно повернулся к нему капитан, почувствовав что-то недоброе.

— Около носа сильно торосит! Приближается к судну, — отрывисто ответил Бобров, переводя дыхание после быстрой ходьбы.

Рассказ о поморской свадьбе так и остался неоконченным.

Это было 26 ноября.

Я выбежал на палубу и поднялся на полубак.

Из мрака ночи, заглушая вой пурги, несло глухое гудение, резкий визг и скрежет. Раскатистые удары сменялись сухим треском выстрелов и рассыпались звоном разбитого стекла. Шло сильное торошение.

Глаза быстро привыкли к темноте. Стало не по себе. Холодные струйки страха поползли по спине.

— Что делается! Петр Петрович, смотри-ка, как торосит! — каким-то необычным, подавленным голосом произнес Гудин.

Глыбы льда выпирали вверх, опрокидывались одна на другую и громоздились высоким барьером у самого борта.

Я вернулся на спардек. У борта небольшими группками стояли люди, смотря в напряженном молчании вниз, на лед.

— Ну, что здесь, Борис? — узнал я Громова в темной фигуре, одетой в кожаное пальто.

— Жмет в борт! — почему-то вполголоса ответил Громов.

Я перегнулся через релинги. Мелкими осколками крошился край льдины, с огромной силой напирая на борт «Челюскина». Под глухими ударами вздрагивал корпус корабля.

— Прорвет или не прорвет? — тревожно стучало в голове. — Ведь только двадцать два миллиметра стальной обшивки бортов противостоят сотням и тысячам тонн льда!

— Долго это будет продолжаться? — тревожно спросил кто-то из группы, стоявшей у борта, не обращаясь ни к кому.

— А ветер-то какой! Так и ревет! — ответил другой, кутаясь в полушубок.

Прошел штурман.

— Внизу все оделись? — спросил он строителей, спрятавшихся от ветра за поворотом коридора.

— Все здесь, Борис Иванович! Внизу страшно сидеть! Так и гудит в борта!

Люди жались друг к другу.

Показалась хорошо знакомая высокая фигура Отто Юльевича в перничьей куртке. Из-под меховой шапки внимательно глянули серые глаза. Он посмотрел на стоявших и подошел к борту.

— Жмет! — спокойно сказал он Громову и пошел по коридору. Сжатие продолжалось минут десять. Потом лед затих и успокоился. Все собрались в кают-компанию.

Напряженное молчание, словно прорвавшаяся плотина, разразилось смехом, остротами и оживленными рассказами. Без конца делились впечатлениями.

— Я уже было спать лег... Вдруг как загрохочет, как скребнет по борту... Раз... другой. А потом будто молотом по железу. Треск. Грохот, — рассказывал радист Сима Иванов. — Вскочил я на койке, а Виктор кричит: «Вставай скорее, Отто Юльевич велел одеться в теплое!»

— Да! У нас в твиндеке весело было! — отозвался Рыцк.

— Ты бы посмотрел, что делалось в машине! — сказал Миша Филиппов. — Грохот отчаянный. Степа что-то кричит мне, ничего не слышно. А борта так и дрожат. Вот-вот прорвутся. Видно было, как обшивка гнется!

— А что, если бы раздавило?! — сорвалось у кого-то.

— Жораво было бы! Мороз, пурга. Дни короткие. Зима только началась.

— Хоть бы женщин с ребятами не было! Ну, куда с ними пойдешь по торосам, в пургу!.. «Загнутая» на льду! — плохо скрывая беспокойство, сказал Филиппов.

— Сима, не слыхал, на берегу уже знают о сжатии? — спросил я Иванова.

— Знают. Отто Юльевич сразу же велел вызвать Уэлен и Северный. Сейчас там установлено непрерывное дежурство радистов, — ответил Иванов.

— Что это? Слышишь?

Все замолчали. Настороженно прислушивались.

— Началось! — почему-то махнул рукой Сима Иванов.

— Опять жмет! — Рыцк бросился к двери на палубу.

Снизу доносились глухие удары.

— Ну, и ночка! — покачал головой Филиппов. — Пойду в машину.

Оставшиеся молча сидели за длинным столом, тревожно поглядывая друг на друга.

Прошло несколько минут. Удары затихли. С палубы вернулись.

— Ну, что там?

— Пока затихло. Опять давило в правый борт, — ответил Громов, стряхивая снег с кожаного шлема.

Вошел Хмызников.

— Пэпэ, — сказал он, увидев меня, — Воронин выделил нас троих — тебя, Гаккеля и меня — на вахту, в помощь штурманам.

— А что делать?

— Следить за подвижками льда. Тебе дежурить с 4 до 8 утра.

— С четырех? Хорошо. Пойду посплю, пока не жмет...

В два часа ночи меня разбудил Копусов.

— Вставай, Петр Петрович. Пойдешь выгружать продовольствие из трюма.

— Что? Опять жмет?

— Все время понемногу поджимает. На всякий случай нужно приготовиться.

— Хорошо. Я сейчас! Только оденусь! — заторопился я, вылезая из-под одеяла.

После теплой койки ледяной ветер буквально обжег лицо. Пронизывающей дрожью забрался он под ватную куртку и холодными струйками разлился по спине и животу.

В бешеных вихрях снега жалко мигают, раскачиваясь по ветру, три лампочки над открытыми люковинами трюма.

Внизу работают несколько человек. В промерзшем воздухе трюма густыми клубами выпрывается разгоряченное дыхание.

— Борис! А эти ящики брать, или не надо? — несется откуда-то из черной глубины.

— С чем они? С молоком! Давай наверх! — распоряжается Могилевич, перебрасывая ящики с консервами к отверстию трюма.

Слышно тяжелое дыхание людей, перетаскивающих тяжести, и глухой стук ящиков, падающих на пол.

— На лебедке, вира, — кричат снизу.

— Вира! — отвечает «лебедка» на палубе и на длинном канате тащит вверх по наклонной доске тяжелые ящики с консервами и мешки с мукой.

«Лебедка» — это Громов и я. Рядом вторая «лебедка» — Бабушкин и Шпаковский.

Одна за другой подбегают к трюму заснеженные фигуры и, согнувшись под тяжестью ящиков, исчезают в темноте.

Продовольствие складывали пока на палубе вдоль борта.

— Пэпэ! Где ты пропал? Пора на вахту! — вынырнула из темноты огромная фигура в тулупе с обледеневшей бородой.

— Сейчас, Павел Константинович! — узнал я Хмызникова.

— Внизу! Дайте человека на палубу! — закричал, перегибаясь через борт трюма.

На вахте. На верхнем мостике двое — ветер и человек. Человек кутается в длинный тулуп, ветер рвет его и с бешеной силой толкает в грудь, стараясь сбросить человека вниз, на лед.

Человек подставляет спину под его удары, жмет к прочной решетке поручней.

Ветер на короткий миг уносится прочь.

Человек опять идет по мостику, смотрит вниз, на лед.

Откуда-то сбоку снова налетает ветер и острыми иглами снега бьет по лицу и по глазам.

Опять ежится человек, прижимаясь щекой к обледеневшему меху.

И так всю ночь...

Кто-то поднялся по трапу.

— А, это ты, Пэпэша! — ежась от холода, подошел Аркаша. — Какой ты в тулупе! Не узнать совсем. Ну, как здесь?

— Пока тихо. Ты чего не спишь, Аркаша?

— Так, вышел посмотреть!.. Жутковато, Пэпэша? Не правда ли?

— Жутковато, Аркаша! Без сжатий спокойнее было.

— Слушай, Пэпэ! — вдруг оживился Шафран. — Какую картину можно сделать на нашем материале!.. Какие кадры можно снять! С освещением только плохо. Юпитеров бы сюда парочку! Ты представляешь себе: ночь... пурга метет... люди бегут, бегут... с ящиками, с мешками...

— Спать иди, Аркаша! Все равно «юпитеров» нет!

— Хорошо, Пэпэ! Покойной ночи!

Ушел.

Перед утром гулко выстрелило около носа «Челюскина». Лед завизжал, закрипел.

Быстро вызвали Воронина. Бледный, с посеревшим от бессонной ночи лицом он нервно бросился к борту.

Но лед уже успокоился. Только под самым крылом мостика еще долго потрескивала льдина, напирая на борт корабля.

Понемногу светало. Лениво просыпался короткий зимний день. В кают-компании Нюра уже накрывала столы для утреннего чая.

Днем на льдине около кормы поставили две палатки. Рядом сложили двухмесячный запас продовольствия.

— На случай выхода на лед!

В тот же день за ужином Алексей Николаевич прочитал список аварийных бригад. Бригада по выгрузке продовольствия, бригада по выгрузке теплых вещей, бригада по топливу, радиобригада... Каждый должен был знать свое место после тревожного сигнала.

АВАРИЯ САМОЛЕТА

Через несколько дней после первого сжатия появились разводья. Широко расплзлась полынья у левого борта, так что пришлось срочно поднять на палубу продовольствие, выгруженное на лед.

Непривычно плескалась вода у борта «Челюскина».

Пошли в одну сторону... Вернулись обратно... Бросились в другую. Полынья оказалась короткой, и «Челюскин» снова уперся в лед.

Звением ревом мотора проснулась на передней палубе наша «стрекоза». Валавин прогрел мотор, готовя машину к полету, так как Бабушкин хотел, воспользовавшись полярной ночью, лететь с капитаном на ледовую разведку, чтобы выяснить, как далеко уходят разводья, черневшие вдаль.

Самолет спустили на воду.

Зажужжала наша «стрекоза», поблескивая свежей краской залеченных ран — следов недавней аварии. Гулко хлопая носом гондолы, пошла по волне на старт.

Густым зарядом снега налетел порыв ветра и, рванув машину в бок, утопил ее крыло в воде.

Бабушкин резким поворотом выпрямил самолет и пошел дальше вперед. Но ветер, заливая гондолу водой, погнал его обратно.

В густом снегу скрылись границы полярной ночи.

Пришлось отказаться от полета. Самолет подвели к борту и, подхватив стрелой лебедки, подняли над палубой. В этот момент налетел сильный порыв ветра и высоко подбросил приподнятый хвост «стрекозы». Строп не выдержал рывка, и самолет носом вниз рухнул на палубу, помяв правое крыло и гондолу.

Бедной «стрекозе» определенно не везло!

ЗИМОВКА НАЧАЛАСЬ

В кают-компании горячо спорили.

— Когда же, по-твоему, началась зимовка? — спросил я.

— В октябре. У Сердце-Камня, когда «Челюскин» застрял в центре льдины, — ответил Гаккель.

— Не согласен. Какая же это зимовка, если мы все время пробивались на чистую воду? Значит, 4 ноября в Беринговом проливе мы тоже зимовали? Так, что ли?

— Конечно!

— Ну, загнул! Зимовку мы начали вот сейчас, когда погасили левый котел и перестали пробиваться во льду!

— Брунда! — вмешался Шафран. — У меня зимовочный стаж идет с Колючина! Что я даром, по-вашему, там тринадцать дней зимовал!

Так и не решили, когда же началась зимовка «Челюскина».

Но зимовка началась.

Зима торопилась вступить в свои права. С каждым днем все ниже подымалось солнце. Багровым шаром оно катилось над зубчатой чертой горизонта и через час-другой уходило за гребни торосов. Скоро оно совсем не взойдет.

Все чаще опускался на мостике за тридцать синий столбик в термометре.

Звонкими взвизгами отдавались шаги людей по заснеженной палубе.

Морозы крепчали.

Зимовка постепенно вошла в быт корабля. Прежде всего нужно было беречь топливо, беречь уголь.

В каютах уже давно закрыли воду и забили войлоком лишние двери на палубу. Вопрос об экономии топлива особенно остро стал в начале декабря, после последней попытки вырваться из льдов.

В трюме «Челюскина» осталось всего 400 тонн угля. С этим количеством нужно было перезимовать и выйти весной на чистую воду.

Под парами оставили один котел — для отопления и на тот случай, если пришлось бы пустить в ход спасательные помпы.

Каждый день уходило 1900 килограммов угля.

— Слишком много! — решило совещание у Отто Юльевича.

Наши механики разработали целую серию всевозможных рационализаторских мер, сокращавших расход угля.

Кочегары, соревнуясь, экономили каждый килограмм.

— Килограммы развешиваем, будто сахар получаем! — шутили ребята, получая жесткий «паек» угля.

Расход сократился, но недостаточно.

Пришлось сократить часы отопления кают, так что только восемь часов в сутки получали радиаторы горячую воду.

Еще раньше закрыли паровое отопление в твиндеке и у капитана, заменив его камельками.

Наконец, пришлось сократить расход пара и на динамо. Электрические лампочки горели теперь не более четырех-пяти часов. Остальное время помещения освещались керосиновыми лампами.

Борьба за уголь была не напрасной. В феврале расход угля сократился всего до 850—900 килограммов в сутки. Это было достаточно хорошо, и угля для выхода из льдов весной должно было хватить.

Экономить приходилось не только уголь, но и воду.

Круглые сутки плавился лед в большой снеготаялке, построенной нашими печниками на левом борту. Суточный расход воды «Челюскина» выражался в двух тоннах.

К многочисленным авралам и судовым работам присоединилась теперь постоянная работа по заготовке пресного льда.

Сегодня угольный аврал, завтра — околка кормы от напиравшей на нее льдины, потом заготовка льда, переброска дров из трюма на палубу, опять заготовка льда.

Работа находилась каждый день.

— Авралы заели! Для своей работы не остается времени! — говорили недовольные.

Пришлось созвать общее собрание.

Один за другим выступали машинисты, научные работники, строители; коммунисты и беспартийные.

Крепко влетело тем товарищам, которым авралы казались нерациональной тратой их времени.

После всех выступил Отто Юльевич.

Он остановился на том, что нужно было выпустить наружу недовольство, порождавшее разговоры по углам. С большим удовлетворением начальник экспедиции отметил, что большинству ясно значение авралов.

Авралы не только заполнили время, оказавшееся свободным в условиях зимовки, но авралы сплотили людей на «Челюскине» в крепкий дружный коллектив.

— А кроме того, — улыбаясь закончил свою речь Отто Юльевич, — наш доктор Константин Александрович на себе самом с успехом доказывает пользу физической работы для здоровья! Последуем его примеру!

ДНИ ЗИМОВКИ

За утренним чаем наш «наркомтруд» Бобров разворачивал большую простыню-ведомость авральных работ.

— Сегодня идут работать на заготовку льда, — начинал он перечислять фамилии.

— Решетников, Факидов... — читал Алексей Николаевич. Аркаша, чувствуя приближение своей фамилии, потихоньку сполз со стула и спрятался под столом.

— Шафран... А где же он? — спросил Бобров, подняв от ведомости свои «фары», как шутя мы называли его большие очки.

— Шафрана нет, Алексей Николаевич, Шафран болен и лежит в каюте! — послышался ответ из-под стола.

— Ну, вылезай, вылезай! Пойдешь лечиться на лед! — засмеялся Бобров.

— Тоже мне доктор нашелся! — шутливо ворча, вылез Шафран.

Гурьбой спустились на лед.

Вблизи парохода все ропаки давно уже были отправлены в снеготаялку. Приходилось уходить подальше, в поисках старых льдин, из которых уже вымерзла соль.

— Ох, чорт! — воскликнул плотник Сорокин.

Высунув язык, он потрогал его рукой. С языка шла кровь.

— Вот чудак! — рассердился доктор Никитин. — Ну, кто же на таком морозе пробует лед языком?

— Да я только лизнул — не соленый ли? — оправдывался Сорокин.

— Лизнул! Так и без языка не долго остаться. Вот как надо делать!

Доктор зажал кусочек льда в кулаке и немного оттаял его.

— Теперь можно пробовать. Пресный. Колоть можно! — сказал он.

Звонко рассыпались глыбы льда под ударами ломов.

Сбросив куртку, в одном свитере, доктор орудовал длинным ломом с таким жаром, что от него густо валил пар несмотря на тридцатиградусный мороз.

Доктор был горячий проповедник пользы физической работы и на всех авралах демонстрировал свою силу.

— «Извозчики»! Забирайте скорее! Лыдина на любителя! — отвалил Шпаковский большой кусок прозрачного как стекло льда.

«Извозчики», они же «лошади», навалили лед в тобоганы, салазки с плоским железным дном, без полозьев. За много дней работы дорожки, по которым тащили тяжело нагруженные тобоганы к корме, крепко утрам-

бовались. У самого борта лед вываливали, и отсюда следующая смена, с помощью ручной лебедки, поднимала его в особой сетке на палубу, где стояли снеготаялки.

«Извозчики» с пустыми санями спешили обратно за новой порцией льда.

Без конца подшучивали друг над другом.

Особенно доставалось тем, кто начинал лодырничать, то есть работать с прохладцем.

Двое, не торопясь, тащили санки, нагруженные едва до половины.

— Эх, вы! Надорветесь! — закричал Бутаков, пробегая мимо них с пустыми санками.

— Ребята! Дорогу артели «Красный лодыр»! — приветствовал их дальше другой.

— Дорогу, дорогу! — расступались встречные.

— Ваня! Не убейся об работу!

— Ой, сколько нагрузили! — кричали со всех сторон.

— А ну вас к чорту! — огрызались уличенные.

Однако следующие санки они грузили до верху.

Четыре часа длится работа. Около борта высится гряда льда.

— Обедать пора! — звала Нюра, выскочив на мороз в легкой кофточке без рукавов.

По обледелым ступенькам трапа поднялись на палубу и, едва переодевшись, помчались обедать.

За нашим столом как всегда шумно и весело. Не мало волнений доставлял хранителю тишины, старпому Гудину, третий стол нашей кают-компании.

Один за другим рассаживались его обитатели. Запоздавший Як Як степенно занял свое кресло. Баевский с трудом протиснулся между диваном и столом.

Нюра на длинном блюде несла второе.

— Котлеты! — вскочил Факидов, сидевший ближе всех к дверям.

— Приготовились! Начали! — скомандовал Шафран, как только блюдо коснулось стола.

С вилками в руках повскакали с мест, набрасываясь на блюдо, которое моментально опустело. Это называлось «разыграть второе».

— Нюра! Мне нехватит! — поднял пустую тарелку Семенов.

— Мне тоже! — присоединился к нему другой «пострадавший», Станов.

— Как не стыдно! Было одиннадцать порций, каждому по одной! — напустилась Нюра. — Вот скажу Могилевичу; больше не будет второго! — ворчала она.

— Нюрочка, золотко! На камбузе второе найдется. Принеси, пожалуйста! — упрасивал весь стол.

Нюрино сердце не выдерживало, и, стараясь спрятать улыбку, она приносила дополнительные порции.

— Володя! расскажи чего-нибудь! — попросил Факидов Стаханова.

— А ну тебя! Дай пообедать!

— Нет, серьезно, Володя! — присоединились другие, — расскажи что-нибудь про зоосад.

Стаханов несколько лет работал в Московском зоопарке и с большим умением рассказывал всякие эпизоды из его жизни.

— Расскажи, как по Пресне бегал леопард!

— Об этом я уже рассказывал. А вот был случай еще интереснее, — не удержался Стаханов от рассказа новой истории.

— Прошлым летом под Москвой, в 40 километрах, убили тигра. Представляет себе картину: на лугу мирно пасется колхозное стадо, рядом огород; двое телят пролезли через дыру в изгороди и начали уплетать капусту. Пастух с кнутом погнался за ними и вдруг видит, как по опушке леса, вдоль изгороди идет тигр. Настоящий полосатый тигр!

Звон ложечкой по стакану прервал рассказ Стаханова.

— До-ля-фа! — поднялся Федя, давая тон словно регент хору:

— Ты не врй, не врй,
Добрый молодец!
Не учися врать!
Раз, два... пять!

Хором спели трое вместе с Федей. Такое пение раздавалось каждый раз, когда чей-нибудь рассказ казался слишком «охотничьим».

— Федька! Перестань трепаться! Не даст послушать! — запротестовали на этот раз остальные.

— Я не сочиняю, — оправдывался Стаханов. — Тигр сбежал из пезда, в котором его везли из Московского зоопарка за границу.

К столу подошел Отто Юльевич.

— Я очень ценю методы коллективного воздействия. Но не следует забывать, что в кают-компании вы не одни. Товарищи жалуются на шум за вашим столом!

— Ага, Федя! Попало! — напустились на Федю, как только Отто Юльевич отошел от стола.

— Редкий случай — Федя покраснел! Вот здорово! — дразнили его.

— А вы не при чем? Как будто я один пел! — огрызнулся Федя. Он явно был смущен замечанием Отто Юльевича.

После обеда кают-компания превращалась в школьное помещение. Появлялась доска и кусок мела. Сегодня Отто Юльевич занимался по высшей математике с группой студентов-кораблестроителей, практикантов — механиков и машинистов.

Завтра интегралы на доске сменялись английскими текстами. Наш стармех, Николай Карлович, вел старшую группу английского языка.

На следующий день нехватило мест за длинным столом — работал кружок по истории партии.

Почти каждый вечер в ленинском уголке, где Зина Рыцк вела общеобразовательный кружок, с тетрадками в руках собирались строители. Этот кружок недаром был гордостью Алексея Николаевича, заправлявшего всей учебной на корабле. В начале рейса многие из строителей едва читали по складам. К концу зимовки они добрались до алгебры и геометрии.

Еще работал целый ряд кружков, скрадывая скуку долгих зимних вечеров.

Подлинными праздниками для всех были лекции Отто Юльевича. В переполненной кают-компании он рассказывал внимательным слушателям о Фрейде, о теории языка и о многом другом. Такие вечера кончались далеко за полночь оживленными спорами.

Густыми клубами ворвался морозный воздух в полуоткрытое окно каюты.

Став коленом на диван, Факидов высунул в окно руку с небольшим приборчиком, две тонкие проволоочки тянулись к гальванометру на столе. Стрелка вздрогнула и побежала вправо. Остановилась.

Факидов измерял своим прибором, сколько тепла посылало холодное зимнее солнце, едва поднявшееся над горизонтом в полдень.

— Немного! Совсем немного! — сказал он, записывая отчет гальванометра.

Я достал из шкафа склянки, оделся и вышел на палубу.

Было тихо. В морозном воздухе звонко раздавались удары лома о лед и веселые голоса оттуда, где очередная бригада работала по заготовке льда.

— А, Пепэ! Лодырничашь сегодня! Планктон ловишь! — шути закричал Борис Могилевич, опрокидывая сани со льдом у борта.

Сегодня мы оба, Факидов и я, на льду не работали. Он занимался своими наблюдениями, а я брал очередную серию проб планктона.

Эта работа на тридцатиградусном морозе была совсем не простой.

Опускаю в прорубь планктонную сетку, не спуская глаз с блок-счетчика.

48 метров.

— Стоп! — команду самому себе. — Сетка у дна!

Тащу обратно. Сейчас сетка ловит планктон на глубине.

25 метров. Захлопываю сетку, пустив по тросу груз, носящий смешное название «почтальон».

Мокрую и порядком тяжелую сетку вытаскиваю на палубу. Рукавицы на руках и шелк сетки моментально покрываются льдом, но все-таки

успеваю вылить всю пробу в небольшую склянку. Заткнув ее пробкой, прячу за пазуху, — здесь не замерзнет!

Теперь нужно отвинтить сетку от троса и отцепить от нее тяжелый груз.

Рукавицы обледенели и совсем не гнутся. Сбросил прочь.

Холодный металл липнет к мокрым рукам, быстро деревенеют пальцы, однако сетку успеваю снять.

Пританцовывая от боли в пальцах, бегом бросаюсь вниз, в умывальную, чтобы промыть сетку и просушить для следующего лова. Мне предстоит взять сегодня еще две пробы с глубины выше 25 метров.

Через час «станция взята». С последней пробой в руках возвращаюсь по коридору.

В самом углу, во всю ширину висит занавеска из двух простынь.

Под ней, в широкой щели, видны босые ноги. Вот ноги пошли, стали на весы. На левой ноге смешно шевелится большой палец.

— 74 триста! — услышал я знакомый голос Никитина.

Неугомонный доктор упорно охранял здоровье челюскинцев.

Сегодня он взвешивал и измерял все население корабля.

Услышав мои шаги, он вынырнул между простынями.

— Пэпэ! Пожалуйста на измерения! У меня только вы и еще четверо остались!

— Сейчас, Константин Александрович! Пробу отнесу наверх! — показал я на склянку. Минут через пять я вернулся.

— 67 с половиной! — сообщил мне доктор мой вес.

— 67 с половиной? — переспросил я с удивлением. — Никогда столько не весил!

— Это авралы сказались! — поторопился объяснить доктор.

— Вы знаете, Пэпэ, из ста человек в весе потеряли только десять. Остальные прибавили, по сравнению с летом.

Измерив со всех сторон мое тело, доктор, наконец, отпустил меня на покой.

Довольный вернулся в каюту. Недаром, оказывается, каждое утро, до чая, я спускался на лед пробежаться до ропачка и обратно. Пятьсот метров гуда, пятьсот — обратно, во всякую погоду. Это была моя утренняя зарядка!

Вечером, когда давали свет по каютам, на столе появляется микроскоп.

В капельке воды из пробы, взятой сеткой, передо мной раскрывалась таинственная жизнь моря. Но как бедна она зимой, под многометровым покровом льда!

Вот два микроскопических рачка. Вот лежит цепочка из восьми клеток с длинными тонкими щетинками по углам. Вот другая. Больше нет ничего.

Это водоросли. Каждая клеточка, это — живое существо, простейшее растение, миллионы которых поместятся в одном наперстке. Но в этих клеточках создается жизнь. Сейчас они спят. Ждут лета, когда расплзутся льды и потоки солнечного света хлынут на поверхность моря.

В его живительных лучах размножатся мириады клеток, создадут пищу для всего животного мира моря.

Но что это?!

Не веря своим глазам, или, вернее, одному глазу, смотрю на стройную клеточку водоросли, лежащую в центре поля зрения микроскопа.

— Таких в полярных морях не бывает! — мелькнуло в голове.

— Да! Сомнения нет — это водоросль из Берингова моря! — обрадовался я.

Сюда ее принесло течение из Берингова пролива.

Значит недаром Хмызников обнаружил сегодня едва заметное повышение температуры у самого дна. Значит, в самом деле сюда достигают отголоски теплого течения. Интересная находка! Маленькая клеточка может нанести на карту границы течений в море.

Где-то внизу раздался глухой шорох.

Я насторожился. Что-то скрипнуло. Короткая пауза, и снова что-то прорвалось наружу гулкими ударами по железу.

— Вот черт! Опять жмет! — вырвалось со злостью.

Скрежет. На минуту затихло.

В каюту вбежал Факидов.

Быстро надел пальто и с шапкой в руках бросился к двери.

— Ибрагим, стой! Что там такое?

— Жмет в правый борт! А ты чего не одеваешься?

— Успею еще! Холодно.

Ибрагим убежал. Он постоянно следил за корпусом во время сжатий. Я сел опять за микроскоп.

Сжатие затихало. Лед царапал по борту, словно где-то скребла крыса.

Работалось плохо. Задумался я. Любопытная у нас зимовка! Живем в теплых каютах, спим в уютных койках, работаем, читаем, болтаем о чем придется, и понемножку ждем, когда опять завизжит и заскрипит кругом и с страшной силой навалится на борта корабля. В пургу, в мороз, в полярную ночь придется уходить на лед. До берега сто пятьдесят километров... Сто пятьдесят километров по торосам!.. Женщины... Дети... Больные... Будь здесь только здоровые, выносливые люди, я жалел бы только о судне, да о своих сборах, которые пришлось бы бросить. В себе я уверен. Я дойду до берега. Недаром каждый день я хожу на лыжах или просто брожу по торосам. Но когда вспомнишь, что у нас столько людей неспособных пройти даже двух миль — как-то не по себе становится, особенно когда лед начинает визжать у борта.

Пурга сменялась штилем. Нежными красками горели короткие зимние сумерки.

В полдень багровые полосы разгорались над горизонтом, чтобы погаснуть через час.

Солнце уже не всходило.

В тихие дни начиналось ожидание самолетов, нужных нам для разгрузки «Челюскина» от лишнего народа.

Еще в ноябре в бухту Провидения они были доставлены пароходом «Смоленск». В трех километрах на полыньях, покрывшихся крепким льдом, мы давно расчистили большой аэродром, однако морозы не давали возможности летчикам прилететь к нам.

Бабушкин с утра «висел» на радио.

— Заводят оба мотора!

— Правый мотор работает! — сообщали из Уэлена.

— Заводят левый!

— Левый работает! — радостно вторили на «Челюскине».

— Левый остановился! — сообщал Уэлен минуту спустя.

Полет откладывался на другой день.

Проходил еще день в напрасном ожидании. Потом налетела пурга. В новых сжатиях гудел лед вокруг корабля. Понемногу ломало аэродром.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

По небу бегают сполохи, разливаясь зеленовато-желто-малиновыми радугами по небосклону. Мороз. Нависают яркие большие звезды, будто разглядывая вмерзшее в лед судно с гирляндами инея на вантах и мачтах, забеленными снегом. Судно застыло. Палуба его заледенела. На спардеке и на ботдеке — там, где так любили все прогуливаться, — остались только узкие тропинки среди сугробов снега и плака, насыпанного на палубу для утепления жилых помещений.

День короток, солнце невысоко поднимаясь над горизонтом, заставляет судно и торосы отбрасывать пологие длинные тени. В эти часы с зимним, еще не греющим солнцем верхняя палуба судна оживает. С веселым бодрым гулом работают очередные бригады по заготовке льда для вытравливания воды. Выходят погулять матери с детьми, больные и те, кто не занят в этот день работой в бригаде.

Одна из наиболее обычных тем для разговоров — когда «Челюскин» освободится ото льдов.

— Капитан Воронин определил срок выхода двадцать пятым июля, — говорит одна из женщин. — Вы, Павел Константинович, в стенгазете писали о возможном выходе «Челюскина» в июне и даже мае, — добавляет она, обращаясь ко мне.

— Да, исходя из гидрологических данных, если напор тихоокеанских вод... — и я пространно рассказываю свои предположения.

— А смотрите-ка, сколько новых торосов наворотило за эту ночь. Вчера там дымились туманом трещины, а сегодня какие валы льда. Ночью всю вахту слышен был шум торошения, — рассказывал подошедший штурман Марков.

Солнце недолго находится над горизонтом. Описав по небу пологую дугу, оно скрывается, оставив на некоторое время нежно-розовую зарю. Быстро надвигаются сумерки, зажигаются звезды, наступает ночь.

Палуба опустела. По ней маячит вахтенный матрос, да в конце каждого часа из штурманской рубки вместе с облаком пара выплывает закутанная в тулуп фигура вахтенного штурмана, ищущего определить дрейф.

Вечером несколько часов в окнах кают-компания и кают виден скупой свет — на судне работает динамо и горят немногие оставленные невыключенными лампочки. Кают-компания полна народом. Столы заняты «козлятиниками», «поккеристами» и прочими игроками. У пианино группируются музыканты челюскинского джаз-оркестра. Струнные инструменты, свистульки, шумовые приспособления исполняют популярные на судне мелодии: «Медвежата», «Катенька» и другие. Под музыку фокстрота пары в неуклюжих валенках начинают плавно двигаться по кают-компаниям.

Но вот динамо выключается, и взамен яркого электрического света зажигаются тусклые судовые керосиновые лампы. Составляется хор. Раздаются то бурные революционные напевы, то протяжные старинные народные песни.

— Товарищи, идите смотреть на замечательное полярное сияние, — пожевываясь от холода, кричит Сапа Погосов.

На мостике и ботдеке уже стоят группами челюскинцы и смотрят на игру красок по небосклону.

— Да-а... Замечательное зрелище. Однако опять поблизости нас торосит, — добавляет Баевский, всматриваясь в темноту.

— Ну, торосение льда — дело обычное, — бросает кто-то из стоящих.

Налюбовавшись игрой сполохов, все постепенно опускаются вниз.

На кормовой палубе мимо меня проходит к сходне группа людей, закутанных в тулупы, шубы и полушубки. В идущей впереди высокой фигуре в длинном до пят тулупе легко узнать капитана Воронина. Группа спускается к трапу, медленно обходит судно и всматривается внимательно в лед, разыскивая новые трещины около судна.

Издали продолжает доноситься шум торосения.

ГРОЗНЫЙ ВАЛ

Утро 13 февраля началось, как обычное утро челюскинской зимовки. Пуржит. Как всегда в плохую погоду, заготовка льда для вытравивания воды не производится.

Подшло время обеда. Вяло сели за стол. К невыспавшемуся Факидову обращается Аркаша Шафран:

— Ибрагим, что за комиссия во главе с Владимиром Ивановичем Ворониным ходила вчера ночью на лед?

— Мы осматривали лед вокруг судна. Нашли много новых мелких трещин в нем.

— А дрейф эти сутки, — вступает в разговор Гаккель, — идет очень неровно, толчками, временами совсем прекращается.

После обеда в каюте при тусклом свете полярного дня Гаккель вычисляет свои вчерашние астрономические наблюдения. В каюту зашел как

всегда веселый Аркаша Шафран. В этот момент раздался удар в борт корабля, характерный для начала сжатия.

— Идем на палубу, посмотрим в чем дело. — С Аркашей выходим наверх.

Из кают не торопясь вылезают челюскинцы. К сжатиям попривыкли, и они теперь в общем мало тревожат обитателей парохода.

Пурга. Слева по носу виднеется вздымающийся вал раздробленного льда, медленно ползущего с хрустящим шумом к судну. Глухое гудение льда то замирает, то вместе с порывом ветра усиливается.

К движущемуся валу бегут люди. Видно, как под их ногами лед ломается и ползет вверх. Фигурки людей отпрянули назад...

На полубаке группами стоят челюскинцы: О. Ю. Шмидт, сотрудники экспедиции, команда, плотники. Все всматриваются сквозь пургу в движущийся грозный вал.

Трудно стоять на носу парохода, хлещет ветер, снег залепляет глаза. Стараясь спрятаться за какой-либо выступ и наблюдать из-за него за валом, который продолжает двигаться на судно.

— Это не похоже на прежние сжатия, это серьезнее!

Толчки и удары учащаются. Судно медленно, как бы нехотя, подается назад.

Толчки становятся чаще, непрерывно следуя один за другим... Бросок судна вправо, треск обламывающегося льда у борта. Крен на правый борт. Шум. Грохот...

Время — 13 часов 40 минут...

«ЧЕЛЮСКИН» СЛОМАН

Вахтенный Синцов опускает футшток в льды, вытаскивает, быстро протирает мокрую шкалу и опять опускает и вытаскивает.

— Что за чорт, опять вся мокрая, — бормочет он и еще раз повторяет измерение.

Раз вся шкала мокрая, значит балластные цистерны полны водой.

Лед остановил движение, но «Челюскин» сломан. Начинается его агония.

На судне все зашумело. Застегивая на ходу полушубки, люди бегут к корме в свои авральные бригады. Там уже видна высокая фигура Боброва в желтом кожаном пальто.

По спущенным на лед сходям и трапам начинается выгрузка аварийных запасов продовольствия, теплой одежды и прочего снаряжения. Все эти запасы были уже заранее собраны и сложены на ботдеке.

Направляясь быстро к штурманской рубке. Мимо с мостика пробегает Борис Громов. Спрашиваю на ходу, как дела.

— Рвет борта, — отвечает он и бежит дальше.

Поворачиваю к себе в каюту собрать научные документы и карты наших работ и наблюдений. Быстро складываю записные книжки, журналы. Только бы не забыть какого-нибудь важного листка, записи! Только бы не забыть!

Под руки попадают разные вещи: бритва, трубка, прочая мелочь — все это отбрасываю в сторону. Только бы не забыть чего-либо важного.

Быстро пересматриваю все ящики, шкафы, свои и Гаккеля. Горку журналов и записных книжек складываю в маленький чемодан. Туда же бросаю несколько книг с таблицами для текущих астрономических наблюдений.

Теперь карты. Развертываю рулоны. Вот планшеты наблюдений над дрейфом. Карты с прокладкой нашего пути от Ленинграда. Кажется, все. Из инструментов надо взять сейчас самое необходимое: универсальный инструмент, секстан и хронометр. Хронометр заворачиваю в кожаную куртку; она тоже может пригодиться. Все это несу в штурманскую рубку. Теперь можно быть спокойным — самое важное и главное из моих с Гаккелем научных работ и первоочередные инструменты собраны.

В рубке и на мостике тоже идут сборы инструментов и штурманского имущества.

Секстаны, хронометры, бинокли, вахтенные журналы и прочее завязывают в разноцветные сигнальные флаги и постепенно отправляют на лед.

— Как с судном? — спрашиваю штурмана Бориса Виноградова.

— Безнадежно. Разорван левый борт.

Завязываю перенесенные карты и инструменты в запасный кормовой флаг, спускаю вниз на палубу и оттуда передаю на лед работающему по выгрузке около борта корабля Гаккелю.

АГОНΙΑ КОРАБЛЯ

Включаюсь в общую работу. Из рубки по ботдеку таскаем тяжелые ящики с радиоимуществом и спускаем по трапу вниз. На палубе их принимают и передают на лед. С судна положены доски, по которым и спускают грузы. По ледяному полю с правого борта взад и вперед деловито снуют люди, перевозы на санках и просто перенося на плечах ящики и тюки. Вокруг одинокой палатки, поставленной раньше для наблюдений, растут горки выгруженного имущества.

Пурга не стихает. Но в упорной работе ее как-то не замечаешь.

— Пойдите помогите выгружать из второго трюма фанеру, — обращается ко мне Бобров.

Иду к носовой части судна. Из трюма № 2 начинаю принимать на палубу подаваемые Федей Решетниковым листы фанеры. Отбрасываю их к борту. Ветер помогает работе, подхватывая и поднося листы. С борта двое строителей сбрасывают их на лед.

«Челюскин» редкими толчками садится носом. При каждом его оседании слышен хруст и шум перемещающихся льдин.

В трюмах журчит вода. Вот она показалась на твиндеке второго номера, откуда Федя Решетников и еще трое ребят подают мне фанеру. Выгрузку приходится прекратить.

Ребята поспешно вылезают из трюма наверх, и мы отправляемся на корму. При проходе мимо выходящих на палубу трюмных иллюминаторов из них слышен свист и рев. Это вырывается воздух из быстро заполняемых водой трюмов.

У трапа на ботдеке стоят Шмидт и Воронин, отдавая приказания. Иду на корму. При проходе мимо выходящих на палубу трюмных вентиляторов валяются банки консервов, вывалившиеся из сломанных при выгрузке ящиков. Их поднимают и бросают прямо на лед.

— Ой-ой! — раздается на льду вскрик, и Канцын, стоящий у борта, хватается обеими руками за голову. Оказывается, одна из брошенных банок попала ему в голову. Из рассеченного лба по лицу струйкой течет кровь.

— Товарищи, надо смотреть, куда вы кидаете банки! Будьте внимательны, — сердито бросает капитан.

Заготовленный запас продовольствия и снаряжения уже выгружен на лед. Его пополняют ящиками галет и консервов из трюма. Одновременно скатывают на лед тяжелые бочки с жидким топливом — нефтью и керосином. Сбрасываются заготовленные мешки с углем и кирпичи для постройки печи.

— Выгрузите еще бочку с нефтью, пригодится, — раздается голос капитана.

Судно продолжает толчками осаживаться вниз.

Спускаем на лед обе наши ледянки — шлюпки с полозьями для передвижения по льду. Их сразу же оттаскивают дальше от судна.

На носу тем временем возятся с самолетом. Носовая часть судна опустилась настолько, что фальшборт находится вровень со льдом. Самолет просто скатывают на лед и затем оттаскивают подальше от судна.

Направляюсь к себе в каюту захватить еще инструментов, которые могут пригодиться на льду. Забегаю в каюту к Любзе, где беру чернозные журналы гидрохимических определений. В своей каюте складываю в портфель свои и Гаккеля негативы, пару дюжин пластинок, фотоаппарат, бинокль, циркуль, транспортир и прочую мелочь. Все это отправляю на лед. Последним беру два батометра и вертушку Экмана-Мерца для изучения течений. Эти вещи тяжелые. Проще их выгрузить через окно, чем обходить полсудна, но окно замерзло и не открывается. Надо выбить стекло, но как-то не хочется самому ломать судно, ставшее таким родным и близким... Ташу батометры и вертушку на левый борт и опускаю их в руки стоящего здесь Бабушкина.

Двери всех кают открыты. Комова и Шпаковский, по распоряжению Боброва, выбрасывают из кают на лед через открытые окна (где они открываются) матрацы и одеяла. В каютах беспорядок, ящики и шкафы открыты, разбросано платье. Крен судна здесь чувствуется больше, чем когда находишься на палубе.

Вдруг к своему удивлению в одной из кают вижу Дору Васильеву с Кариной.

— Почему вы здесь?

— А что, разве уже пора высаживаться?

— Конечно, вам уже давно нужно быть на льду в палатке.

ПОСЛЕДНИЕ МИНУТЫ

Возвращаюсь на корму. Спускаем на лед выюшку с запасным гидрологическим тросиком, так как рабочая гидрологическая лебедка плотно прикреплена к палубе, а ее тросик зажат льдом у борта. Приходится ее оставить и удовлетвориться выгруженной выюшкой. Блок-счетчики штурмана уже отправили на лед. Элементарное оборудование для гидрологических работ на льду будет.

На корме аврал. Вспомнили о наших трех свиньях. Пытаются пинками выгнать их на трап и дальше на лед, но животные упираются, визжат и убегают в сторону. Раздаются возгласы:

— Нет времени возиться, надо зарезать.

— Гриша, у тебя есть нож — зарежь, — обращаются к великану матросу Грише Дурасову.

Совместными усилиями приканчивают свиней и туши отправляют на лед.

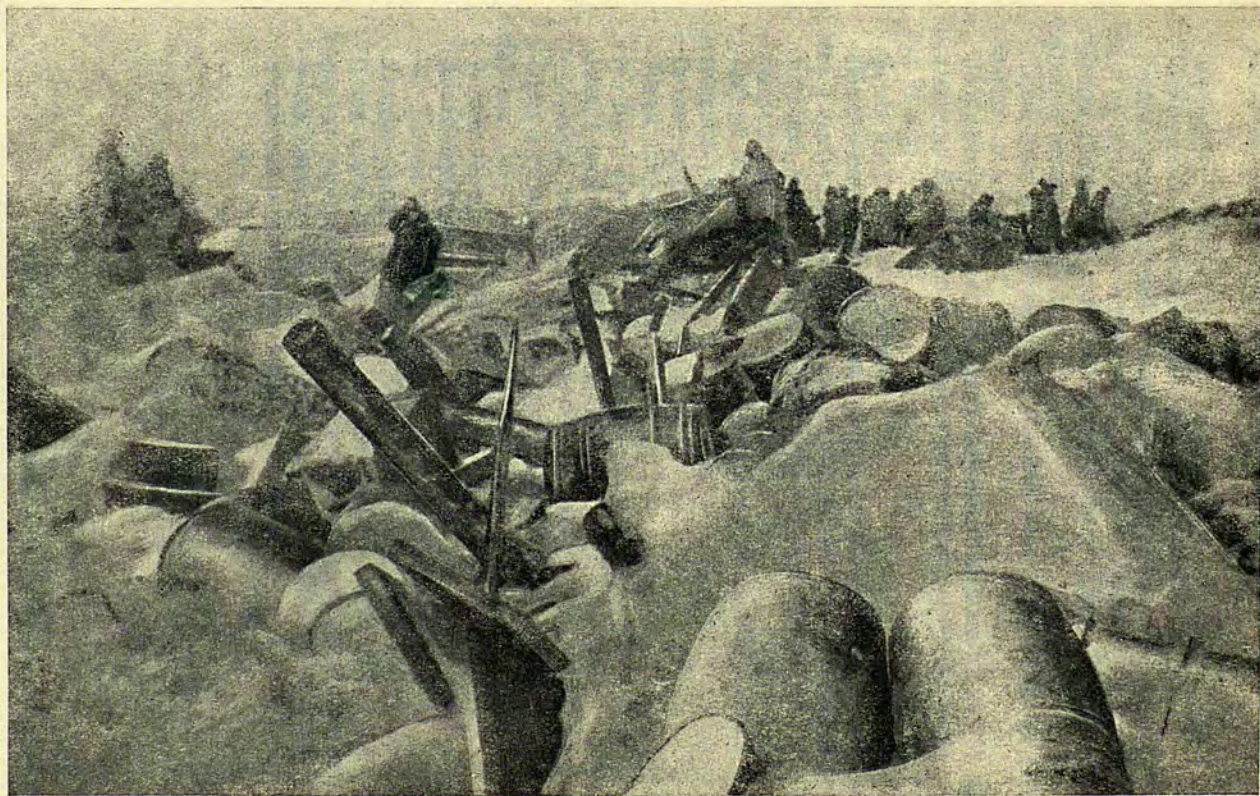
— Товарищи, помогите выгрузить запасные аккумуляторы, — подбегает Кренкель.

Идем в пассажирское помещение, и каждый берет по аккумулятору. Дверь на правый борт закрыта, поэтому приходится обходить через левый. Аккумулятор — штука тяжелая. Пока тащишь, обливаешься потом, несмотря на шургу и тридцатиградусный мороз. Наконец открыли дверь правого борта, и выгрузка пошла быстрее прямо на лед.

В глаза бросается эффектная картина разворачивающегося на льду лагеря. Так представляются мне первые биваки каких-нибудь новостроек в снежных степях Сибири. Оживленные люди, груды материалов и ящиков.

Аккумуляторы выгружены. Иду к корме.

Судно сильно дернулось носом вниз. На палубу спардека из открытой двери пассажирского помещения хлынула вода. Кто-то из ребят, как будто Саша Лесков, с тремя медными чайниками в руках выскочил из этой двери на палубу и прямо перевалился через борт на лед.

На майне, у места гібелі судна

Корма идет вверх.

Послышалась команда: «Всем оставить судно!»

Десятка полтора людей с разных мест кормовой части корабля попрыгали на лед. Прыгаю с ними и я, отбегаю в сторону. Сбоку с большим красным тюком в руках барахтается в снегу Лобза, задержавшаяся на судне до последнего момента.

Корма идет все быстрее вверх. Носовой части судна уже не видно — она ушла под лед.

По трапам спускаются Шмидт и Воронин. Откуда-то на палубу вынырнул кочегар Валя Паршинский и, перекинувшись через фальшборт, прыгнул на лед.

Корма продолжает идти вверх.

Пристроенная к борту уборная уперлась в лед и, ломаясь бревном, сбивает с трапа и придавливает ко льду спускавшегося в тулупе Воронина.

На корме Борис Могилевич. Подбегает к борту, заносит ногу и... делает обратное движение.

Быстро вздымается над водой корма, по ее палубе катятся бочки и оставшийся груз...

Оголяются руль и винт.

Дикий истерический крик:

— Боря! Боречка!

Резкий повелительный голос Боброва:

— Сейчас же перестань кричать, Канцын!

Корма окутывается дымом буровато-белого цвета, поднявшимся двумя столбами...

Грохот, треск, гул ломающегося дерева и металла...

Кто-то кричит:

— Дальше от судна! Сейчас будет водоворот!

Людская волна, хлынувшая было вперед, подалась назад.

В том месте, где стоял «Челюскин», появляется высокая белая ледяная шапка из вынырывающих, кружащихся и перевортывающихся льдин.

Волна спадает. Груда льда, опрокинутые шлюпки, хаос обломков.

«Челюскина» нет. Люди остались на льду.

«ЧЕЛЮСКИНА» НЕТ

Оцепенев, мы не отрывали глаз от груды льдин, обломков и дерева, от того места, где только что скрылся наш корабль. Там уже царило жуткое безмолвие — шум, грохот и скрип льдин прекратились.

— Товарищи, на переключку! — послышалась команда, первая команда на льду, в будущем «лагере Шмидта».

Встрепенулись и медленно поплыли от места гибели. Пурга не стихала. Она не замечалась во время работы по выпрузке, но теперь все тело начал пронизывать леденящий ветер.

Переключка шла по группам — экспедиционный состав, верхняя команда и машинная команда. Выкрикивалась фамилия, в ответ раздавалось: «есть». Если кто-либо задерживался с ответом, все с беспокойством начинали оглядываться, искать глазами выкликаемого. Сверлила мысль: «Неужели есть еще жертвы? Неужели еще кто-нибудь задержался на судне и упел с ним на дно?»

Но вот переключка окончена. Налицо сто четыре человека, в том числе двое детей. Нехватает только Бориса Могилевича...

Надо ставить палатки и лечь отдохнуть от пережитого. Кренкель возится с постановкой радиомачты. Длинные тонкие алюминиевые мачты гнутся от ветра, того и гляди сломаются.

Вблизи мы растягиваем мерзлую палатку. Колышны в снегу не держатся, выскакивают; полотнище, местами подмокшее, смерзлось комком.

Но вот палатка поставлена. Влезаем в нее и сидим, тесно прижавшись друг к другу, желая согреться.

— Товарищи, не уступите ли в палатке уголок для радио? — раздается громкий, картавящий голос Кренкеля.

— Ползи, Эрнест, устраивайся как тебе удобнее.

— Да мне только маленький уголок.

— Ну, чего там.

Потеснились. Кренкель с Симой Ивановым начинают устанавливать приборы, соединяя их проводами. Для Эрнеста с его огромным ростом в низенькой, провисающей палатке работать довольно трудно. Сидящие вблизи

стараятся чем могут ему помочь, светя лампой и передавая инструменты.

Перебрасываемся словами. О чем? Все о том же: мысли все возвращаются к одному — гибели «Челюскина» и нашего товарища Могилевича.

— Эх Борис, Борис,— с тоской в голосе скажет то один, то другой. Всем как будто неловко, что вот мы здесь сидим, а он погиб.

Холодно, пробирает дрожь. Во время аврала вспотели, и теперь мороз добрался до мокрой рубашки.

Кренкель закончил монтаж своей станции. Начинает слушать. Требуется молчания. Крутит рукой реостаты и вдруг срывает наушники.

— Фу чорт, первое, что услышал — это американский фокстрот,— говорит он, надевая вновь наушники.

— «Северный» разговаривает с Уэленом. Устанавливают очередь нас слушать. Слышимость хорошая. Приемник в исправности,— бросает Эрнест отдельными фразами,— теперь буду пробовать передачу.

Долгое молчание. Если кто стукнет или шепотом начнет говорить, Эрнест полуборачивается, а соседи шикают.

— Нет, нас не слышат на этой волне. Надо удлинить антенну.— Кренкель снимает наушники.— Теперь поздно, да и устали мы все. Пойду доложу Шмидту.

Шагая по лежащим телам, Кренкель выбрался из палатки.

Холодно. Дрожь пробирает сильнее. У кого-то в кармане нашлось несколько пирожков, которые пеклись на судне к четырехчасовому чаю и лежали в камбузе. Пирожки делятся поровну между находящимися в палатке. Каждому достается по кусочку, но есть особенно и не хочется, так как слишком еще натянуты нервы.

Попрежнему не говорим, а лишь перебрасываемся фразами.

Вернулся озабоченный и сумрачный Кренкель.

— Получать спальные мешки и малицы.— послышался глухой голос снаружи. Несколько человек вылезают из палатки. За ними врывается холодная струя воздуха.

Успевшие вскоре возвращаются. Втискивают в палатку по малице на каждого и по спальному мешку на двоих. Палатка оживилась. Люди на корточках или сидя начинают натягивать малицы и снимать мокрые валенки. Ногами по-двое залезаем в мешки.

Кое-где начали проскальзывать шутки и смех.

Устраиваемся спать. Нас в палатке двенадцать человек. Лежать приходится скрючившись. Закутанные в меха, мы понемногу начинаем согреваться.

— Ну, товарищи, у вас все получили теплую одежду?— спрашивает Канцын, влезая в палатку. Отвечаем утвердительно.

У Канцына сумрачный, тоскливый вид. Лоб над правым глазом расчесан нечаянно попавшей банкой консервов, когда их бросали с судна на лед.

— Но как же это вышло с Борей?— присаживаясь начинает говорить он о наболевшем вопросе.— Работали мы с ним в трюме. Появилась вода. Он послал меня на лед принимать грузы. Вдруг вижу я...— и долго еще говорит Канцын, ломая русский язык (он латыш) о Могилевиче, своем близком друге и непосредственном начальнике. Мы молчим. Что можем мы сказать ему в утешение?

— Ну, пойду к себе,— сказал он кончив.

— А где ты, Адамыч, поместился?

— В складе среди ящиков устроил себе лежанку, там пересплю. У вас ведь тоже нет отопления.

— Ничего, как-нибудь переспим эту ночь, а завтра наладим отопление. Ведь в таком положении все палатки, кроме той, где женщины с детьми и больные. Хорошо, что у них удалось сразу поставить камелек.

Канцын уходит. Мы лежим молча. Канцын опять всколыхнул пережитое.

— А кто, товарищи, в будущем году пойдет опять Северо-восточным проходом?— раздается голос Эрнеста.

— Как кто? Я пойду. Что за вопрос?

— И я.

— И я.

— Ну, буду считать, сколько вас желающих. Раз, два... Эрнест считает — ... десять, одиннадцать и я двенадцатый. Значит все опять пойдем.

Настроение подымается. Разговоры становятся веселее. Строятся планы экспедиции будущего года. Пэпэ Ширишов предлагает открыть запись в экспедицию на дрейфующей льдине через Полярный бассейн — это его заветная мечта.

— Ладно, Пэпэ, только давай сначала подрейфуем на этой льдине по Чукотскому морю. Смеемся. Ветер продолжает гудеть за палаткой.

Постепенно начинаем засыпать.

ЖИЗНЬ В ЛЕДЯНОМ ЛАГЕРЕ НАЧИНАЕТСЯ

Утро 14 февраля. Пурга стихла. По лагерю бродят, не узнавая друг друга, фигуры в малицах. Восемь низких, наспех поставленных палаток производят жалкое впечатление.

Одну за другой начинают перетягивать и поправлять палатки и ставить новые. Каждая палатка вмещает с трудом 7—8 человек, а прошлую ночь в них находилось по 12—15 человек. Спали, как говорится, друг на друге. Теперь надо разукрупниться.

Нашу палатку отдают полностью под радио.

Начинаем ставить новую. Нас всего семь человек: Гаккель, Ширишов, Семенов, Громов, Решетников, Шафран и я. Снимаем верхний слой снега,

укрепляем вертикальные палки. Эта палатка еще больше подмочена, чем та, которую ставили вчера, и ее еще труднее растягивать.

Поставить палатку, однако, еще только полдела. Нужно ее оборудовать, так же как и все наше хозяйство. Для отопления мы получаем чугунный камелек, но, увы... без труб. Надо достать трубы, посуду, подстилки на пол, примус и тысячу разных мелочей. Все это есть на льду, но на все палатки нехватит.

Отряжаем Решетникова и Шафрана на поиски. Ребята живые и энергичные. Через несколько минут они уже тащат кипу войлока, пять листов фанеры и большой охотничий нож.

В лагере царит оживление. Деловито бегают люди, раздобывая материал и оборудование для палаток. Основной склад нужных предметов — это груда льдин на месте гибели корабля. Между торосами там и здесь торчат доски, бревна и бочки. Кругом валяются выброшенные в последние моменты аварии предметы, среди которых в данный момент особенно ценны матрацы и одеяла.

Лагерь растет, ширится; хорошо натянутые, обложенные с боков кирпичами из снега палатки постепенно принимают стройный вид. По лагерю похаживает Отто Юльевич. Его маленькая серая одноместная палатка, вывезенная из Шамирской экспедиции, не нуждается в поправке. Хорошо натянутая еще вчера, она стоит в середине лагеря, поражая своими крошечными размерами в сравнении с остальными и с самим ее владельцем.

От палатки к палатке идет Шмидт, задавая вопросы и перебрасываясь шутками. Подходит ко мне.

— Ну, что удалось вчера спасти с «Челюскина» из научных приборов?

Я перечисляю инструменты и докладываю:

— Астрономические обсервации нашего места мы сможем вести с той же точностью, как и на «Челюскине». Из гидрологических наблюдений глубоководные определения температуры; если не будет дрейфа льда, то и инструментальное определение течений вертушкой Экмана-Мерца. Гидрохимические определения за гибелью лаборатории производить не придется.

— Ну, ну, конечно!

Шмидт идет дальше.

У радиопалатки вьется дым костра. Там готовят первый обед на льду. Повар, дядя Саша, в малице, восседаая на обрубе, кухонным ножом рубит банки с консервами и вываливает содержимое в большой котел, подвешенный над огнем на треноге, составленной из шлюпочных весел. Работающие у палаток то и дело поглядывают на дымок. Хочется есть, так как целые сутки не было горячей пищи. Утром поели только мерзлых консервов, с трудом выковыривая содержимое из банок.

Но вот обед сварен. К котлу тянутся представители палаток с ведрами и мисками. Дядя Саша ковшом разливает суп. В нашей палатке из посуды нашли только один небольшой черпак для выливания воды из шлюпок,

вмещающий не более пяти кружек жидкости. За обедом с этим черпаком нам приходится ходить дважды.

После обеда продолжаем оборудовать палатку. Федя с Аркашей опять ныряют по лагерю, раздобывая необходимые вещи. Вот они притащили два куска печных труб, правда разного диаметра, но ничего, здесь сойдет и это.

— Связались с Уэленом. Он нас слышит,— проносится по лагерю весть.— Сима Иванов передал Уэлену нашу телеграмму...

Палатка готова. В камельке потрескивают дрова. Сидим вокруг и греемся.

— Товарищи, идите на общее собрание!—раздается за палаткой голос.

Собрание происходит в центре лагеря. Трибуной служит высокая льдина. Выступает Шмидт. Он говорит о нашем положении, о том, что мы обеспечены продовольствием почти на два месяца; теплая одежда и все необходимое также у нас есть. Сейчас мы связались с береговыми радиостанциями. На Чукотке готовится спасательная экспедиция на собаках. При первой благоприятной погоде к нам вылетят самолеты Ляпидевского. Шмидт напоминает, что мы должны сохранить ту организованность и дисциплинированность, какая была проявлена личным составом во время гибели корабля. Мы должны остаться советскими людьми и на льдине. Наши отношения между собой были и должны и дальше оставаться такими, чем в экспедициях буржуазных стран. В экспедиции Нобиле был генерал, были офицеры и были рядовые. Три, так сказать, группы, отделенные сословными различиями друг от друга. Этого в нашей советской экспедиции нет. У нас есть единый коллектив, который должен быть еще более сплоченным здесь на льдине. А выбраться на твердую сушу нам поможет наша великая страна.

Шмидт кончил. Среди льдов раздаются аплодисменты. Необычное зрелище. Но вот аплодисменты смолкли. Выступает капитан Воронин. Он также говорит об единстве и дисциплине. Речь его также покрывают дружные аплодисменты.

Собрание окончено. Челюскинцы расходятся по палаткам.

— Отто Юльевич, это первое собрание необходимо повторить в ясный день и пораньше, пока светло,—раздается возбужденный голос Шафрана.— Сегодня темно и пасмурно для съемки. А заснять на киноплёнку это необычайное собрание совершенно необходимо.

— Не волнуйтесь, еще успеете снять и не один раз,—смеется Шмидт.— Ведь собираться нам больше нигде, как только здесь на воздухе. Разве вот если выстроим большой барак, как предполагает Ремов; может быть там будет место для митингов.

Мы в палатке. Она ярко освещена двумя фонарями «Летучая мышь». На палатку полагается один фонарь, а второй нам выдан для научных наблюдений. Весело горят дрова в чутунном камельке. На примусе в вы-

Спасательные боты и шлюпки «Челюскина»

«СОВЕТСКОГО И НАЦИОНАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО»

соком сосуде топится лед для чая. Этот сосуд диаметром в 12 сантиметров и высотой около 40 сантиметров является, собственно, «шведской банкой» для консервирования морских животных, но при нашей бедности в посуде этот сосуд, найденный Пэпэй Шишовым среди обломков, был у нас в палатке радостно принят в должность чайника. Его маленький дефект в виде дырки был исправлен заткнутой спичкой.

Но вот лед растоплен, и вода в нашем «чайнике» вскипела. С наслаждением пьем чай. Выглянув из палатки, я вижу над собой ясное небо с яркими звездами. Надо спешно воспользоваться хорошей погодой для определения места нашего лагеря. Последнее определение было сделано позавчера, 12 февраля, Гаккелем. С тех пор нас могло отнести довольно далеко.

Зову на помощь Гаккеля. Мы устанавливаем треногу нашего инструмента около палатки с расчетом, чтобы запись наблюдений вести в тепле. На треногу ставим «малый универсальный инструмент Гильдебранда». Я начинаю наблюдать. Для освещения нитей в трубе и для отсчета крутов служит тот же фонарь «Летучая мышь», но так как это не совсем удобно, то скоро начинаю записывать я сам у инструмента. Пальцы мерзнут от соприкосновения с металлом прибора; тонкие бумажные перчатки, те же, что и на «Челюскине», греют плохо. Тусклый свет от «Летучей мыши» заставляет долго вертеть над головой фонарь, пока он не осветит отсчет на лимбе. Фонарь течет, и из него на руки капает керосин, отчего руки еще более мерзнут. Наконец наблюдения окончены. Лезу в палатку. Распределяем места, начинаем устраиваться спать. Так как мне приходится делать наблюдения каждую ясную ночь и возвращаться поэтому позднее других, то мое место — самое ближайшее к выходу из палатки. Назначили дежурных, на обязанности которых будет лежать приготовление чая, мытье посуды, доставка обеда и ужина и заправка примуса и фонарей. Дежурный таким образом должен был вставать раньше других, чтобы до общей пробудки успеть натопить воды из льда и вскипятить чай. Покончив с делами, залезли в спальные мешки из собачьего меха; теперь у нас их по одному на человека. Для высоких ростом они немного коротковаты, поэтому приходится натягивать сверху еще малицы.

Федя Решетников на сон грядущий рассказал одну из веселых историй, после которой, насмеявшись вдоволь, постепенно все уснули.

НЕ СПИ, ВСТАВАЙ, КУДРЯВАЯ!

Утро 15 февраля. Во сне чувствую, как на мои ноги кто-то наступает, и слышу, как при этом ворчит:

— Разлегся тут; нет места, куда примус поставить. Кхе, кхе. Опять эта чортова печка потухла. Кха, кха.

Раскрываю глаза. Палатка полна синим дымом. Около печки на короточках вертится сегодняшний дежурный — Гаккель. Он силится раздуть

огонь в наложенных в печку тонких щепках, которые вспыхивают и быстро сгорают, не успев зажечь не только поленьев, но даже и толстых щепок, так как дрова, вытасченные из воды, еще не успели просохнуть. Дым ест глаза. Гаккель кашляет, дует в печку, опять кашляет, ругается и снова упорно раздувает. Его грузной фигуре трудно развернуться в палатке, и поэтому он так упорно наступает мне на ноги.

— Як Як, давай настругаю тебе щепок по якутскому способу, — предлагаю я.

— И без якутских щепок тошно. Справлюсь и так, — мрачно бурчит в ответ Як Як и опять упрямо продолжает дуть в печку.

Я, обиженный непризнанием моего якутского опыта, поворачиваюсь на другой бок и засыпаю.

— Товарищи, вставай, пей чай и выходи на работу, — будит нас голос вахтенного за палаткой. Вслед за ним бодро и звеняще запекает голос Федя Решетникова:

— Не спи, вставай, кудрявая...
В цехах звеня, —

подхватывает Аркаша.

— Встает страна со славою
Навстречу дня... —

поем уже мы хором.

В палатке дыму теперь нет и в помине. Камелек хорошо горит, растопленный упорством Як Яка. На примусе в нашем сосуде — «чайнике» закипает вода. Пора вставать. Выскакиваем из спальных мешков, свертываем их и кладем к стенке палатки; днем они должны служить диванами.

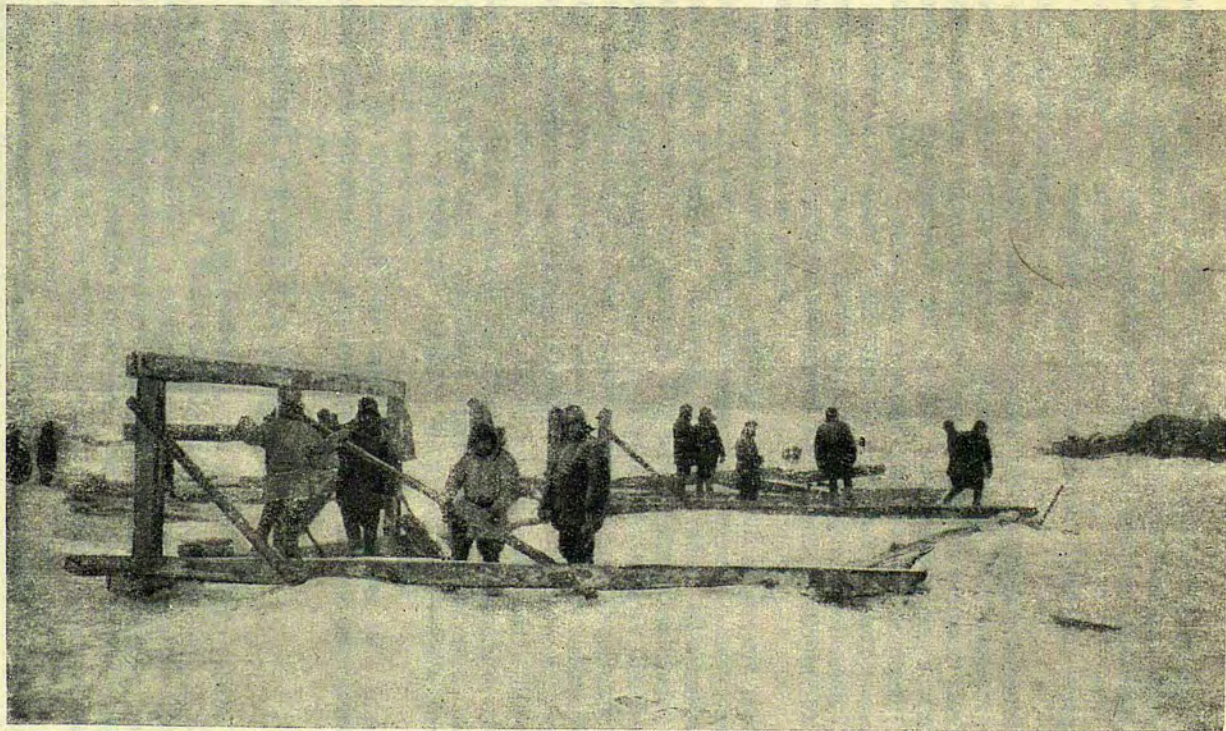
Гаккель тем временем вскрывает выданные вчера две банки рыбных консервов и делит содержимое на семь порций, раскладывая их на галеты.

После чая в палатку врывается Анатолий Колесниченко, назначенный руководить в лагере авральными работами.

— Товарищи, сегодня мы работаем пока еще нашими прежними бригадами. Будем выкалывать из льда всплывшие предметы и строительные материалы. Бригада Гаккеля будет работать на носу «Челюскина», то есть виноват, там, где был нос судна; бригада Шпаковского — там, где была корма. Строители по мере поступления материала начнут сооружать камбуз и барак. К вечеру состав бригад мы перераспределим. Каждая бригада будет включать целое число палаток. Так будет удобнее. Ну, кажется, все, — заканчивает Колесниченко и начинает вылезать из палатки.

— Подожди, Анатолий, — останавливает его Пэпэ Ширшов. — Кого в барак переводить будут? Мы, например, здесь неплохо устроились. Палаточная жизнь для большинства членов нашей палатки привычна.

— В первую очередь, — отвечает, задержавшись в полотнище двери, Колесниченко, — в барак переведут женщин с детьми и больных, так как

Началась постройка барака

отопление там будет работать круглые сутки. Затем туда перейдут строители, более привычные к жизни в бараках, чем в палатках, затем доктор, которому там удобнее принимать больных, и, наконец, желающие, которых уже имеется не мало.

— Я слышал, что будут строить два барака. Верно это?— задает вопрос Аркаша Шафран.

— Да, если только хватит материала. Но второй барак предполагено пока не заселять и построить в стороне от лагеря. Если поломает лед под первым бараком или под палатками, мы будем иметь в запасе уже готовое помещение. Ну, товарищи, мы, однако, заговорились, все палатки уже вышли на работу,— добавляет Анатолий уже снаружи палатки.

Действительно, около груды льдин на месте гибели «Челюскина» копошатся люди. Из нашей палатки на работу выходят пять человек. Я пока остаюсь сделать вычисления вчерашней обсервации; не выходит на работу также и дежурный по палатке.

Пристроившись поближе к камельку, оставляю в дверном полотнище узкую щель для света. Тетрадь помещаю в эту светлую полосу и начинаю вычисления. К обеду они окончены. От места гибели «Челюскина» нас, оказывается, отнесло на запад на $2\frac{1}{4}$ мили. Написав на клочке бумаги координаты обсервованного места, иду передать эту записку Шмидту, которого нахожу в центре лагеря, окруженного Бобровым, Ворониным и другими. Идет живое обсуждение какого-то вопроса, как будто месторасположения продовольственного склада. Передаю записку Шмидту и иду в палатку.

С работ возвращаются возбужденные, запыленные ребята. Более усталые бредут одиноко поодаль. За обедом начались оживленные рассказы о том, как трудно было вытаскивать такое-то бревно, как тот-то свалился в воду, а этот все старался увильнуть от работы, как его все время выводили на «чистую воду».

Видно, что брошенный еще вчера в лагере лозунг «Все всплывшее должно быть вытасчено на лед» сделался боевой задачей челюскинцев.

«ЧЕЛЮСКИН» ОСТАВИЛ НАМ НЕ МАЛО

После обеда работы продолжались. На майне у места гибели судна, в хаосе льдин, бревен и различных обломков копошатся бригады. Вот несколько человек возятся у обледенелого бревна, торчащего из льда. Его раскачивают, пробуют выдернуть, но бревно не идет. Бегут за ломом,— ломов имеется всего только два, и потому они все время берутся нарасхват. Бревно скалывают и затем дружным «взяли!» дергают. Бревно немного подается вперед, но льдина под ногами тянущих тоже передвигается, и два человека проваливаются по колено в воду. Еще несколько усилий, и бревно освобождено. На него набрасывается веревка, и с теми же криками: «Взяли, взяли!», спотыкаясь, падая и снова вскакивая, люди тащат

бревно в сторону, туда, где уже лежат спасенные запасы строительного леса. Около них ходит старшина плотников Воронин, размечая врубки для сборки барака.

Ледяное поле, на котором раскинулся лагерь, в поперечнике имело около 200—250 метров. На северной окраине его, вблизи тороса, находилась закрытая грязным льдом, обломками, бревнами, досками и человеческими экскрементами «майна» — место гибели «Челюскина». За ней возвышался 6—8-метровый торос. С других сторон льдина была окружена многолетним сильно торосистым паком, с которым ледяное поле челюскинцев было плотно спаяно морозами. Ближе к майне — месту гибели судна, — строился барак. Плотники уже уложили первые два венца его стен. Посередине между бараклом и палатками, которые были поставлены у южной окраины поля, строился камбуз. Его стены делали из толстых досок. Завтра камбуз будет уже готов. К западу от будущего камбуза составлялись ящики продовольственного склада.

От работы по вытаскиванию дерева из майны мне пришлось отказаться, так как моя больная нога мешала работать на скользких льдинах и бревнах. Работать пришлось у продовольственного склада. Перетаскивал на плечах и на санках ящики и мешки с продовольствием. На небольшом возвышении льда, недалеко от склада, устанавливались мешки с углем, заранее заготовленные на «Челюскине» в количестве тридцати штук и выгруженные на лед во время аварии.

В половине пятого работы заканчиваются, и мы расходимся по своим палаткам. На ужин рисовый суп. После ужина лежим и разговариваем. Из других палаток заходят гости; посидят, посмотрят, как мы устроились, поговорят и идут дальше. Тема разговора все еще вертится вокруг гибели нашего судна. Выясняются интереснейшие моменты. Сергей Семенов и Борис Громов торопливо записывают эти впечатления очевидцев в дневники.

Когда льдина с левого борта стала нажимать на судно, то она встретила прежде всего ледовый пояс обшивки, который выдержал давление, спружинив внутрь судна, отчего лопнул стык обшивки и пояса, так что верхние его листы выгнулись наружу. Вероятно подобная картина произошла в подводной части судна. Длина пробойны надводного борта была около десяти метров. В котельном отделении от толчков сдвинулся со своего места котел, находившийся под парами. От перемещения котла лопнул паропровод к динамо. Кочегарка заполнилась паром, и находившиеся там вахтенные с трудом оттуда вылезли. Таким образом с первого момента аварии пустить в ход водоотливные средства оказалось невозможным. Собственно говоря, при тех повреждениях, какие имел корабль, эти средства мало изменили бы положение судна, разве что продлили бы его агонию на какие-нибудь полчаса.

Открытая пробойна надводного борта пришлось по каютным помещениям экипажа. При осаживании судна с прибылью в него воды в каюты влезал

лед. Эти каюты с торчащими из бортов ледяными глыбами видели все пробогавшие по жилой палубе.

— Товарищи, знаете, кому мы обязаны таким большим количеством всплывшего строительного леса? Ремову! Это он перед самой аварией предложил перерубить найтовы, крепившие лес к палубе судна. Да не только предложил, но настаивал, так как сначала его слушать не хотели. Только когда он обратился к Шмидту и Боброву, за дело взялись как следует. Иначе сидели бы мы здесь без бревнышка.

Подобными рассказами и разговорами были заполнены первые вечера.

На утро шла война дежурного, на этот раз Феди Решетникова, с печкой, упорно дымившей и не желавшей гореть. Опять голос вахтенного и звонкая песня «Вставай, не спи, кудрявая!»

— А знаете, — говорит Аркаша, — у меня такое ощущение, что все это сон, и мы вот сейчас встанем и разойдемся по своим каютам на «Челюскине».

Удивительно. Эти все дни у меня такое же ощущение. Кажется, вот-вот пойду в свою каюту, где все так знакомо и обжито.

Весь день продолжают работы по вытаскиванию из майны бревен, досок и вообще всего, что оставил нам «Челюскин», а оставил он немало. Среди льдин находится то ящик спичек, большой запас которых лежал на верхней палубе, то боченок со сливочным маслом. Выловлено несколько бочек с бензином, керосином и нефтью.

Учет спасенного продовольствия, одежды, топлива ведет Саша Канцын. Разбросанные в первые дни по всему лагерю ящики с продовольствием и отдельные банки консервов собираются в склад. По палаткам объявлено, что все продовольствие должно быть сдано завхозу. Это означало, что если кто у себя в палатке в первые дни сделал «запасец», то его нужно переложить в общее хозяйство.

Всем было роздано по паре теплого белья и по паре кожаной обуви — либо русские сапоги, либо горные ботинки на толстой подошве. Несмотря на мороз «под тридцать» градусов, многие вышли на работу в кожаной обуви, так как вокруг майны было мокро, люди часто проваливались в воду и в валенках ноги быстро промокали.

В отношении теплой одежды и белья было также объявлено, что если кто-либо имеет хотя бы и в собственных вещах что-либо сверх запасной пары, он должен сдать имеющееся в общее пользование.

Первым показал пример О. Ю. Шмидт, передавший завхозу ряд своих теплых вещей, выброшенных с «Челюскина» в походном мешке, со своей маленькой палаткой.

В камбузе работали печники во главе с дядей Митей, складывая из выгруженного с судна кирпича печь, в которую они вмажут котел для варки пицци и железную бочку со срезанной крышкой для растаивания льда.

В лагере была получена телеграмма о том, что в Москве образована правительственная комиссия по оказанию нам помощи.

Ее председателем назначен Куйбышев, члены — Янсон, Каменев, Уншлихт и Иоффе. На Чукотке для той же цели назначена чрезвычайная тройка под председательством начальника станции мыса Северный Петрова, начальника погранохраны Небольсина и председателя местного туземного совета. Эта тройка мобилизовала собачьи нарты, и они под руководством метеоролога из Уэлена Хворостанского вышли к мысу Онман — ближайшей к нам точке материка, расположенной от нас, примерно, в 145 километрах. С мыса Онман эта партия двинется по льду к нашему лагерю. Найти лагерь среди необозримых ледяных торосов дрейфующего льда — задача очень трудная. В составе партии обязательно должен быть геодезист или штурман, который смог бы прокладывать путь, руководствуясь определениями места по небесным светилам. Мы со своей стороны сообщили на материк, что с 25 февраля (наиболее ранний возможный срок подхода этой партии к нам) начнем каждую ночь жечь костры, указывая ими наше местоположение. К этому времени решено также на одном из наиболее высоких торосов построить сигнальную вышку, чтобы тем увеличить нашу видимость.

НЕУЖЕЛИ ЕЩЕ...

Наши лыжники в эти дни бродили в разных направлениях в поисках аэродромов. Лучший аэродром длиной в 900 метров был найден к востоку от нас в 4—5 километрах. Работы по его расчистке, по словам Бабушкина, потребуются немного.

Сегодня после обеда на этот аэродром отправились Валавин и Гуревич. Стало уже смеркаться, но они не возвращались. Погода была пасмурная, видимость скверная, компаса с собой они не взяли, так что сбиться со своих старых следов и заблудиться в однообразных ледяных лабиринтах было очень трудно.

Чтобы путники могли найти лагерь, мы зажгли костры и стали стрелять из винтовок. Прошел еще час, другой, а Валавина и Гуревича все не было. Весь лагерь возбужденно стоял и вглядывался в далекие торосы. Сделалось как-то неприятно, жутко на душе. Ярko горели несколько костров, рассыпая искры в наступившую ночь; трещали то одиночные выстрелы, то неровные винтовочные залпы. На севере стала поблескивать завеса северного сияния...

— Смотри, вон черная точка, не они ли? — вдруг взволнованно говорит мой сосед.

— Идут, идут. Ура!! — раздается по лагерю.

Черная точка раздваивается, растет и превращается скоро в двух наших товарищей.

Вытаскивают бочки с горючим

Сразу стало радостно, спокойно и весело. Забираемся в палатку. Перед сном слушаем очередной рассказ Феди о его приключениях в годы бродяжничества на Украине. Оглушительный хохот шести слушателей сопутствует рассказу. Постепенно смех смолкает, и мы один за другим засыпаем.

Следующий день был днем моего дежурства. Холодно. Не хочется вылезать из натретоного спального мешка. По утрам температура в палатке была немногим выше, чем на воздухе, примерно двадцать пять градусов ниже нуля. Собравшись с духом, выскакиваю из мешка, быстро натягиваю кожаную куртку, шапку и валенки и начинаю орудовать с печкой. Несмотря на наструтанные с вечера щепки «по-якутски», разжигание заняло немало времени. Не обошлось дело и без дыма. Но вот печка растоплена. Беру выданный на палатку большой охотничий нож, наш сосуд — «чайник» и иду за льдом.

Недалеко от палатки мы облюбовали торос, дающий при растаивании совершенно пресную воду.

Рассветло; в лагере кое-где уже видны люди, большей частью дежурные по палаткам. Кто, как и я, идет за льдом, кто колет у своей палатки дрова.

Ножом накалываю возможно более мелкими кусками лед и складываю его в сосуд. Возвращаюсь в палатку. Теперь предстоит разжечь примус. Примус у нас неважного качества, иголка обломана, керосин грязноватый. При прочистке примуса последний кончик иголки ломается. Надо идти просить иголку у соседей. Просимое получаю, но... с напутствием не сломать и обязательно сразу же вернуть. Примусные иголки в лагере в большой цене.

Наконец примус горит. В палатке тепло. Пока вскипит чай, есть время умыться. Снова вылезаю из палатки, беру мыло и умываюсь снегом.

После чая мои товарищи, за исключением Феди, выходят на работу. Распределение людей по бригадам теперь иное. Каждая бригада состоит из обитателей нескольких палаток.

Бригадиром являются Колесниченко, боцман Загорский и Ширшов. В каждой бригаде человек по двадцать. Кроме этих основных бригад, имеется еще бригада слабосильных, для работ по лагерю. Женщины также объединены в отдельную группу. Сейчас они заняты пошивкой рукавиц из парусины и полшубков-маломеров, так как работа на льду влечет за собой быстрый износ рукавиц.

Я, как дежурный, занимаюсь хозяйственными делами: перебиваю посуду, чищу и наливаю керосином фонарь и т. д. Решетников временно освобожден для своей работы художника. Все эти дни его можно видеть со стопкой бумаги и карандашом в руках, быстро набрасывающего какую-нибудь палатку, груды ящиков или эпизод из нашей жизни. Тонких теплых перчаток у него так же, как у нас с Гаккелем, нет, и он, порисовав на морозе несколько минут, начинает дуть на пальцы, пытаясь их согреть, не отрывая в то же время глаз от сюжета зарисовки. Сейчас, сидя в па-

латке, он зажег полученные две стеариновые свечи и заканчивает свои наброски.

КТО БЫ НАМ ПОЧИТАЛ

За хозяйственными заботами незаметно подошел обед. Бригада с аэродрома вернется поздно, и мы обедаем вдвоем с Федей. Для супа теперь у нас имеется новая посуда: деревянное ведро. На «Челюскине» эти пожарные ведра стояли на верхнем мостике, и два из них всплыли после гибели корабля. Наша палатка стала владельцем одного из них. Ведро было большое, и порция супа на семь человек едва занимает половину его вместимости.

После обеда мы с Федей занялись кулинарией. Вчера нам выдали муки и немного промерзлого сыру. К приходу с аэродрома наших сожителей мы решили наделать вареников.

Выдачи продуктов сверх обеда и ужина происходят ежедневно около четырех часов дня в нашем продовольственном складе, названном челюскинцами «Кооператив Красный Ропак». Продукты получают уполномоченные от палаток. Обычно здесь выдаются на сутки галеты по $\frac{1}{2}$ пачки на человека (это около 200 граммов), сахар или конфеты и затем либо консервы (две банки на семь человек), либо сыр, мука и масло. Эти продукты предназначаются для утреннего и вечернего чая, а галеты для обеда и ужина. Обед состоит из супа, сваренного из 40 банок мясных консервов на сто человек с сухими овощами или рисом. На ужин дается такой же суп, но из 20 банок консервов, или каша. Порция супа одинакова как за обедом, так и за ужином и равняется, примерно, полулитру на человека. Двести граммов галет на сутки маловато, так что на обед приходится по две-три небольшие галеты, а на утренний чай — только одна-две. Масла выдают много, так как сверх аварийного запаса его всплыло несколько боченков и ящиков. По утрам толща масла, намазанного на галету, обычно превышает толщину самой галеты. Женщинам с детьми, больным и слабосильным выдается сгущенное молоко, какао и шоколад. Изредка молоко выдается к чаю и по всем палаткам. В общем пока мы не голодаем.

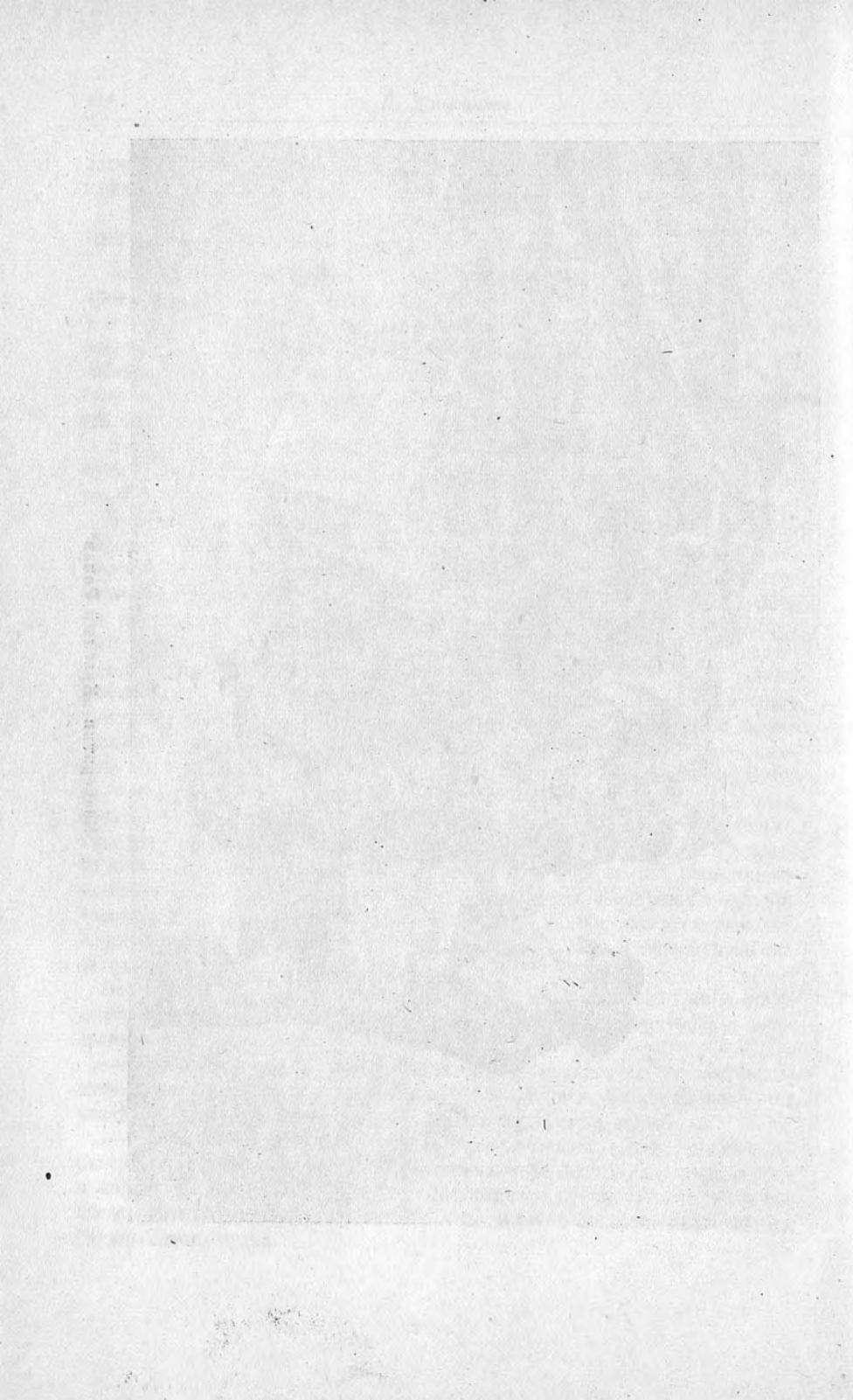
Вареники у нас с Федей вышли отменные. Мы попробовали их и стали ждать прихода наших товарищей. Около трех часов они вернулись с аэродрома.

— Аэродром потов к приему самолетов, — отряхиваясь от покрывавшего усы, бороду и все платье инея, рассказывал Борис Громов. — Он такой большой, что места хватит хоть для целой эскадрильи.

— Поработать пришлось порядочно, — добавляет Пепэ Ширшов. — Скверно, что мало инструмента, всего несколько лопат, два лома, пешня и кайла. Как много его было на «Челюскине», но инструмент оставили после работы около борта, и он пошел ко дну с подвижкой льда еще до гибели самого судна.

Кооператив „Красный Ромак“

— Хорошо еще, что хоть немного инструмента имеем,—басит Гаккель,—плохо было бы аэродромы сооружать, не имея ни одного лома и ни одной лопаты.

Вареники всем понравились, но вместо благодарности нас стали ругать.

— Что это такое — по три вареника на человека, только раздражили аппетит. Десятка бы по два — вот это да.

— Ну, о десяточках отложите попечение до материка,—отбрыкивались мы,—и так делали их часа два. Да и продуктов больше почти нет.

Аргументы наши оказались достаточно вескими, товарищи, пошумев, успокоились.

— Почитать бы какую-нибудь хорошую книжку,—протянул Аркаша Шафран.

— У меня есть «Пан» Гамсуна,—сказал Сергей Семенов и вытащил маленькую книжку в матерчатом, красочном переплете, сделанном им самим.

Кто-то предложил:

— Товарищи, давайте читать вслух.

Предложение понравилось. Расселись поудобнее, и только что Аркаша Шафран начал читать, как за палаткой раздался густой бас стармеха Матусевича.

— Можно к вам?

— Заходите, заходите, Николай Карлович, гостем будете.

— Да я к вам по делу,—говорил, с трудом влезая в палатку, грузный Матусевич.—Ваш камелек переводится на отопление углем. Дров на камельки идет слишком много, а уголь не расходуется. Его у нас тридцать мешков. Поэтому все те камельки, которые могут топиться углем, переводятся на него. Дровами же будем отапливать барак, так как туда мы ставим печку, сделанную из железной бочки. Так вот вы возьмите к вашей палатке мешок с углем и топите им.

Матусевич ушел. Аркаша стал продолжать читать. Прочтя несколько страниц, он вдруг замаялся и стал листать книжку.

— Ах, вот, Сережа, у тебя тут листы неправильно сшиты.

Чтение продолжалось. Но через несколько страниц опять разнбой в тексте. Присутствующие начали подтрунивать над Семеновым:

— Ну, и переплетчик! Всю книгу перепутал. А мы-то еще его хвалили.

— Да я проверял, когда спивал. Не понимаю, как это могло получиться,—оправдывался Семенов, смущенно улыбаясь.

Но «Пана» слушали все внимательно. В палатке среди походного снаряжения и после тяжелой физической работы на льду, «Пан» воспринимался легко и с интересом.

— Товарищи, мы к вам,—вновь прервал чтение голос Канцына.

МЫ — КОЛЛЕКТИВ

Адамыч вошел в палатку в сопровождении Апокина, выделенного судом в качестве общественного контроля над хозяйственной частью.

— Мы обходим, — проговорил Канцын, — палатки и проверяем, все ли сдали излишние продукты. Не осталось ли у кого-нибудь запаса.

— Ну, а какой результат вашей проверки? — задал вопрос Пэпэ Ширишов.

— Да вот в одной палатке, — ответил Канцын, указывая рукой, — в той, что поодаль стоит, нашли пол-ящика стуженного молока, а у одной из живущих там женщин десятка полтора плиток шоколада и несколько коробок засахаренных фруктов. Доложу Отто Юльевичу.

— Какое безобразие! Ведь предупреждали же всех, чтобы не запасались. Следовало бы ту палатку как следует взречь, — возбужденно говорит Ширишов.

— Ну, а у вас есть что-либо?

— Смотри, Адамыч. Только мы не из «запасливых».

Пришедшие внимательно осмотрели внутренность палатки, все вещи и вышли наружу. Здесь они обошли вокруг палатки, просмотрели ящики, которые закрепляли боковые растяжки. Ящики были с патронами.

— Ну, идем в следующую палатку, кажется она последняя, — услышали мы голос Канцына, обращавшегося к Апокину.

Чтение «Пана» продолжалось и после ужина, который сегодня был сварен в новом камбузе.

Часов около шести вечера за палаткой раздались голоса:

— Товарищи, на собрание в барак. Захватите свои фонари. Там еще нет освещения.

Барак был вчерне закончен; осталась внутренняя отделка и установка отопления. По белой равнине к бараку тянутся группы черных фигур. Впереди каждой группы светящаяся точка — фонарь.

В бараке пусто и холодно. Сесть нигде. Все стали вокруг руководителей экспедиции: Шмидта, Боброва и Воронина.

Шмидт информирует о полученных по радио новостях. Из Владивостока к нам на днях выходит пароход «Совет» с несколькими самолетами и дирижаблями. Из Москвы выехал на Аляску Ушаков с известными полярными летчиками Слепневым и Леваневским; на Аляске эта группа купит или заарендует самолет и вылетит к нам.

Затем Шмидт переходит к нашим внутренним делам. С большой пронойей, не называя фамилий, говорит он о тех нескольких товарищах, которые попытались было иметь свой собственный продовольственный запас. «Со льдины, — говорит он, — спастись мы сможем не методом таких индивидуалистических поступков, а только организованной работой коллектива». Рассматривая это явление как несознательность, руководство экспе-

диции решило ограничиться лишь разъяснением антиобщественности этого поступка.

Дальше Отто Юльевич сообщает, что самолет Ляпидевского прилетел в Уэлен из бухты Лаврентия. Он в полной исправности, моторы хорошо заводятся, и завтра Ляпидевский намеревается вылететь к нам, если, конечно, будет подходящая для полета погода. В случае, если по радио будет сообщено, что самолет вылетел из Уэлена, нужно немедленно выходить на аэродром и там ожидать его прибытия. На аэродром сегодня отправлена палатка с печкой и там ночуют трое наших товарищей, наблюдающие за состоянием льда на посадочной площадке. К отлету на первом самолете назначены десять женщин и двое детей. Дальнейшая отправка будет происходить строго по списку, составленному следующим образом: сначала идут больные товарищи, затем физически слабые, далее более слабые морально и в последнюю очередь наиболее крепкие и физически и морально.

— А на последнем самолете последними мы с Владимиром Ивановичем, — добавляет Отто Юльевич, беря за руку Воронина.

— Отто Юльевич, вы забыли, что я, как политкомиссар, раньше вас не уеду, — смеясь говорит Бобров.

— Конечно, конечно, мы втроем выедем, — также смеясь отвечает Шмидт.

В заключение Отто Юльевич зачитывает несколько коллективных приветственных телеграмм: от ленинградской и архангельской группы семей челюскинцев и от некоторых учреждений. В первой телеграмме со льда на материк Шмидт просил всех наших родственников не посылать частных запросов, так как мы, экономя энергию наших аккумуляторов, частные телеграммы ни отправлять, ни принимать не можем. Посылаемые в Москву донесения о нашей жизни Отто Юльевич в копии обязательно отправляет в ТАСС.

На этом сообщении собрание закончилось, и мы разошлись по своим палаткам.

ОЖИДАНИЕ

18 февраля с утра в лагере началось большое оживление. По радио передали, что в Уэлене хорошая погода и что самолет Ляпишевского готовится к вылету. Один мотор уже работает, сейчас запускают второй. Эти последние сведения, как сообщил Кренкель, личные наблюдения уэленской радистки Шрадер, которая из окна радиостанции видит, что происходит на аэродроме, и немедленно рассказывает ключом радио Кренкелю.

Женщины торопливо несут в одно место вещи, спальные мешки, малицы. Собственных вещей разрешено каждой взять по 10 килограммов. Матерям с детьми норма не ограничена — могут взять все, что им необходимо. Готовят нарты, на которых повезут на аэродром вещи и теплую одежду. В лагере тепло одеваться нельзя, так как путь до аэродрома далек и в меховой малице будет жарко идти. Провожать отъезжающих идут две бригады, чтобы тащить нарты и нести вещи.

Прощаемся. Передаем телеграммы нашим родным, которые просим отправить из Уэлена. Длинная вереница уходящих вьется черной нитью по тропинке, пробитой среди высоких ропаков. Вдали на высоком торосе подымается флаг. Это сигнал из лагеря на аэродром. В лагере в первый же день была поставлена небольшая мачта, и на ней, как на корабле, с утра подымался советский флаг. Этим флагом, если самолет вернется в Уэлен, не найдя лагеря, будут сигнализировать на аэродром о возвращении людей обратно.

Отъезжающие ушли, и наша бригада приступила к работе в лагере.

Не прошло и двух часов, как Кренкель сообщил, что самолет вернулся в Уэлен, так как в районе Колючинской губы, там, откуда он должен был брать направление на лагерь, был встречен густой туман.

Просигнализировали на аэродром. Через два часа вернулись усталые товарищи, так весело и оживленно уходившие утром. Одну из женщин пришлось даже привезти на нарте.

Вечером сидим в палатке. Изредка перебрасываемся словами.

— Товарищи, а не начать ли нам выпускать в лагере стенгазету? — вдруг раздался из угла голос Сергея Семенова.

— О, это идея! — подхватило несколько голосов.

— Придумайте кто-нибудь заглавие. На тему «не сдадимся», — продолжал Семенов. — Выпустить надо как можно скорее, хотя бы и небольшого размера.

— Насчет заглавия — по-моему «Не сдадимся», лучше и не придумаешь. Этим все сказано.

— Тогда, не откладывая дела в долгий ящик, пойду поговорю на эту тему с Отто Юльевичем. — С этими словами Семенов начал перешагивать через наши тела, направляясь к выходу из палатки.

Через полчаса он вернулся.

— Отто Юльевич приветствует выпуск на льду стенгазеты. Статью он даст. С первого номера надо, между прочим, повести кампанию против имеющейся у некоторых, в частности рабочих-строителей, тенденции к групповому движению на берег. На эту тему в ближайшие дни будет созвано общее собрание, но и газета этот момент должна учесть.

Наибольшая нагрузка в газете должна лечь на Федю Решетникова, которому предстоит сделать заголовок, иллюстрации, неизменные шаржи и карикатуры.

Вечером небо разъяснило, и мне впервые после 14-го числа удалось сделать обсервацию по звездам. Работал с новым шлюпочным, почти круглым, со сферическим стеклом фонарем, который мне удалось получить взамен протекающей «Летучей мыши». Свет был тоже слабый, и единственное преимущество нового фонаря перед старым было то, что он не обливал руки и платье керосином, в каком бы положении его ни держали.

В палатку с наблюдений возвращаюсь поздно, когда уже там все спят. Здесь тепло, так как камелек, наполненный с вечера углем, остается нагретым до утра и ночью в палатке стало гораздо теплее, чем раньше, но зато растапливать печку утром сделалось еще труднее.

НАШИ ЖИЛИЩА

На следующее утро бригады уходят тащить на аэродром наш самолет «Ш-2», на котором Бабушкин намерен лететь на берег. Жора Валавин осмотрел самолет и решил, что он требует сравнительно небольшой починки. Когда самолет перетащат на аэродром, он займется им и подготовит к полету.

Фюзеляж самолета укрепили на сани, и поддерживаемая со всех сторон наша «птичка» без крыльев (их отняли от фюзеляжа) медленно поползла по дороге к аэродрому. К нашему общему удивлению самолет удалось дотащить до аэродрома в один день и без каких-либо повреждений.

Тем временем я, оставаясь в палатке, вычислил обсервацию предыдущего вечера. За четыре дня (с 14 по 18 февраля) нас передвинуло на се-

веро-запад на 12 миль. Эти дни временами дул довольно свежий юго-восточный ветер, и поэтому нас опять потянуло к острову Врангеля.

В палатке у нас расположилась редакция стенгазеты. Редакция состоит из Семенова, Баевского и Решетникова. Двое из них живут у нас в палатке, и поэтому вся работа с газетой сосредоточивается здесь. Приходят с заметками, советуются с редакторами. Часто заходит и долго сидит Баевский, живущий по соседству.

Наша палатка нравится не только нам самим, но и многим другим. Надо сознаться, что она сейчас все же не из лучших в лагере. Очень хорошую палатку с самого начала оборудовали себе штурмана. В ней живет и капитан Воронин. В этой палатке был сделан хороший пол из судовых люков, покрытых матрацами. Дверь у нее сделана из дерева и отодвигается вбок. В палатке свободно и очень чисто.

На этих днях переоборудовали палатку, где живут Кокусов, Канцын и Бабушкин. Они сделали деревянный каркас из брусков и сплошь зашили боковые стенки досками, после чего все это сооружение обтянули палаткой. У них можно почти стоять во весь рост. Дверь они также сделали деревянную, но открывающуюся наружу.

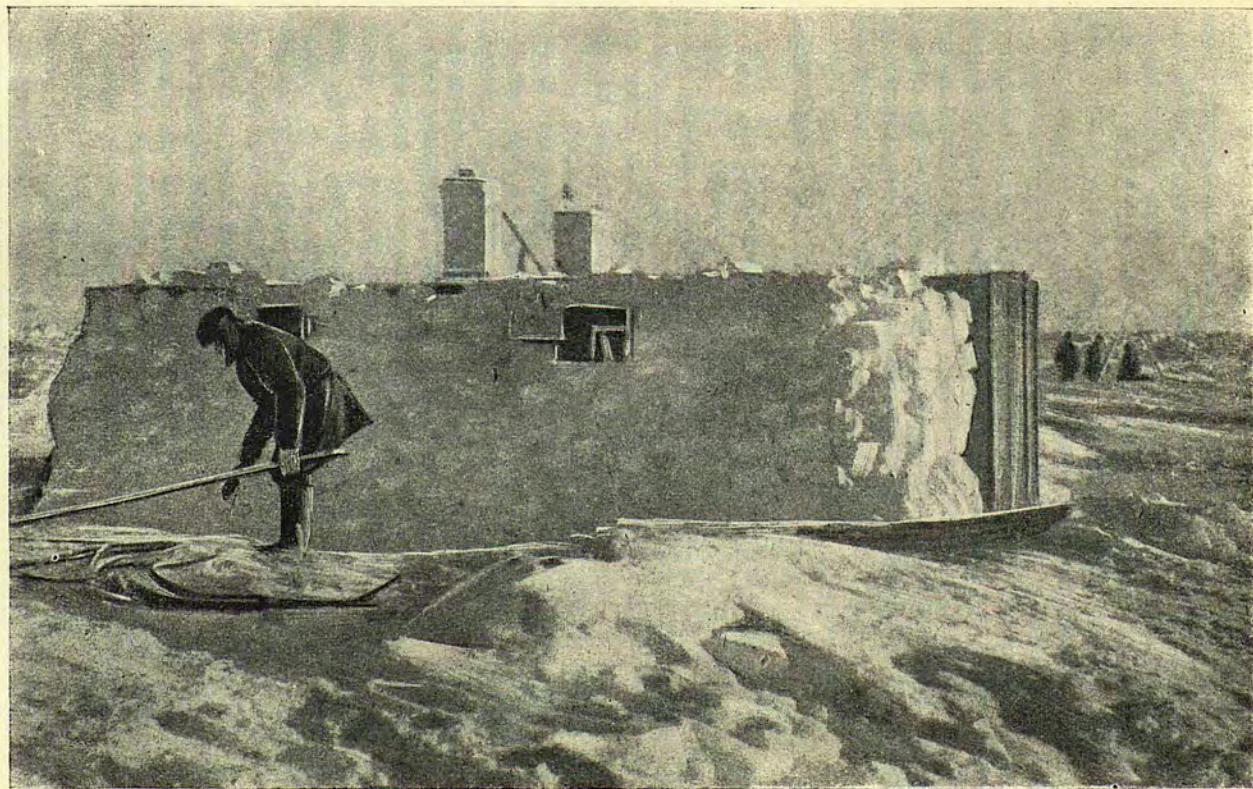
Сегодня начала перестраиваться палатка кочегаров. Мы пока что своей палаткой вполне удовлетворены. Нам нравится ее стройный, чисто военный, лагерьный вид.

Барак сегодня тоже совсем закончили. Стены его со всех сторон обложили кирпичами из снега. Внутри поставили печи из железных бочек. Нужно сказать, что в лагере нехватало печных труб, а листового железа совсем не было. Наши механики вышли из этого затруднения следующим образом. При гибели «Челюскина» всплыли два спасательных моторных бота. Боты вытащили из льда и оттащили в сторону. В них под сидениями, как полагается на спасательных шлюпках, имелись так называемые «воздушные ящики» — герметически закрытые металлические коробки, не позволяющие шлюпке затонуть, когда она бывает залита водою. Эти «воздушные ящики» и были взяты с одного из ботов для различных поделок. В первую очередь наши «жестянники» сделали из них печные трубы, как наиболее дефицитную в лагере вещь. Не плохо выглядели дымовые трубы для железных печек и камельков из красной меди!

— Попробовали бы в Москве и Ленинграде сделать печные трубы из дефицитного цветного металла — красной меди — вот нагорело бы! Под суд бы за это отдали, — смеялись мы.

В бараке были сделаны окна, через которые днем проникало достаточно света. В окна вставлялись «стекла» в виде химических пятилитровых бутылей, целый ящик которых лежал на ботдеке парохода и всплыл после аварии.

В барак переселились женщины и дети, строители и многие другие. Некоторые палатки значительно разгрузились, а одна, где жил Баевский,

Построили камбуз

совсем опустела, так как ее обитатели, все до единого, перешли в барак. Здесь в одном углу доктор Никитин оборудовал свой медпункт. По словам нашего доктора, на льду к нему обращаются значительно реже, чем на судне. У входа в барак расположился пекарь. Сначала предполагалось, что он будет работать в камбузе, но там было слишком холодно для теста, и поэтому вся операция с хлебопечением была перенесена в барак.

В освободившуюся палатку строителей Шмидт поставил свою маленькую походную палатку. Таким образом у него получилась спальня—в маленькой палатке и кабинет—в пространстве между маленькой внутренней палаткой и наружной. В «кабинете» стоял низенький стол и горел примус, так что Отто Юльевич получил возможность работать. Столовался он в радиопалатке, где жили кроме радистов Кренкеля и Симы Иванова еще Бобров и Стаханов.

ВЕНЕЦИЯ

19 и 20 февраля погода стояла пасмурная, как у нас теперь определяют—«не летная».

21 февраля началось ярким солнечным утром. В лагере снова началось возбуждение. Ожидали самолета. Снова прощаемся с отлетающими. Вновь тянутся к аэродрому сани с меховой одеждой и идут с котомками за плечами провожающие.

Меня отправляют на первый промежуточный между лагерем и аэродромом сигнал-флаг. На этом пространстве сейчас установлено три сигнальных флагов. Предварительно меня инструктируют: поднятый флаг означает, что самолет вылетел, взмахивание флагом в стороны—самолет вернулся, и так далее.

По протоптанной дороге иду к своему сигналу.

Взбираюсь на восьмиметровый торос, оглядываюсь, разыскивая флаг. Передо мной воронкообразное углубление, образованное грядями торосов. Флаг лежит на вершине противоположного склона воронки. Спускаюсь вниз на ее дно и вновь лезу вверх. Путешествие не из легких. Лдины, образовавшие торос, имеют толщину в метр—полтора. Пространства между льдинами закрыты мягким снегом, выпавшим за последние два дня. Нога то и дело проваливается по колено. С трудом удается добраться до вершины. Флаг лежит на верху глыбы в виде куба со сторонами метра в два. Залезаю на этот пьедестал и укрепляю флаг. Он состоит из длинных продольных полос семи цветов и представляет собой флаг китайского генерала Чан-Кай-ши. На «Челюскине», как отправляющемся в заграничное плавание, имелись флаги почти всех государств, и китайскому выпала доля сигнализировать о прибытии к нам самолета.

С моего места, возвышающегося над ледяной равниной метров на семь-восемь, открывался прекрасный вид.

Но что это? Шум пропеллера. Осматриваю горизонт — самолета нигде не видно. Внизу вблизи торосов на лыжах проходит Расс. Окликаю.

— Петр Гвидович, вы слышите? Звук пропеллера! — Расс останавливается, прислушивается.

— Нет, я не слышу, — и он идет дальше.

К северо-востоку от гряды торосов змейкой вьется открытая трещина. Вода в ней на белом фоне льда и снега кажется почти черной.

Опять шум. Прислушиваюсь. Ага! Шум с северной стороны — это просто внизу по трещине торосит лед. Трещина зигзагообразна, и ледяные массивы, получив движение относительно друг-друга, торосятся на выпуклых местах.

Солнце, несмотря на температуру воздуха градусов «под тридцать», припекает. Вершинки льдин слегка обтаивают. Лицо мое также вероятно немного загорает. Несмотря на то, что я лежу почти не двигаясь, мне не холодно. Правда, одет я тепло. На мне меховые пыжиковые брюки, валенки, свитер, кожаная куртка и поверх всего малица из собачьего меха.

Проходят еще и еще часы. Небо ясное, лишь на юго-востоке видна отдаленная дымка тумана или облаков. Остальная часть небосклона безоблачна. Тихо, ветра нет. Мой флаг обвис на своем древке.

Наконец, примерно около четырех часов пополудни, из лагеря по дороге направляется фигура. От нечего делать пытаюсь угадать по походке, кто это. Пожалуй, Борис Громов. Ну, конечно, он. Путник тоже ищет меня глазами и, увидав, машет рукой. Подойдя ближе, спрашивает, как ко мне пройти. Указываю, и он по моим следам быстро взбирается.

— Я пришел вас сменить. Обед вам оставлен. Ну да, сейчас все пойдут обратно.

— А что с самолетом?

— Вернулся обратно в Улен, а почему — пока неизвестно.

Пожелав Борису счастливой вахты, спускаюсь вниз и иду в лагерь.

Здесь, оказывается, днем была, как говорят моряки, большая «полундра». Вскоре как мы ушли, поперек лагеря образовалась трещина. Она прошла по одной из стен камбуза, там, где был сделан умывальник, и затем направилась почти под склад продовольствия, который оказался в большой опасности. Немногим оставшимся в лагере пришлось проделать огромную работу, перенести весь продовольственный склад на новое, более безопасное место. Дружной работой всех без исключения, даже больных, это было быстро выполнено. Сейчас склад расположен на северо-западной окраине нашего поля.

По образовавшемуся разрыву произошло перемещение льда. Барак оказался отделенным от палаток каналом, правда быстро затянувшимся льдом.

— Чем не Венеция? — шутил вечером Отто Юльевич.

— Идите в свое «Замоскворечье», — говорили москвичи обитателям барака.

— Как у вас там на «Васильевском»? — спрашивали ленинградцы.

СТЕНГАЗЕТА «НЕ СДАДИМСЯ»

К вечеру стало известно, что самолет летал к нам, но не нашел лагеря. По моему мнению, он уклонился к северо-западу, где была видна облачность.

Ясное небо продержалось до ночи, и мне удалось определиться по звездам. Гаккель для наших астрономических работ нашел у Канцына электрический фонарь, так что наблюдать звезды стало много легче. Правда энергию в фонаре приходилось расходовать весьма экономно.

Следующим утром я вычислил определение. За эти три дня нас передвинуло незначительно на запад, всего на 1,1 мили.

Образование открытой трещины среди лагеря дало мне возможность возобновить гидрологические наблюдения. К трещине я подтащил выгруженную с «Челюскина» вьюшку с гидрологическим тросиком. Эта вьюшка предназначалась, собственно, для наматывания проволоки при производстве аэрологических наблюдений на змеях; для превращения же ее в гидрологическую лебедку мне пришлось к ней привязать палку, на которую уже вешать блок-счетчик для пропускания тросика. Когда я готовил вьюшку для спуска на ней батометров, на противоположном берегу трещины появились Шмидт и Воронин.

— Вы что это, хотите измерить температуру воды?—спросил меня Отто Юльевич.

— Да. Хочу взять станцию для определения послонных температур. Мы сейчас находимся, примерно, на том же месте, где были 2—5 декабря,—ответил я.

— О, это будет интересное сравнение.

Первый спуск в воду одного батометра прошел удачно, но когда я повесил два батометра и начал выбирать приборы, моя вьюшка опрокинулась, так как она не была рассчитана на боковое натяжение. После каждого подъема и немедленного отсчета в лупу глубинной температуры, батометр приходилось уносить в палатку для прогревания. Так были взяты температуры со всех горизонтов.

Станция по температурам показала, что зимний режим в водной толще вполне развился. В том месте, где мы находимся, в начале декабря наблюдалось придонное теплое течение. Теперь же вся толща воды была охлаждена.

У нас в палатке оформлялась стенгазета. Объем ее получился довольно солидный. Статьи Шмидта, Баевского, Семенова и других призывали к сплоченности, дисциплине и выдержке, подобно той, какую проявил наш коллектив в момент аварии.

Написал статью и я на тему о пребывании прежних исследователей (Нансен, Пири и др.) на дрейфующих льдах. В выводах получился оригинальный парадокс: полярный лед оказывал путешественникам больше гостеприимства, чем ненаселенный берег земли. В истории полярных пу-

тешествий все известные трагедии Арктики происходили на берегу, а не на льду.

Газета была украшена талантливыми шаржами и карикатурами Федя Решетникова.

К вечеру газета красовалась в середине лагеря на щите, около которого все время маячила группа читающих и перечитывающих заново ее содержание.

ИТТИ ЛИ ПЕШКОМ?

Мы собирались уже укладываться спать, как к нам в палатку влез Борис Громов, держа в руках два аккуратно увязанных в наволочки свертка. Это был спасенный им с «Челюскина» его патефон и чемоданчик с пластинками. Сегодня он ходил, как мы говорили, «на гастролы» в другую палатку. Ее обитателям пришлось долго его уговаривать, прежде чем он согласился побаловать их музыкой.

— Ну, Борис, как гастролитовал? — спросил Пепэ Ширинов.

— Переиграл чуть ли не все пластинки, и за это меня угощали чаем с вкусными лепешками, которые напекли ребята.

— И знаете, — продолжал он, — они мне рассказали, что одна группа, состоящая преимущественно из строителей, хочет все же итти пешком к берегу.

— Ну, это не так просто, как они думают, — бросил кто-то в палатке.

Рассказ Громова вызвал оживленное обсуждение возможности такого похода. От берега нас отделяют 140 километров сплошного торосистого льда.

— Итти пешком — это вздор, — заканчивает Пепэ Ширинов свое много раз прерываемое рассуждение. — Я, например, вы знаете, тренируюсь с начала зимовки в хождении по льдам. И что ж? Полкилометра-километр пути по торосам с лазанием на ропаки меня совсем выматывает. А слабые наши товарищи, женщины, дети? Что, мы их бросим?

Пешая партия в наших условиях неприемлема — таким явился вывод нашей палатки после всестороннего обсуждения вопроса.

На следующий день бригады опять отправляются на аэродром. Бабушкин хочет его еще несколько удлинить. По его словам, самолет Ляпишевского лишь с трудом сможет взлететь с имеющейся у нас площадки.

Вечером в бараке было общее собрание. Барак теперь вполне обжит. Обитатели его разбились на группы — артели. Женщины создали вокруг себя известную домовитость и уют. Мы явились в бараке гостями. Нас любезно приглашали приятели:

— Устраивайся на моей койке. Садись, располагайся.

Отто Юльевич Шмидт информировал о полученных за последние дни сведениях о ходе операций по нашему спасению. Пароход «Совет» с са-

Хмызников берет гидрологическую станцию

Инд. антрополог в кавказском музее. С. 13.

молетами авиозвена Каманина и известными полярными летчиками Молоковым и Фарихом готовится к выходу из Владивостока. Одна группа самолетов Водошнянова, Галышева и Доронина собирается лететь к нам из Хабаровска сухопутной трассой.

После информации Шмидт переходит к «текущим делам». Он громит появившихся в лагере сторонников «пешей» партии и доказывает абсурдность и даже антиобщественность этой идеи, как идущей в разрез с интересами всего коллектива в целом. В заключение Отто Юльевич предложил высказаться отдельным членам экспедиции. Я привел случаи известных в истории Арктики походов. Коснулся и своего личного примера в 1928 году, когда осенью после гибели катера у мыса Борхая в море Лаптевых, несмотря на сравнительно хорошую погоду, мы с трудом преодолели небольшое расстояние до устья реки Омооя.

Экспансивный Пэпэ Ширшов в своей краткой, но выразительной речи еще более резко заявил, что поход на материк в наших условиях является вредным вздором.

— Закончим говорить о «пешеходах» на материк. Вопрос, кажется, теперь для всех ясен,—выступил вновь Отто Юльевич и прибавил:—для меня он был ясен с самого начала. Я рад, что все так единодушно пришли к тому же выводу. Теперь скажу, что если кто вздумает все же пойти, то я буду такого рассматривать...— тут Шмидт возвысил голос и, взмахивая рукой, закончил...— как дезертира.

— Перейдем к последнему вопросу нашего собрания,—раздалась вновь мягкая речь Шмидта,—завтра день Красной армии и следовательно работ можно не производить.

— У меня предложение,—после некоторой паузы заговорил Колесниченко,—именно завтра хоть половину дня, но ударно поработать!

— Правильно! — забасил Ваня Нестеров.

Так и решили — работать без перерыва до трех часов дня, а после обеда, соединенного вместе с ужином, сделать вечер воспоминаний.

ТЕЛЕГРАММА

— Ну, и чего ты все нервничаешь? Палатка давит что ли тебя? — заметил я Таккелю, напавшему на меня за то, что я не так повернулся и опрокинул забытую кем-то посередине палатки пустую кружку.

— Мне это надоело,—продолжал я,—мне часто хочется позлиться, но я сдерживаю себя. Я старше вас годами, больше мыкался на севере и поэтому молчу, стараюсь шутками отбиться от ваших придирок. Я их рассматриваю, как продукт реакции нервного напряжения. Но и вы должны сдерживаться, понять, что если в данный момент кто-то тебе не нравится, так это происходит не от того, что он совсем невыносим, а лишь потому, что нервное напряжение у тебя ищет какого-то исхода.

На этот раз мое пространное объяснение нервозности, наблюдавшейся в последние дни в нашей палатке, возымело действие.

— Может и нам перестроить палатку? — протянул из угла голос Семенова, своеобразно и несколько примитивно оценившего положение.

— Дядя Паша, — вдруг вкрадчиво обратился ко мне Аркаша Шафран, — еще на «Челюскине» вы обещали как-нибудь рассказать о бое при Цусиме. Тогда вы все отговаривались тем, что вам некогда. Теперь «понту нет», как говорят в Одессе, а время есть, ну и расскажите. Ведь вы же участник боя.

— Аркаша, где у вас логика? — сбитый с толку внезапным предложением и только что происшедшей размолвкой с Як Яком, защитился я. — Ведь я не могу быть участником русско-японской войны по своим годам. Русско-японской войной я в свое время интересовался, много о ней читал. Но последние двадцать лет мысли у меня сосредоточены на ином, и многое уже исчезло из памяти. Да и будет ли эта стародавняя быль интересна всем здесь в палатке?

— Я хоть и знаю эту эпоху, но с удовольствием послушаю, — высказался Семенов.

— Рассказывай, рассказывай, не скромничай, — бурчал успокоившийся Гаккель, — всем будет интересно.

Я начал рассказывать. Говорил часа полтора, увлеченный вниманием моих слушателей. Во время рассказа в палатку к нам влез Кренкель и тоже стал меня слушать. Наконец, я остановился.

— Ну, на сегодня хватит. О второй эскадре Рождественского расскажу завтра.

— Что нового, Эрнест? — обратился к Кренкелю Громов.

— Да так, есть телеграмма, — лукаво-уклончиво ответил Эрнест, — потом ТАСС прислал обзор новостей за последние дни под названием «Сводка ТАСС для челюскинцев». Сегодня Отто Юльевич на собрании зачитает и телеграммы и сводку.

Расспрашивая Эрнеста, что за телеграммы, мы не стали, дело все равно безнадежное, так как если Кренкель сам не находит нужным поделиться новостями из эфира, то, как его ни упрасивай, все равно не скажет.

Когда все уселись в барак, вошел Шмидт. Лицо у него было взволновано и радостно. Он зачитал несколько телеграмм, сообщавших о полетах, о ремонте «Красина».

— Есть еще одна, которую я оставил под конец. Прслушайте: «Шлем героям-челюскинцам горячий большевистский привет. С восхищением следим за вашей героической борьбой со стихией и принимаем все меры к оказанию вам помощи. Уверены в благополучном исходе вашей славной экспедиции и в том, что в историю борьбы за Арктику вы внесете новые

славные страницы». Подписали...— Шмидт сделал паузу: — «Сталин, Молотов, Ворошилов, Куйбышев, Орджоникидзе, Катынович».

Взрыв аплодисментов и крики «ура» громом пронесли в нашем бараке.

КУЕМ КОЛЛЕКТИВ

Жизнь в лагере идет своим чередом. С утра выходят на работу по починке аэродрома рабочие бригады. Спусти пять-шесть часов усталые люди возвращаются и накидываются на еду. Потом около часу все лежат и отдыхают. Когда усталость немного пройдет, появляются смех и шутки, превращающиеся к позднему вечеру в сплошной шум и галдеж.

Через день в бараке Отто Юльевич зачитывает получаемые теперь регулярно ежедневные обзоры печати, присылаемые ТАССом.

Шафран и Семенов сосредоточенно вырезают в палатке небольшие плитки из фанеры. Гаккель в пыжиковой рубашке, давно потерявшей свой ослепительно-белый цвет замши, и в грязных ватных брюках сидит на корточках перед камельком и смотрит, как накаляется в горящих углях штык от винтовки. Выхватив его из печки, Як Як быстро выжигает на фанерных плитках черные кружки.

— Ваше домино будет готово к отлету из лагеря, — зубоскалит Федя Решетников.

— Не торопись, не торопись, Федя, улетать со льдины, — бросает в ответ Гаккель.

В палатку влез Колесниченко, пошептался о чем-то с Семеновым и стал пробираться к выходу.

— Слушай, Анатолий, — обратился к нему Пэпэ Ширшов, зубривший шопотом английские слова по маленькой записной книжке, — верно, что Отто Юльевич начнет читать лекции по диамату?

— Да, и, кажется, с завтрашнего дня. Для научных работников, студентов и штурманского состава.

— А что, занятий по высшей математике в нашей группе он не думает возобновить? — спросил я.

— Вопрос об этом подымался, но нет ни учебников, ни достаточного количества бумаги, так что решили эти занятия отставить.

Колесников ушел.

— Вот что, товарищи, — обратился к нам Семенов, — сегодня зовут всех в барак. Там состоится товарищеский суд. А вы, Петр Петрович, — обратился он к Ширшову, — входите в состав суда...

За длинным столом барака с одной стороны расположилось трое — товарищеский суд. Стоящие на столе две «Летучие мыши» слабым светом освещают большое бревенчатое помещение. Тихо. Впечатление, что кроме этих троих никого больше нет. В действительности помещение заполнено до отказа. На полу лежат и сидят фигуры, тесно прижавшихся друг к другу.

— Объявляю заседание товарищеского суда открытым, — как будто издали слышится голос Колесниченко.

Тот же голос вызывает одного из наших товарищей. Обычные вопросы о возрасте, социальном происхождении, образовании и прочем.

Обвинение: систематическое уваливание от общих работ, самовольный уход с работы в лагере 21 февраля, когда образовавшаяся трещина угрожала целостности продовольственного склада.

Опрос свидетелей, горячие прения.

Пауза. Низко склонившись друг к другу судьи совещаются. Ровный голос Колесниченко объявляет приговор: заклеить позором поведение... о поступках сообщить, ходатайствовать перед руководством экспедиции об отправке на материк с первым самолетом!

Голос председателя суда вызывает двух других товарищей. С понурыми головами и болезненно напряженными лицами подходят к столу и садятся напротив суда.

Обвинение: во время гибели корабля, не выйдя на общую работу по разгрузке, спасали собственные вещи. Кроме того, готовясь к отлету на самолете, помимо разрешенных 10 килограммов груза, один из этих товарищей надел под малицу на себя две сумки с личными тяжелыми вещами.

Показания свидетелей прерывались негодующими голосами присутствующих.

Последнее слово обвиняемых: «Признаем себя виновными... своей дальнейшей работой постараемся искупить вину перед коллективом».

БУДНИ ЛЕДОВОЙ СТРОЙКИ

Аркаша Шафран отворачивается к стенке палатки; дежурный направляет указательный палец на одну из разложенных семи порций и спрашивает:

— Кому?

— Як Яку!

Палец переходит к следующей порции:

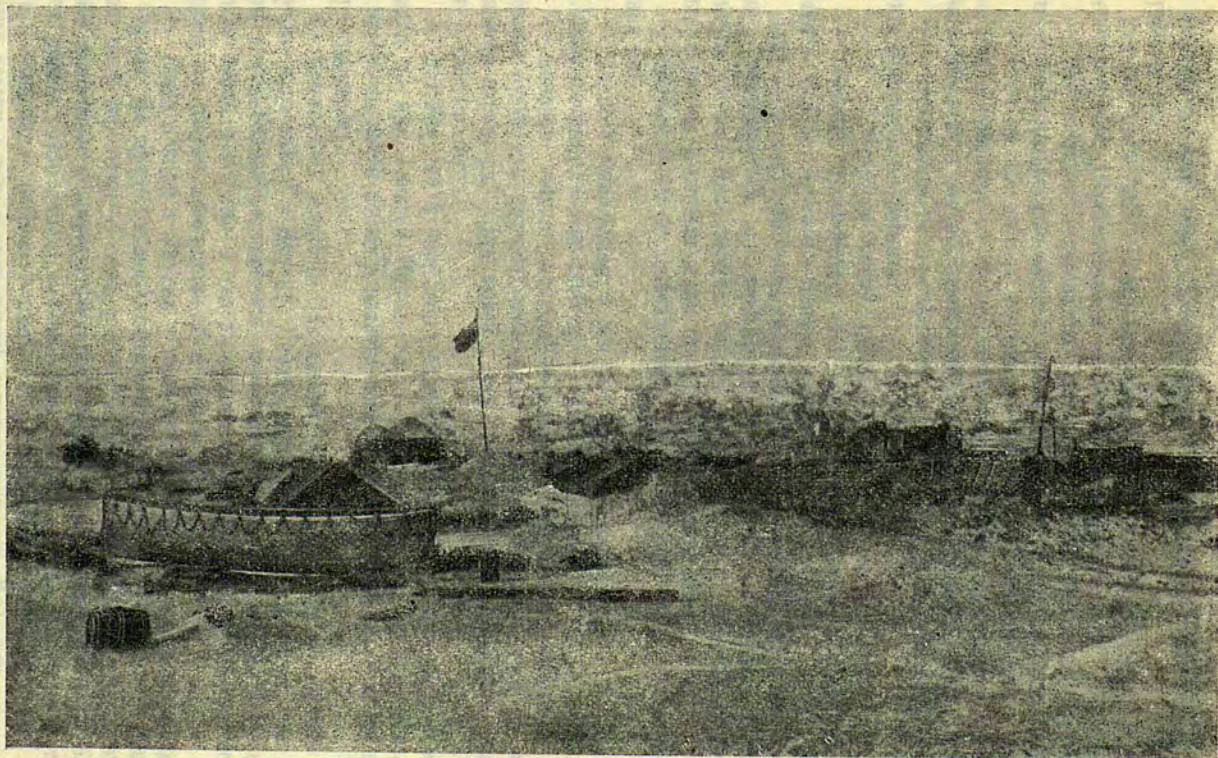
— Кому?

— Сергуне!..

— Нет, надо и нам перестроить палатку, — заявил в конце завтрака Пэпэ Ширшов. — Смотрите, какие хорошие палатки у Бабушкина и у Кошусова с Канцыным. Стоять можно, сделано окно. А у нас, как ни перетягивай, все через день-два опять провисает. Пожить еще в ней придется, так надо обставить себя известным комфортом...

Действительно, наша палатка, бывшая в первые дни пребывания на льду самой стройной и оборудованной, сейчас далеко отстала от остальных.

— С одной стороны, конечно, стоит перестроить, с другой... — высказался Семенов.

В лагере

Вопрос о том, как правильно
написать это слово, является
очень важным. В настоящее
время существует много
различных вариантов
написания. Однако, если
мы обратимся к старым
рукописям, то увидим,
что в большинстве случаев
это слово пишется так-то.
Следовательно, мы должны
быть внимательными к
этому вопросу. В противном
случае мы можем
допустить ошибку.

Возник жаркий спор. Проголосовали. Голосованием решено не перестраиваться...

Вечером после ужина спор возобновился еще с большей силой. Решили переголосовать. Переголосовали, — вышло перестраиваться.

— Это последнее голосование или их еще будет несколько? Я думаю, что еще несколько раз сменим решение, — высказался Аркаша Шафран.

— Беру на себя достать материал, — предложил Пэпа Ширшов, — я уже говорил с Ремовым, он обещал отпустить некоторое количество дерева и командировать в помощь одного плотника. Завтра можно и начать.

— Перестройка-то перестройкой, а вот сегодня, кажется, будет лекция Отто Юльевича по диамату.

— А ты, Федя, не знаешь, где она будет и во сколько часов?

— Обещали предупредить. Вот в это время, по-моему, и должна начаться. Сейчас, вероятно, придут сказать.

Как бы в подтверждение сказанному Федей Решетниковым плотнице двери раздвинулось, и, сотрясая всю палатку, к нам вползла большая фигура Алексея Николаевича. Бобров присел тут же у входа на корточки, вынул платок и первым делом стал протирать запотевшее пенсне.

— Диамат будет в радиопалатке. На него уже собираются, — объявил он.

— Алексей Николаевич, а мне, не научному работнику и не вузовцу, а кинороботнику, можно прийти? — спросил Шафран.

— Конечно можно, Аркаша! — ответил Бобров, — определение, что лекции будут для научных работников означает, что они будут не популярного характера, а для людей с подготовкой. Вот только вопрос, хватит ли в палатке места?

— Да! Вот что я еще забыл сказать. Павел Константинович, — обратился ко мне Алексей Николаевич, — послезавтра вы проведите беседу о русско-японской войне в палатке кочегаров, она большая; туда же придут строители.

— Помилуйте! Алексей Николаевич, — взмолился я, — давайте уж лучше я расскажу о Якутии. Прочту лекцию такого характера, как эти три дня в бараке рассказывал свои впечатления о Монголии Баевский. Было очень интересно и содержательно. А то вдруг о русско-японской войне, по старым источникам. Я и сам-то плохо ее помню.

— Ваши лекции о Якутии у меня поставлены в план общих докладов в бараке. Но нужно разнообразить содержание; вечерние досуги в палатках надо заполнить — сами ребята об этом просят. Не то появляются либо скабрезные разговоры, либо всякие идеи вроде «пешей партии». Книг нет, ребята после отдыха скучают, так что вы не отказывайтесь. К тому же, — прибавил Бобров, — ваши однопалаточники разнесли весть по всему лагерю о вашем интересном и живом рассказе. Меня уже несколько палаток просили к ним вас направить.

— Ну, Алексей Николаевич, если вы находите это полезным для дела, я согласен.

— Все же, товарищи, если вы хотите попасть на диамат Отто Юльевича, советую не мешкать, — добавил Бобров, вылезая из палатки.

Радиопалатка была почти полна, когда в нее вошли мы, — места уже больше ни для кого не было. Стучавшимся еще несколькими товарищам пришлось отказать во входе.

Шмидт полулежа на своем спальном мешке начал лекцию. Дав определение диамата, он перешел к краткому изложению истории человечества в марксистском освещении.

Незаметно пролетели два часа увлекательной лекции. Новые образы, новые понятия исторических фактов вставали перед нами.

Шмидт кончил.

— Следующую лекцию придется сделать в бараке, а то непоместившиеся товарищи будут сердиться, — с улыбкой добавил он.

ПРИЛЕТ ЛЯНИДЕВСКОГО

День моего дежурства 5 марта начался обычным ранним вставанием, продолжительным разжиганием камелька и прочими хозяйственными заботами.

Когда я вылез из палатки за льдом для чая, то был ослеплен ярким солнцем, не баловавшим нас последнее время.

Лагерь просыпался. У палаток сновали дежурные. Ольга Николаевна Комова определяла на бугорке силу ветра анемометром. Погода была прекрасна. Как-то в Улене?

Мы только что принялись за утренний завтрак, как за палаткой слышался голос:

— Самолет вылетел из Улены! Назначенные на аэродром, выходите! Обжигаясь горячим чаем, все торопливо заканчивали завтрак. Я как дежурный должен был остаться в лагере.

Через полчаса двинулись вереницы людей.

— До вечера! до вечера! — шутливо прощались мы с назначенными к отлету женщинами. — Ужинать-то ведь будете с нами.

Невольно закрадывались сомнения, что и на этот раз самолет не долетит до лагеря.

Еще через полчаса, когда я в палатке занимался мытьем посуды, в лагере раздался какой-то шум и крики.

— Самолет! Самолет! Какой большой! А наши-то еще не успели дойти до аэродрома.

Со стороны аэродрома показалась группа бегущих к нам людей. Размахивая руками, впереди мчался молодой кочегар Валя Паршинский и еще издали кричал:

— Ледянку давайте скорее! По дороге к аэродрому широкая трещина, через которую нельзя перейти. Все ждут!

Самолет сделал круг в воздухе и медленно шел на посадку.

Два десятка здоровых ребят бегом, чуть ли не на руках, быстро тащили ледянку. К прибегавшим за плюшкой присоединилось с десяток человек, оставшихся в лагере. Ледянка, подпрыгивая на неровностях льда, удалялась.

Самолет, снизившись, скрылся за ропаками.

Через несколько минут с построенной на торосе сигнальной вышки быстро спустился человек и бегом бросился в лагерь.

— Самолет сел как будто благополучно, — возбужденно жестикулируя, рассказывал о своих наблюдениях с вышки штурман Марков.

Все оставшиеся в лагере находились на воздухе, даже больные вылезли из палаток наружу.

Примерно через час самолет поднялся над льдом и стал удаляться, быстро уменьшаясь в размерах.

Еще через час из-за торосов появились товарищи, возвращавшиеся с аэродрома.

За ужином, который был готов к их приходу, стоял несвойственный торжественному в лагере моменту принятия пищи галдеж. Все напереерыв, перебивая друг друга, старались что-то рассказать. Трудно было понять, что произвело большее впечатление: огромные ли меховые сапоги на ногах Ляпидевского, сама ли величина мощной машины, мужественное ли лицо командира самолета Петрова или что-либо другое. Восторгались всем до мелочей. Куда девалось скептическое отношение к возможности прилета самолета Ляпидевского в лагерь... Теперь все были уверены в скором снятии нас со льда...

ПОЛОМКА БАРАКА

— Вставайте! Во-первых, уже пора, а во-вторых, масса новостей, — будил нас на следующий день дежурный Пэпэ Ширинов.

Мы быстро высунули головы из-под вороха меховых одежд, которыми прикрывались на ночь.

Ночью поперек барака прошла трещина, сразу начавшая расходиться в стороны. Все, в чем кто лежал, выскочили наружу. В дверях произошла даже небольшая давка. Некоторые выскочили без сапог. Так как трещина расходилась все же медленно, то строители схватили пилы и быстро перепилили стены. Теперь обе половинки барака разъехались на порядочное расстояние.

— Вот так так! Но как хорошо, что вчера женщины и дети улетели. Выбегать на мороз ночью с Кариной или Аллой из ломающегося барака — жуткая вещь.

— Но как же это могло получиться так внезапно, у них ведь ночью всегда имеется дежурный? — задал кто-то вопрос.

— Тут дело получилось путаное, — продолжал рассказывать Папэ, — предыдущей ночью тоже шло торошение, и бывший дежурный Киселев всех разбудил. Ну, над ним все днем потешались, обвиняя в излишней осторожности, а то даже в трусости. Этой ночью дежурил Комов. Он то ли не учел обстановки, то ли боялся насмешек, если тревога окажется напрасной. Ну, и прохлопал момент.

— Вот к чему ведут «разыгрывания» и насмешки, — наставительно проговорил Семенов.

После завтрака все были выкисаны на работу к барaku. Две половинки его разошлись вдоль трещины метров на двадцать. Разрезанные стены и открытая его внутренность с нарами и столом, на котором были разбросаны вещи, производили впечатление театральной обстановки.

Вокруг валялись груды вытасненных вещей, ложки, чайники, поварежки и прочая хозяйственная утварь.

На работе прежде всего оттащили в сторону один из спасательных вельботов, нависавший кормой над трещиной. Потерпевшим «крушение» помогли перенести вещи в лагерь.

Однако не все из барака захотели перейти в палатки лагеря. Нашлась группа патриотов барака в лице Шпаковского, доктора Никитина и других, которая обратилась к руководству за разрешением остаться в одной из его половин, сделав стенку к разрезанной части. Разрешение им было дано, исходя из того, что дальнейший разлом этой половины барака вряд ли будет возможен.

Мы со своей стороны воспользовались частью материала из брошенной половины барака для стройки новой палатки. Каркас из брусков для нее был готов уже два дня и выставлен в выбитое во льду углубление. Вчера на каркас натянули полотноице.

Сегодня с разрешения нашего «наркомтруда» Алексея Николаевича Боброва мы занялись дооборудованием нового обиталища.

С крышки разрушенной части барака мы сняли брезент и притащили его в лагерь. Здесь, как водится, из-за брезента возникли пререкания с другими палатками, которые, оказывается, тоже на него метили. Пришлось долго доказывать, что, мол, мы первые, а не они. В конце концов брезент остался за нами.

Камелек из нашей старой палатки взять не разрешили, так как в нее переселилась часть бывших обитателей барака. Нам дали печку, изготовленную из железной бочки, и предложили из нее оборудовать нефтяное отопление. В палатку пришел челюскинский спец по делам изобретений Ленья Мартисов для руководства этой операцией. С одного из моторных катеров он взял бензиновый бак с краном. Из печки протянул медную трубку, оканчивающуюся привязанной маленькой воронкой, подведенной

После очередного сжатия. Оттаскивают бревна

под край бака. Конец трубки, введенный в печку, находился над металлической ложкообразной пластинкой. Горючая смесь из бака, регулируемая краном, по каплям или тонкой струйкой должна была стекать по ложке, где она загоралась и уже горящая падала на низ печки, где должно было лежать медленно горящее полено. Когда все устройство отопления было закончено и труба выведена в потолок палатки, попробовали зажечь печку. К величайшему удивлению она сразу зажглась и быстро нагрела палатку.

Стало тепло и уютно. Посередине в палатке можно было стоять во весь рост, и даже у самых стен люди сидели не сгибаясь.

В НОВОЙ ПАЛАТКЕ

Наша новая палатка оказалась самой лучшей и большой в лагере. Пока ее строили, многие приходили смотреть и удивлялись ее размерам. Еще во время работы к нам подошел Ваня Копусов.

— Слушайте, товарищи, от вас в нашу с Канцыным палатку переходит Федя Решетников. Ему у нас удобнее и просторнее рисовать. У вас, следовательно, освобождается одно место. Не примете ли вы к себе Факидова?

— Ах Федька, каналья! Он ничего не сказал нам, что от нас удирает, — проговорил Борис Громов.

— Сам чуть ли не больше всех волновался с перестройкой палатки и вот, нате, удрал, — добавил Сергуня Семенов, — ну, а на место Федю у нас пока кандидата нет, и я думаю против вселения Ибрагима в нашу палатку возражений не будет. Не так ли, товарищи? — обратился он к нам.

Мы подтвердили согласие.

— Ну, вот и отлично, — продолжал Копусов, — мы считали очень полезным, если Ибрагим вселится именно к вам. Он немного нервничает, волнуется, а здоровая атмосфера вашей палатки должна на него подействовать успокоительно и благотворно.

Копусов ушел, а через некоторое время к палатке с вещами прибред Факидов.

— Вы знаете, товарищи, — обратился он к нам, — у меня обожжены руки, и я первое время не смогу ими работать. Я потом наверстаю пропущенное, а теперь чем я смогу быть полезен, то выполню, вы меня нагружайте.

— Брось, Ибрагим, пока руки у тебя болят, ты ничего не должен делать. Когда поправишься — вступишь в очередь наших дежурств. А о каких-либо наверстываниях не смей и думать, — ответил Факидову Ширшов.

Уже вечерело, когда мы закончили оборудование палатки. Назавтра осталось еще приделать дверь и вставить над ней в виде окна раму со стеклами. За эту последнюю работу уже принялся Гаккель. В куске фа-

неры от ищика он вырезывал прямоугольники, в которые вставлял стекла от фотоластинок.

Когда мы усталые забрались в наше новое жилище, куда перетасили и все вещи, Семенов обратился к нам.

— Сегодня день рождения нашего Хмызи. Я думаю, нам надо отпраздновать по челюскинской традиции это событие. Я уже говорил с Ваней Копусовым; он обещал дать кое-чего вкусного. Я предлагаю пригласить Отто Юльевича и еще кое-кого.

— Верно, ведь сегодня день моего рождения, а я совсем было об этом забыл за работой!

Через полчаса палатка стала деятельно готовиться к приему гостей. На примусе в нашем цилиндре-чайнике растапливался лед. Разбирались полученные от завхоза яства: банка молока, две банки рыбных консервов, масло, конфеты и коробка с мармеладом.

Вскоре стали собираться гости. Пришел Шмидт, Баевский, Копусов, Кренкель, Стаханов.

Какао вскоре было готово, и яства расставлены на нашем столе.

— Давайте подыдем тост за нашего новорожденного, — сказал Шмидт, беря в руку чашку какао. — Обстановка для праздника не совсем обычная, и, я думаю, вряд ли Павел Константинович помнит время, когда в этот день за него подымали тост какао, а не каким-либо другим напитком.

Все оживленно заспорили, когда это могло быть, и пришли к единодушному решению, что лишь в первые десять лет моей жизни.

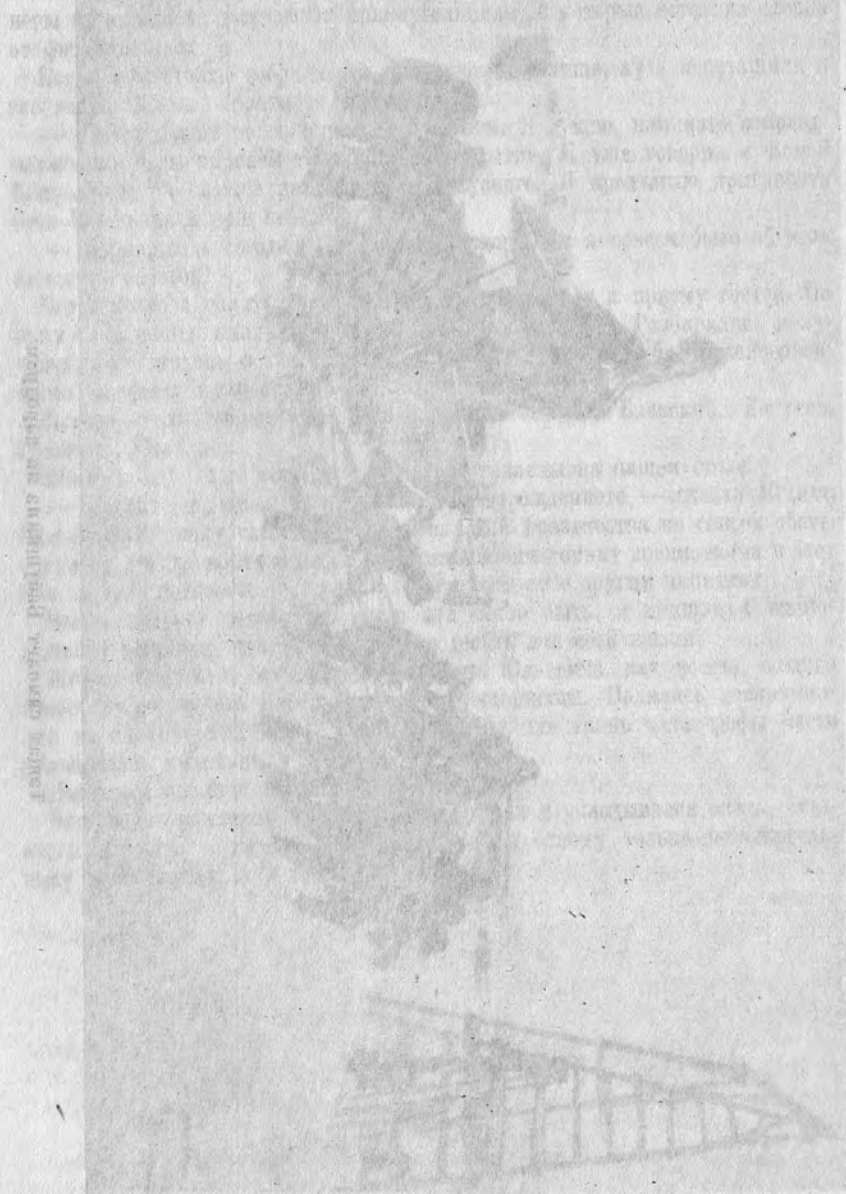
Живая, образная, остроумная речь Отто Юльевича, как всегда, создала атмосферу приятного веселья и непринужденности. Пошлись воспоминания из эпохи гражданской войны, эпизоды, где грань катастрофы часто разрешалась комизмом.

Далеко за полночь разошлись гости.

Этот «день рождения», думалось мне, когда я укладывался спать, останется навсегда в памяти и конечно не по одному только безалкогольному тосту какао...

Тащат самолет Бабушкина на аэродром

ОБЖИЛИСЬ...

Не хочется вылезать из теплого мешка. Сегодня моя бригада работает с утра. Делать нечего — вылез. Одеваюсь. Ватные штаны, свитер и валенки составляют весь несложный туалет.

В углу, возле ярко пылающей печи, возится Громов. Он сегодня дневальный по палатке и встал раньше всех на два часа.

— Дежурный! Какая погода? — кричит из угла Шафран.

— Да, дежурный, какая погода? — вторит из мешка Хмызников.

— Тридцать и восемь десятых. У нас ясно, в Уэлене пурга.

— Дежурный! Почему в Уэлене пурга? — вылезает из мешка Факидов.

— Кстати, дежурный! Почему в Уэлене пурга? — повторяет Аркаша.

— Дежурный! Почему в Уэлене пурга!? — режут со всех сторон.

— Заткнитесь! Черти заводные! — советует дежурный. — Чай вставайте пить.

Улучив минутку, когда Громов отвернулся, я зачерпнул кружку воды из высокого цилиндра на примусе, заменявшего нам чайник.

— Пэпэ! Опять воду крадешь, — закричал Шафран. — Не давать ему чаю!

С кружкой в руках выскакиваю наружу.

Ветер лениво трепыхал красный флаг за палатками.

— Як Як, слей мне. — попросил Гаккеля, возвращавшегося в палатку после короткой утренней прогулки.

Быстро мою лицо и с мокрой физиономией ныряю в палатку. На тридцатиградусном морозе мыть шею и уши не решаюсь.

Чай окончен.

— Хмызя, который час? — спрашиваю я.

Хмызников вытаскивает откуда-то из внутреннего кармана спичечную коробку. Осторожно вынимает из нее часы с разбитым стеклом, перевязанным толстой ниткой.

Это единственные часы в нашей палатке.

Остальные погибли на «Челюскине».

— Без четверти восемь, — сообщает он.

Выхожу из палатки собирать бригаду, так как часов нет у многих. У нас всего три бригады. В каждой бригаде две-три палатки. По палаткам удобнее выходить на работу и удобнее в отношении еды.

Моя бригада вторая — состоит из моей палатки, барака, палатки Тойкина и Мартисова и, наконец, двух «кустарей-одиночек» — Решетникова и Расса, живущих в других палатках.

В первой бригаде числятся палатки машинной команды и строителей. Бригадир — Толя Колесниченко, член бюро партячейки, на «Челюскине» был механиком, на льду стал «замнаркомтруда», и непосредственным руководителем всех авральных работ.

В третьей бригаде боцмана Загорского — палатки матросов и кочегаров.

— Петр Петрович! — окликнул меня Колесниченко. — Нужно отвезти дрова на аэродром, там у ребят все вышли. Плотники уже напилили.

— Есть! Отвезем. Где дрова лежат? — спросил я, подходя к нему.

— Там, у камбуза, — показал он рукой.

Четыре километра бугристых ледяных полей, торосов и опять полей. За много дней существования лагеря дорога крепко утоптана, в грядах торосов пробиты широкие ворота, на поворотах поставлены флаги.

В кожаных куртках, стеганых ватниках и ушастых шапках быстро идет девятнадцать человек. Звонко скрипит под ногами снег и визжат полозья. Пять человек, очередная «упряжка», тащат тяжелые нарты. У следующего флага их сменит другая «упряжка».

Солнце поднялось уже высоко. Веселыми, ослепительно белыми кажутся торосы.

Крепкий мороз пощипывает щеки, упругой бодростью наполняет тело.

— Хорошо жить на свете, Пэпеша! — хлопнул меня по спине Шафран.

— Даже на дрейфующем льду? — спросил я.

— Хоть на льду, — согласился Аркаша. — Только когда не торосит, — поспешил он добавить.

Идущие впереди остановились. Подошли остальные.

Поперек дороги чернела полоса воды. В морозном воздухе над ней клубился легким воздухом пар.

Пришлось свернуть с дороги в поисках переправы.

Нарты потащили по торосам вдоль трещины, проваливаясь по колено в снег. Наконец трещина сузилась до метра с небольшим. Кое-как переправились.

За грядой торосов началась ровная площадка аэродрома; в углу аэродрома стоял домик-палатка с деревянной дверью, пролезть в которую можно только согнувшись пополам. Над дверью дощечка с выжженной надписью: «Аэропорт 68° с. ш. 172° з. д.» Здесь живут наши аэродромщики Погосов, Валавин и Гуревич.

По бокам аэродрома тянутся две линии пестрых сигнальных флагов с «Челюскина». Они ограничивают прямоугольник в четыреста метров длины и сто ширины. За флагами со всех сторон видны гребни торосов и торчки ропаков.

По белой скатерти аэродрома рассыпаны бесчисленные следы ног. Двумя широкими полосами протянулись во всю длину площадки следы лыж самолета Ляпидевского.

Там, где оборвались следы, где недавно под крики «ура» поднялась стальная птица, торчали полуметровые плиты льда.

— Вот, Пэпэ, задание твоей бригаде, — показал на них комендант аэродрома Саша Погосов, комсомолец-моторист, попавший, вместо зимовки на Врангеле, на льдину.

Под звонкими ударами ломов брызжат осколки и откалываются большие куски прозрачного льда.

Разбитые глыбы льда увозят далеко за сигнальные флаги, за пределы аэродрома.

Отдельные куски разбиваем деревянными колотушками на месте, так как весь лед все равно не вывезти.

Лопатами счищаем бугры снега и разрыхляем твердые заструги, оставшиеся от недавней пурги.

— Черти! Кто же так работает? — набрасываюсь на троих. — Кто такие куски оставляет? — показываю на оставленные большие глыбы льда.

— Да брось, Пэпэ, такой кусок не помешает. Лыжа самолета свободно отбросит его, — доказывает один из троих.

— А начнется пурга и вокруг него наметет заструг. Нет, ребята, бросьте трепаться, Бабушкин велел оставлять куски не больше кулака.

— Ну ладно, только не ругайся, — соглашается споривший, возвращаясь к злополучным кускам.

Четыре часа работы, и там, где торчали льдины, теперь лежит ровным слоем раздробленный лед.

За палаткой среди ропаков уже мелькают черные фигуры людей. Это бригада Колесниченко — «кожаные комиссары», как называют в лагере из-за их кожаных тужурок обитателей палатки машинистов, сплошь коммунистов и комсомольцев. Сегодня они работают во вторую смену. Им предстоит расчистить ропаки в другом конце аэродрома, где тоже было торшение.

С пустыми нартами быстро возвращаемся домой, в лагерь. Вот последний поворот дорог, вдали за ропаками виднеются крыши домиков-палаток. Над ними вьются дымки, обещаая заслуженный отдых в теплой палатке, ставшей теперь такой уютной. Вот наша палатка. Сейчас она самая высокая в лагере, но матросы грозятся выстроить еще выше. Слева торчит тонкая черточка радиомачты и рядом с ней вымпел над штабной палаткой.

Вправо, в стороне от лагеря, едва возвышается над торосами плоская крыша барака. За ней, на высокой гряде, высится сигнальная вышка, над которой весь день выются алыми языками два флага. Это значит: — самолета сегодня не будет.

Мы в лагере. Расходимся по домам. На краю майны у камбуза группа людей над чем-то весело хохочет.

Я подошел к ним.

— Такой снимок будет иметь историческое значение!

— Вы понимаете, историческое значение! — кипятился Новицкий, размахивая «лейкой».

— Ой, Петя, убил!

— Историческое значение, говоришь? — смеялись окружавшие.

— Вам не понятно, так нечего смеяться, — Новицкий явно злился. Круто повернувшись своей маленькой фигуркой в длинном кожаном пальто в вязаном чепце-шлеме на голове, он прицелился «лейкой».

— Сделай испуганное лицо, да брось смеяться. Сорокин, слышишь ты! — кричал он.

— А вы тащите его, движения больше, — командовал он двум другим участникам фотоинсценировки.

Из глубокой трещины торчала смеющаяся физиономия Сорокина. Двое тащили его за руки.

До сих пор Новицкому никак не удавалось заснять чье-либо невольное купанье — как на зло люди проваливались в его отсутствие.

Тогда находчивый фотограф уговорил Сорокина залезть в замерзшую трещину для инсценировки невольного купанья.

Но, как ни злился Новицкий, собравшиеся зрители не хотели согласиться с «исторической ценностью» этого эксперимента. «Купание» получалось слишком веселым. Вконец разозлившийся Новицкий сердито сунул «лейку» в футляр и пошел в лагерь, провожаемый дружным хохотом.

— Пэээ, обедать! — услышал я голос дежурного Громова.

— Где ты пропал? Все уже обедают, а ты шляешься.

Нырять в палатку вслед за Громовым.

— Ноги! Ноги надо чистить! — заорали сразу несколько глоток.

Смущенный своей рассеянностью, выскочил назад, чтобы обить снег с валенок.

— Эх, серость! Снегу сколько нанес, — укоризненно покачал головой дежурный, когда я снова забрался в палатку.

Быстро справились с несложным обедом, состоявшим из похлебки, заменяющей и первое и второе.

Каждый получил по две кружки, и ведро уже опустело.

Обед окончен. Размещаемся по своим местам. Семенов, согнувшись в углу, записывает впечатления дня. Хмызников принимается за вычис-

ления координат местонахождения лагеря. Громов возится возле печки — моет посуду. Остальные ложатся подремать.

Я устраиваюсь поближе к окошку, через пять стекол которого падает яркая полоса света.

Сажу, согнувшись, на спальном мешке. Между колен зажато небольшое ободранное зеркало. Рядом со мной на чемоданчике покоится чашка с мылом. Скрипит бритва, снимая щетину, выросшую за четыре дня.

В дверь постучали.

— Войдите, — отозвался Громов.

Влез Кренкель, раздвигая портьеры, сделанные из одеяла, разрезанного пополам.

— Привет честной компании, погостить к вам можно? — пробасил он, шагая через спину Громова.

— Да у вас бритьем занимаются, — заметил он меня.

— Это у Пэпа псих такой, — сонным голосом пробурчал Гаккель, разбуженный появлением Кренкеля.

— А я свою бритву утопил, — сказал Кренкель, усаживаясь на сложенных в кучу малицах.

— Как же это? — спросил я.

— Вскочил в каюту, схватил бумажник, трубку, а бритву забыл. А жаль, бритва мировая была, — пожалел Кренкель.

— Нет, я бритву спас и два куска копенгагенского мыла.

— Мыла, на кой чорт?

— Как на кой чорт, помыться на берегу после всего. Места много не займут — сунул в карман, и хоть пешком на берег.

— А слышал, как стармех начудил? — спросил Кренкель.

— Нет, а что?

— Когда «Челюскин» тонул, он зашел в каюту одеться. Открывает шкаф. Там костюм висит новый заграничный. Вынул из шкафа. Посмотрел со всех сторон: ну, куда я его на лед возьму, помнется, запачкается, надену старый, — подумал и повесил обратно в шкаф.

Все рассмеялись.

Я кончил бриться.

Возле палатки завизжали чьи-то шаги.

— В палатке, пора на диамат! — раздался голос Стаханова, старосты семинара по диалектическому материализму.

Один за другим вылезли «на улицу».

По дорожкам среди палаток уже шли Отто Юльевич, Бобров, машинисты и штурманы.

В бараке темно. Посредине тускло горят три коптилки, освещая сутулившуюся фигуру Шмидта за низким столом из судовых люков.

В полумраке смутно вырисовываются фигуры людей на полу. Больше половины жителей лагеря собралось послушать Отто Юльевича.

Сегодня он говорит об основных течениях в философии и об их отражении в современном естествознании.

Казалось бы, уже прежде знал я, о чем говорит сейчас Отто Юльевич в своей пока еще вводной лекции; казалось, уже раньше читал, прорабатывал на других семинарах.

Но как-то по-новому, ярко и вышукло, без единого лишнего слова рисует он две линии в философии, показывает, как за словесной мишурой многих учений и учениц скрывается непримиримая борьба идеализма и поповщины с материализмом. Примерами он раскрывает всю несостоятельность, беспомощность буржуазной философии в современной физике, биологии, острой насмешкой бичует «ползучий эмпиризм» многих естествоиспытателей, боящихся «философии».

Как-то по-новому все укладывается в голове, и неожиданно я убеждаюсь, что до сих пор, в сущности говоря, я ничего толком не знал.

— Как бесконечно много нужно работать над собой, — сверлит в мозгу, — чтобы вот так просто, легко разобраться во всем. Скорее бы на берег, скорее бы к книгам, к работе над собой.

Семинар закончился поздно вечером горячими спорами.

Возвратившись в палатку, долго еще делились впечатлениями от лекции.

В углу за печкой все в той же шведской банке плавится лед для вечернего чая. Часа через полтора будет готов. Под гудение примуса занялись своими делами.

Хмызников продолжает вычислять координаты. Посредине палатки четверо: Громов, Семенов, Як Як и Аркаша «забивают козла».

Ибрагим, большой любитель поговорить, тщетно пытался убедить «козлов» в бесполезности их занятия и, ничего не добившись, ушел в другую палатку в поисках собеседников.

Из чемоданчика я достал сказки Киплинга и английский словарь, но сегодня занятия как-то не клеились.

Я сидел против печки. В широком отверстии огненными язычками падала нефть на догоравшее полено. Капризным зверьком плясал огонь, подпрыгивая под редкими каплями.

Обняв колени руками, я следил за игрой огня.

В трубе гудел ветер. Начиналась пурга.

Как давно это было... Двадцать лет...

Мальчиком сидел я возле печки. Сквозь решетку колосников падали раскаленные угольки.

За окном, закрытым ставнями, носился шалый степной ветер. Домик стоял на окраине города, далеко на Украине.

В комнате тихо.

Давно это было...

Потом с куском хлеба в кармане уходили двое мальчишек за город.

Свистели в степи суслики, в знойном небе звенел жаворонок, на горизонте синели курганы. Провода звучно гудели над рельсами.

Потом широкий простор Днепра, криканье уток на заре, звон комаров в камышах.

В стремительном реве порогов научился любить воду, владеть собой и лодкой.

Годы шли.

Надувались паруса на зеленой зыби бурного моря. Легкий карбас нырял в быстринах Туломы. Молчали полярные ели.

Под самым носом судна буруны вздымались в тумане на Новой Земле. Торжественной панорамой разворачивались горы Крестовой губы, отражаясь в зеркальной глади залива.

С шорохом сломалась первая льдина в Матшаре; поплыли, качаясь, обломки.

В тяжелых льдах застрял «Сибиряков», пробивая дорогу на восток.

И, наконец, «Челюскин».

Огонь торел на льдине.

Хорошо, что я пошел на «Челюскине», отказался от другой экспедиции.

— Пэпэ! Замечтался. Сидит у печки и не видит, что дрова прогорели. Шляпа! — напал на меня Хмызников.

— Иди к чорту! — окрысился я, чувствуя, что он прав.

В дверь ворвались клубы морозного пара. Появилась бородастая до ушей голова Факидова.

— «Козлы»! Чай не пьете? — спросил он, весело улыбаясь.

— Залезай скорее, сейчас будем пить, — отозвался Громов, принимаясь за свои обязанности дежурного.

Чай, наконец, нагрелся. До кипения его не доводили, так как не хватало терпения ждать.

Стол накрыт. Стоят семь чашек, лежит тряпка с сахаром. При общем внимании Громов раскладывает содержимое банки рыбных консервов в семь пустых жестянок.

— Борис, сюда мало положил. Здесь больше, — помогают ему окружающие.

Поздно вечером ложимся спать. В маленькой палатке разместиться всем далеко не просто.

У задней стенки, противоположной входу, укладываются Семенов и Шафран — головами к боковым стенкам, ногами к середине. Ближе к середине лежат Громов и Гаккель. Затем ложится Факидов, и последними устраиваемся мы с Хмызниковым.

В одном белье залезаю с головой в мешок, оставив отверстие против носа. На ногах теплые пимы. Печка погашена на ночь — приходится экономить топливо. Быстро стынет палатка, но в теплом мешке из густого собачьего меха не чувствуется холод, хотя температура в палатке обычно бывает около двадцати пяти градусов ниже нуля.

XII. ТРЕВОЖНЫЕ ДНИ

После работы я сидел с книжкой Киплинга в руках, перечитывая ее с увлечением, кажется, уже в десятый раз.

Вдруг что-то с силой ударило по льду и резко толкнуло палатку и сидящих в ней.

Все на несколько мгновений застыли в тревожном ожидании.

Снаружи донесся шум торошения.

— Началось, — сказал Гаккель, с костяшкой в поднятой руке. Вчетвером мои товарищи по палатке опять «забавляли козла».

— Ты слышал? — почему-то спросил меня Шафран.

— Еще бы! — усмехнулся я, пряча книжку и словарь в чемоданчик. Факидов торопливо искал шапку, затерявшуюся в куче малиц и спальных мешков. Вышли.

В глубоком темном небе ярко горели звезды. Возле палатки, под треногой на льду тускло мигал фонарь, оставленный определявшимися сегодня по звездам Хмызниковым.

Из всех палаток торопливо выходили люди и настороженно прислушивались.

В морозной ночи мрачно гудело сжатие льдов. Казалось, весь воздух наполнился грозным шумом, треском и визгом. То там, то здесь в темноте трещали как будто одиночные винтовочные выстрелы, рассыпались частой пальбой, покрываясь через минуту отдаленным гулом орудий.

— Как на фронте, — вполголоса сказал кто-то рядом.

— Противник пошел в наступление, — отозвался другой.

Помолчали.

— Как бы до лагеря не докатилось, — встревоженно сказал тот же голос.

Опять стояли молча, подавленные грозной симфонией сжатия, происшедшего по всей линии майны у камбуза.

— Вот где жмет!

Опромяные льдины со скрежетом, треском вылезали вверх из трещины и громоздились одна на другую.

С другой стороны трещины показались темные фигуры. Это были жители барака, находящегося за майной.

— Ну, как у нас в бараке? — крикнул я, отбываясь перескочить через забор.

— Пока ничего, все в порядке, — доносилось оттуда.

Решил пройтись вдоль забора. Вот забора. К счастью скотина мало стонет от жести.

Отодвинувшись от забора,

— Когда только жести нет, — услышал я.

— Ну, подожди, — крикнул я.

— Простите! — крикнул я.

— Не волнуйтесь, — крикнул я.

— Не волнуйтесь, — крикнул я.

— Азорова, — крикнул я.

— Со стороны, — крикнул я.

— Товарищи, — крикнул я.

— А скотина, — крикнул я.

— Ну, что скажете, — крикнул я.

— Конечно, — крикнул я.

— Конечно, — крикнул я.

— Конечно, — крикнул я.

— Конечно, — крикнул я.

— Конечно, — крикнул я.

— Конечно, — крикнул я.

— Конечно, — крикнул я.

— Конечно, — крикнул я.

— Конечно, — крикнул я.

— Конечно, — крикнул я.

Хмызников за астрономическим определением

— Конечно, — крикнул я.

— Конечно, — крикнул я.

— Конечно, — крикнул я.

— Конечно, — крикнул я.

— Конечно, — крикнул я.

— Конечно, — крикнул я.

ХИМИКОВ 33 СТОПАНСТВО

— Ну, как у вас в бараке? — крикнул я, стараясь перекрычать грохот льда.

— Пока ничего, все в порядке, — донеслось оттуда.

Решил пройти вдоль майны. Вот камбуз. К счастью сжатие шло стороной от него.

Отдельными группами стояли люди.

— Когда только кончится? Вчера сжатие, сегодня сжатие, а самолета все нет, — узнал я знакомый голос.

— Ну, подожди немного. Прилетит, — ответил предсудкома Румянцев.

— Прилетит! Пока прилетит, к чертовой матери все ломает, — выругался тот же голос.

— Не горячись! Льда хватит. Поломает здесь, на другое место перейдем. Всего дела-то! — продолжал Румянцев.

— Не горячись, говоришь? Аэродром ломает... Куда самолет сядет? Конец нам будет здесь, вот что!

— Аэродром новый сделаем. Небось научились. А погибать нам не к чему.

Со стороны лагеря подошел Колесниченко.

— Товарищи! Отто Юльевич велел идти спать. Завтра с утра пойдем на аэродром, нужно отдохнуть.

— А сжатие? — неуверенно спросил кто-то из группы, стоявшей у майны.

— Ну, что сжатие, не стеречь же его нам всем; вахтенный разбудит, если потребуется.

Неохотно пошли к палаткам.

Высоко над лагерем вспыхнуло пламя, взметнулось зеленой лентой и словно замерло, раскинувшись широкой дугой, тихо разгораясь у самого горизонта. Прошло несколько секунд, и вдруг снова ожило небо. Торопясь, догоняя друг друга, побежали волны света по разгорающейся полосе. Вспыхнуло и полилось еще выше новое пламя, хлынуло стремительным потоком, заискрилось розоватыми язычками, чтобы на мгновение потухнуть и затем, снова и снова разгораясь, залить ликующим огнем все небо над ледяной пустыней.

Темными силуэтами стояли домики-палатки. Над крышами приветливо вились дымки, желтые блики падали из окошек на лед и на дорожки, почерневшие за много дней.

— Колхоз-то у нас мировой. Правду говорю, Пэпэ? — догнал меня Миша Филиппов.

— Колхоз хороший, только некоторые колхозники губы распускают, — вспомнил я разговор у майны.

— Ну, ничего, таких у нас немного; за каждым из них ребята приглядывают, — ответил Филиппов.

Все снова собрались в палатке. Снаружи слышались звуки торошения. Немного посидели, прислушиваясь к трохоту льда.

— А ну его к чорту, давайте ложиться, — не выдержал я.

В дверь шумно ввалился Хмызников с теодолитом в руках.

— Як Як, сегодня определиться нельзя. От толчков уровни смещаются все время. Ложусь спать, — объявил он, грея руки у печки.

— Лучше не раздеваться. Мало ли что случится ночью, — предложил Факидов, сидевший у печки, не снимая шапки.

— Ну, спасибо тебе, в грязных штанах залезать в мешок, — возразил Гаккель, по привычке аккуратно складывая ватные штаны, как будто их только что выгладили.

— А по-моему лучше сейчас поступиться удобствами, чем оказаться потом на льду без штанов и без валенок, — уже горячась ответил Факидов.

— Ну, и спи в штанах и в валенках, кто тебе мешает, а я одеться всегда успею, — сказал Гаккель, укладывая злополучные штаны в виде изголовья.

Раздевшись, и я залез в мешок. Однако заснуть удалось не сразу. Зарывшись с головой в теплый мех, еще долго чувствовал толчки под боком, отгоняя назойливую мысль: «а вдруг треснет под палаткой».

Факидов до утра просидел возле печки, не решаясь лечь.

Самолета все не было... То начиналась пурга в Уэлене, то не ладилось с моторами.

Обычно с утра разносилось по лагерю:

— Самолет готовится к полету!

Начинались оживленные сборы на аэродром. Давно был составлен список отлетающих в первую очередь: больных и слабосильных.

Проходил час-другой. Самолет не вылетал из Уэлена. Настроение заметно портилось. Проходил еще час тоскливого ожидания.

— Полет откладывается до завтра, неполадки в левом моторе! — сообщали, наконец, из Уэлена.

Между тем в районе лагеря и вокруг аэродрома каждый день происходили подвижки льда. То там, то здесь появлялись новые трещины, вырастали гряды торосов, грозя разбить аэродром и разрушить с таким трудом налаженный уют лагеря.

ОПЯТЬ ВЕРНУЛСЯ...

— Аркан, рыжий! дай бороду потрогать, — протянул руку Громов.

— Уу, борода мировая! — Аркаша поднял бороду, жмурясь как кот, у которого щекожут под шеей.

— Аркадий, давай не бриться до Ленинграда, — предложил Факидов, обладатель не менее густой бороды, только черного цвета.

— Спрашиваешь! Приеду домой, кхе-кхе, старый полярник, одна борода чего стоит, — важно поглаживая бороду, отвечал Шафран.

— Ой, малый — хвостун, — воскликнул Громов, — да тебя Нина на порог дома не пустит. По волоску всю бороду выдергает.

В дверь постучали.

— Товарищи, пятнадцать минут назад Ляпидевский вылетел из Уэлена, — сказал Колесниченко, присаживаясь на корточки перед дверью.

— Вы, Петр Петрович, соберите побыстрее вашу бригаду — повезем на двух нартах больных на аэродром, — продолжал он, обращаясь ко мне. — Нарты уже готовы, — добавил он, вылезая из палатки.

— Вот это здорово! — пробасил Хмызников: — уже летит!

— Сингапур, слышишь? Самолет летит! — радостно закричал Шафран и навалился в обнимку на Факидова, опрокидывая ногою «стол».

— Тихе, ты, чорт рыжий, всю посуду перебьешь, — заворчал Громов, подбирая полетевшие на пол чашки.

— Чорт с ней, с посудой! На берегу скоро будем! — вскочил Шафран. Я выбежал из палатки. Собирать бригаду не пришлось, так как уже по всему лагерю Колесниченко сообщил радостную весть.

Быстро собрались, посадили больных на нарты и пошли.

Над сигнальной вышкой развевался только один флаг, означавший, что самолет вылетел в лагерь.

Быстро шагали по утоптанной дороге. Подпрыгивая на бугорках скрипели нарты, на которых везли больных: повара Козлова и плотника Баранова, заболевших еще на «Челюскине». Бегом пускалась «упряжка», как только выходили из торосов на ровное поле.

То один, то другой оборачивался назад, посмотреть на вышку в лагере.

— Ну, что там?

— Один флаг, самолет летит! — весело раздавался ответ.

Вдали показалась крыша палатки, стоявшей на аэродроме.

— Ну, дядя Саша, обедать в Уэлене будешь, — хлопнул Нестеров по спине моториста Иванова, — а ты все грустил.

Весь мокрый от быстрой ходьбы Иванов только радостно улыбался. Сегодня и он верил в прилет самолета.

— Флаг!.. Флаг поднимают!.. приподнялся вдруг Козлов, молча сидевший на нартах, лицом назад.

Как по команде все остановились.

Далеко за ропками на сигнальной вышке черная фигурка что-то делала, перебирая руками. Над ней рывками подымался второй флаг.

— Вернулся в Уэлен, — растерянно произнес чей-то голос за спиной.

Сомнений не было: над вышкой развевались два флага, говоря о том, что самолета сегодня не будет.

Настроение как-то сразу упало. Повернули обратно. Еще один летный день пропадет впустую. Расстроенные вернулись в лагерь и разбрелись по палаткам.

Как сообщили из Уэлена, самолет долетел до мыса Инцова, но там у него сдал левый мотор, и летчику пришлось возвращаться в Уэлен.

Пообедали молча. Аркаша забрался в самый угол палатки и сосредоточенно курил.

— Ты чего насушился, Аркаша? — спросил Семенов, присаживаясь около него.

— Сергуня, когда самолет будет? Я домой хочу, посидел на льду и хватит, — шутя захныкал Шафран.

— Ну, не плачь, Аркаша, мама пирожков напечет к твоему приезду. А пока живем на льду, займемся палаткой, — предложил Семенов.

— Что мне палатка, я домой хочу, к маме.

— Положим, не только к маме, — сказал я, вспомнив трогательную сцену проводов в Мурманске, — а пока все же одевайся, пойдем за досками для полки.

— Ну, пойдем, — вылез из угла Аркаша.

Весь день провозились с благоустройством палатки. Туго натянули одеяла по стенкам, аккуратно обшили потолок листами фанеры. У передней стенки приделали еще несколько полок.

— Настоящий буфет карельской березы, — сказал Як Як, раскладывая по полкам металлические кружки и трипцы с сахаром, мукой и маслом.

— Звонят, дежурный! За ужином! — закричал я, заслышав, как повар, дядя Саша, колотил ножом по сковороде, оповещая весь лагерь о том, что ужин готов.

Пулей вылетел из палатки сегодняшний дневальный Хмызников с пожарным ведром в руках.

После работы удивительно вкусной казалась неизменная похлебка из лапши с редкими кусочками мяса.

— Кому добавок? — зачерпнул дежурный со дна ведра кружку супа. — Пепэ, тебе добавок, ты у нас вроде тощей фараоновой коровы — ешь и не толстеешь.

— Да, за тобой трудно угнаться, ишь как поправился, — ответил я, уплетая третью кружку супа.

— В пять часов в барак на информацию, — закричал снаружи Филиппов.

— Есть в пять часов! — отозвались мы.

— Кому еще добавки? — предложил Хмызников, выливая в кружку остатки из ведра.

Вдруг легкий толчок... Другой... Опять жмет...

— Ну, это хамство, пообедать спокойно не дают в этом доме, — обозлился Аркаша.

Факидов выскочил посмотреть, где торосит.

— Хорошо, когда в палатке есть «болеющий» по части сжатий: сиди спокойно и не волнуйся, — сказал Як Як,ковыряя спичкой в зубах.

— Где жмет, Ибрагим? — спросил он Факидова, вернувшегося через несколько минут.

— Торосит за палаткой кочегаров, шагов за сто. Под складом свежая трещина, — сообщил Ибрагим.

НОВОСТИ С БЕРЕГА

Через день, через два все население лагеря собиралось в бараке на очередную информацию.

При свете коптилок, согнувшись над каракулями Кренделя, Отто Юльевич читал радиосводку, полученную из Москвы.

Жадно слушаем новости с далекой земли.

— Сначала о том, что вообще делается на свете. Соединенные Штаты отказались признать Манчжоу-Го. Это интересно... — и в двух словах Отто Юльевич исчерпывающе объясняет значение этого факта.

— Задута вторая домна Кичкаса, — читает дальше Отто Юльевич.

Без объяснений понятно каждому. Вспомнилось... В 1927 году я видел, как задрожали под ударами взрывов седые граниты Днепра, помнившие курени запорожской вольницы, пенье татарских стрел, плеск весел острогрудых варяжских челнов и дым костров первобытных стоянок. А теперь по всему миру оттуда был слышен гул гигантских турбин, звучавших радостью в сердцах людей на далекой льдине...

— На юге начался ранний сев... Широко разворачивается соревнование колхозных бригад... — продолжал Отто Юльевич.

А вот и о нас. Французские газеты пишут о мужестве челюскинцев, месяц живущих на льду Полярного моря.

Из далекого Дагестана колхозники аулов шлют братский привет, твердо верят, что не сдадутся люди на льду, не забудут, что они сыны великой социалистической родины.

— Нет, мы не одни.

Вся страна, от высоких башен Кремля до аулов в неприступных горах, следит за нами, твердо верит, что мы не сдадимся.

Хотя «Смоленск» попрежнему был далеко, хотя морозы попрежнему не давали Липидевскому пробиться в лагерь, хотя попрежнему гудели сжатия, все уходило из барака бодрее с оживленными разговорами.

Нет, мы не похожи на потерпевших крушение, на обреченных на смерть в одиночестве. Окружающее нас тоже не похоже на остатки кораблекрушения.

Это такая же стройка, каких тысячи разбросаны по советской земле, и будни здесь такие же, как и всюду.

Мы в палатке. Монотонно гудит примус за печкой.

Я сижу на спальном мешке. На коленях черный маленький чемоданчик с прикрепленной на его углу копилкой с двумя язычками пламени. Это мой письменный стол с настольной лампой, возбуждающий всеобщую зависть в нашей палатке. На «столе» толстая тетрадь — пишу мой дневник.

— Папэша, посмотри по своей тетрадке: долго ли еще нам сидеть на льду? — попросил Аркаша.

Как-то вначале я шутя сказал, что сидеть на льду буду до тех пор, пока не допишу свою тетрадь.

Закладываю палец между исписанными и чистыми страницами.

— Еще один месяц, Аркаша, — отвечаю, сравнив толщину страниц.

— Папэша, пиши побольше, — попросил Шафран.

В дверь постучали.

— Илья Леонидович, дорогой гость в нашем доме! — приветствовал Шафран вошедшего. — Только уговор, на пельмени не рассчитывать, — показал он на доску с заготовленными пельменями, продуктом творчества Факидова.

— Да ну тебя с пельменями! Я к тебе, Сергей. По поводу второго номера стенгазеты. Масса материала поступила, еще больше, чем в первый номер, — сказал Баевский.

— Проходи сюда, — подвинулся в углу Семенов.

— Илья Леонидович, что это у вас, Пушкин? — спросил я, заметив книжку у него в руках.

— Да, Пушкин. Я сейчас читал строителям «Медного всадника».

— Вы, Илья Леонидович, с Грозовым у нас вроде бродячих музыкантов: он — с патефоном, вы — с Пушкиным по всем палаткам выступаете, — сказал я.

— Папэ, не ожидал от вас! Пушкин и патефон... Вы озорничаете, Папэ, — возмутился Баевский.

— Илья Леонидович, не сердитесь, я только пошутил.

— Плоская шутка. Вы лучше посмотрите, как принимают Пушкина те же строители. Это лучшее средство отвлечь людей от хандры.

Револьверным выстрелом где-то поблизости треснула льдина. Вот еще выстрел... Глухой шум.

— Звуковое оформление «Медного всадника»:

Нева вздувалась и ревела.
И вдруг, как зверь остервенясь...
На лагерь кинулась... —

продекламировал Шафран.

Гул усилился, как будто приближаясь к палатке.

— Вот чорт! Как ночь, так и сжатие начинается, — возмущенно произнес Гаккель,

Замолкли, стараясь по звуку определить, в каком направлении началось торошение.

На этот раз лед наступал с тыла лагеря. Торосило где-то совсем близко, за продовольственным складом.

Весь вечер гудел лед, и долго не давали заснуть легкие толчки под боком.

САМОЛЕТ ПРОПАЛ

Что-то плохо читалось сегодня. Английские слова упорно не хотели строиться в понятные фразы. С досадой закрыл книжку и вышел из палатки.

— Ну, что, ничего не известно? — спросил Симу Иванова, проходившего мимо.

— Нет, ничего, — неохотно ответил он.

У палатки машинистов стояла группа. Я подошел.

— Да... темнеет уже... — сказал Колесниченко. Я встретился с ним глазами. У него, как у всех в лагере, в сосредоточенной внимательности взгляда чувствовалось затаенное беспокойство.

— Вот, Пэпэ, дела какие! — Ваня Нестеров положил мне на плечо свою тяжелую лапу. — Что скажешь?

Молча постояли. Говорить не хотелось. Вернулся в палатку.

— Ну, что там слышно? — спросил Гакбель.

— Ничего нового.

Опять развернул потрепанную книжку «Американский географический журнал», три номера которого случайно оказались на льду.

— В сорок девятом году три американца у Мельничного Ручья за семь дней намыли золота на 17 тысяч долларов. Весть об этом разнеслась по всему миру. В течение года свыше двухсот судов вошли в Золотые Ворота. Потоки людей, охваченных золотой лихорадкой, хлынули через Миссури, Панаму и Мексику, направляясь к маленькой деревушке, носившей еще год назад никому неизвестное имя — Сан-Франциско.

— Но где же он, неужели разбился? — все настойчивее сверлило голову, не давая сосредоточиться на красочной истории Сан-Франциско.

Уже вечер, а самолета нет ни в Уэлене, ни в Ванкареме.

— Где же он?

Несколько дней назад было решено перенести авиабазу в Ванкарем. Отсюда ближе к лагерю, и, главное, погода здесь устойчивее, чем в Уэлене.

С мыса Северного на собаках туда же доставили радиостанцию, а сегодня утром туда же вылетел Лянидевский и до сих пор о нем нет известий.

— Левый мотор все время капризничал у него. Сел где-нибудь... — неожиданно сказал Громов, словно отвечая своим мыслям.

Вчетвером они опять «забивали козла».

— А где тут сядешь? В море торосы, по берегу — горы, — сказал Гаккель, сосредоточенно рассматривая костяшки домино у себя на ладони.

— Неужели наше спасение будет стоить человеческих жертв? — вырвалось у меня то, что тревожило всех нас в этот вечер.

Это было 14 марта. Следующий день не принес ничего нового. Самолет пропал неизвестно где. На поиски выехали на собаках из Уалена и Ван-карема.

Между тем погода явно портилась, и 16-го днем разыгралась пурга. В снежной мгле выпшка на гребне торосов посерела и как-то съежилась, палатки словно старались прижаться ко льду, пританиться под бешеным воем пурги.

Гигантской птицей, то показываясь на мгновение, то скрываясь в ре-вущих потоках снега, бьется флаг на согнувшейся под ударами ветра мачте.

Пусто в лагере. Никому не хочется покидать в такую погоду уютное тепло палатки.

Снаружи ревет ветер, ухает в трубе, рвет брезент на крыше, то уносится куда-то, то опять налетает и стучит по палатке, словно стараясь ее опрокинуть. Снегом густо залепило маленькое окошко, метет в щель под дверь.

Ярко пылает струйка нефти в печке, растекаясь горячим огнем по полу. Убаюкивающе гудит примус на своем чурбане в углу. Приветливо мигают язычки пламени коптилок, освещая палатку.

Все «дома». Сидят, что-то читают, пишут. Трое дремлют по углам.

Я мою посуду после ужина, так как сегодня я дневальный и все хозяйственные хлопоты лежат на мне.

Хорошо в палатке, тепло за двойным брезентом и стенкой из одеял и фанеры.

— Где же они? У нас так тепло, уютно, а у них... Может быть там раненные? Одни в пурге, вдали от жилья... мороз... ветер, заносит снегом разбитый самолет, — опять крадутся тревожные мысли.

Сильный порыв ветра сорвал угол второго брезента и бешено захлопал по палатке. Хлызников быстро оделся и выскочил наружу.

Закрепив брезент, весь обсыпанный снегом, ввалился он обратно в палатку и бросился к печке.

— Ну и погодка! Невесело им сейчас, — покачал он головой, растопырив замерзшие пальцы перед огнем.

Примус загудел неровными вздохами.

— Дежурный, керосина нет! — закричал Гаккель, хотя я уже доставал из-за печки бутылку для керосина.

— Дежурный, керосина нет! — гаркнул над ухом Хмызников.

— Слышу, слышу.

— Дежурный, примус гаснет! — проснулся в углу Шафран,

— Да ну вас! — схватив пустую бутылку, выскочил на улицу.

Леденящий ветер обжег лицо иглами снега. На мгновение захватило дыхание. Натнувшись голову, ныряю в пургу, словно в холодную воду. Бочка с керосином стояла у палатки матросов.

Из серой мглы показалась фигура человека. Кто-то шел со стороны аэродрома.

— Жора с аэродрома! Ну, что там? — с трудом узнал я обледеневшую физиономию Валавина.

— Ломают во-сю, запасную площадку тоже... — едва шевеля замерзшими губами, ответил Валавин.

— Жора, скорее три правую щеку. Вот здесь. — показал ему на белое пятно на лице. — Ты чего в такую погоду отправился?

— Про Ляпидевского ребята хотят узнать. Где он? — ответил Валавин, растирая снегом щеку.

— Неизвестно ничего... Где-то сел.

С керосином в бутылки вернулся в палатку. Рассказал новости об аэродроме.

— Ляпидевский пропал. «Смоленск» далеко... Аэродромы ломает... Веселенькая история, — усмехнулся Аркаша.

— Да, посидеть придется долго, — задумчиво протянул Як Як.

— Ничего, посидим, продовольствия хватит. Топлива тоже. Прилетят же они когда-нибудь, — с уверенностью сказал Хмызников и сел поближе к печке.

— А куда они сядут? На ропаки? — сверкая глазами, вскочил Факидов, молча лежавший у стенки. — Ты слышал, аэродромы ломает! Запасные площадки ломает! Пока доберутся сюда, здесь ничего не останется, — набросился он на Хмызникова.

— Новые сделаем. Площадки подходящие пока еще найдутся, — возразил я.

— Найдутся? А их не ломает? Вчера Расс вернулся с запасного аэродрома — весь разбило. Сегодня другой аэродром шляпой накрылся. Много их здесь, как ты думаешь? — уже почти кричал Факидов посредине палатки.

— Пока еще есть. А нервничать, как ты, нечего, — пожал я плечами, чувствуя, что начинаю злиться.

— Как нечего? Что ты врешь? Надо прямо смотреть в глаза правде. Зачем притворяться, как все вы. И ты, и Хмызников, и все вы... вы тоже боитесь, что мы погибнем здесь, — размахивая рукой, кричал Факидов. — Так нечего корчить артистов каких-то, притворяться, что вам не страшно, что...

— Да замолчи ты, перестань истерику закатывать. — оборвал я его, чувствуя, как накинута во мне злость и что еще минута, и я наговорю тысячу грубостей, изругаю его,

— Постой, Ибрагим, ты не прав сегодня, — Семенов протянул к нему руку. — Никто здесь не притворяется. Просто спокойнее ко всему относиться.

Тихий голос Семенова, молча сидевшего до сих пор, подействовал на Факидова. Что-то пробурчав себе под нос, он отодвинулся в сторону, на свое место.

— Как будто все мы не понимаем, чем грозит поломка аэродромов, — сказал я, усаживаясь поглубже на своем «кресле» из малицы, довольный тем, что сдержался и не обругал Факидова.

18-го утром пурга затихла. То там, то здесь на сером небе появились голубые прогалины. Выглянуло веселое солнце, засверкало яркими бликами по ропакам и упругим снопом лучей упало в темный угол палатки.

По лагерью с утра разнеслась радостная весть.

Самолет Ляпидевского сел на лед у острова Колючина из-за поломки рамы левого мотора. При посадке сломал шасси, но люди все целы.

Словно камень свалился с плеч.

Как сообщили с берега, еще 16-го Ляпидевский и Петров добрались до Ванкарема, но там не работало радио, и только сегодня они смогли сообщить о себе.

Вечером в бараке опять слушали информацию.

«Смоленск» подошел к мысу Олюторскому и успешно выгрузил семь самолетов.

— Семь самолетов, — повторил Отто Юльевич, оглядывая окружающих, — пять «Р-5» и два «Ш-2». Самолеты уже собраны и готовы к полету. Ждут улучшения погоды.

Дальше...

Водопьянов, Галышев и Доронин благополучно сели в Николаевске на Амуре.

— Но этого мало, — голос Отто Юльевича зазвучал торжествующей радостью, — во Владивостоке грузится еще один пароход с самолетами, аэросанями и всем необходимым для спасательных работ.

И, наконец, в качестве глубокого резерва к нам идет «Красин». Он заканчивает погрузку угля и наднях выходит в море.

Поистине гигантский размах приняли меры для нашего спасения.

Рядом со мной стояли двое строителей. Один из них, не спуская глаз со Шмидта, словно застыл с приоткрытым ртом, весь поглощенный тем, что читал Отто Юльевич.

— Слыхал? — тронул меня за локоть другой, как будто стремясь найти выход охватившему его волнению.

А волноваться было от чего.

Мы не были брошены в ледяной пустыне. На помощь нам шли корабли, летели самолеты, тысячи людей, вся страна была с нами.

— Но и мы со своей стороны должны сделать все, чтобы самолеты смогли нам помочь, — продолжал Отто Юльевич. — Старый аэродром сильно поврежден, подвижки льда продолжаются почти ежедневно. Не покладая рук мы должны расчистить новые площадки, построить запасные аэродромы.

Крепко падали в сознание каждого слова Отто Юльевича, и долго в этот вечер бодро гудели палатки.

НА АЭРОДРОМАХ

Работы начались с утра. Еще затемно, лежа в спальном мешке, сквозь сон, слышал я веселые голоса, топот бегущих ног и звон лопаты о лед. Это бригада боцмана Загорского собиралась на аэродром.

Наша бригада сегодня работала в третью смену, после бригады Колесниченко. Сорок пять минут быстрого хода по крепко утоптанной дороге, и мы на аэродроме.

— Здорово его покорежило! — воскликнул Громов, как только мы вышли из-за торосов на ровную площадку перед палаткой «аэродромщиков».

Посредине аэродрома во всю ширину высилась гряда торосов в 2—3 метра высотой. Зеленые тлыбы нагромодились там, где только несколько дней назад мы старались не оставить ни одного крупного куска льда.

В стороне, справа, словно стрелки в цепи, рассыпались черные фигурки по белому полю. Бригада Колесниченко заканчивала работу.

Я подошел к ним.

— А, Пэпэ, здорово! — приветливо улыбаясь, встретил меня Володя Задоров, раскалывая сильным ударом лома оставшуюся льдину.

— Смотри, сколько расчистили, — показал он на ровную полосу мелко-раздробленного льда. — Ну-ка, попробуйте вы столько сделать, — обратился он к подошедшим из нашей бригады.

— Сделаем, Володя, вот увидишь.

— Не хуже вас сделаем, — отозвалось несколько голосов.

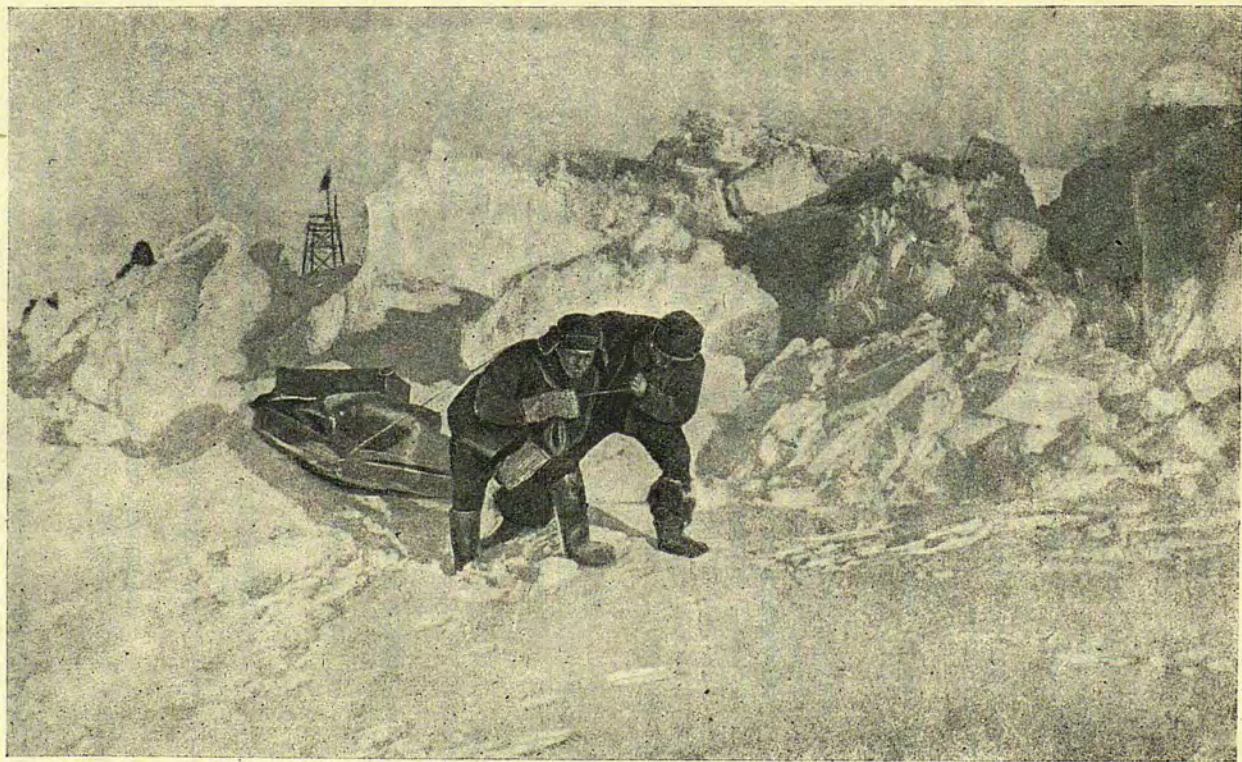
Быстро разобрали по рукам лопаты, тобоганы и трамбовки — весь наш несложный «ледокольный» инструмент. Приступили к работе.

Остаток аэродрома, на который когда-то сел Ляпишевский, был отделен невысокой грядой торосов от небольшой ровной площадки однолетнего льда.

Нам предстояло расчистить эту гряду и соединить обе площадки в один новый аэродром.

Вот свежие следы работы бригады Колесниченко. Молодцы ребята! Много сделали.

Невольно берет сомнение — успеем ли мы снести гряду сравнять все заструги снега и бугры льда, успеем ли все это сделать за четыре дня, то есть в срок, данный Отто Юльевичем?

На аэродром с тобоганом

— Мы не можем допустить, чтобы из-за отсутствия аэродромов самолеты не смогли снять людей со льда, — вспомнились слова Отто Юльевича.

До их прилета предстоит расчистить еще один аэродром, поближе к лагерю, за вторым флагом. Там работы будет побольше, — дней на пять.

— Хорошо работают, — с удовлетворением оглядел я бригаду, остановившись на минутку с пустым тобоганом.

Вот машинист Бармин. В его сильных руках тяжелый лом кажется совсем легким. Весело брызжут осколки под каждым его ударом, откалывающим одну за другой большие глыбы льда.

Вот двое «лошадей» — радист Иванюк и подрывник Гордеев. Навалившись плечом на ляжку, они тащат тяжелые сани, увозя лед далеко за флаги.

Немного нескладная пара — один высокий, длинный, другой маленький, коренастый, но они замечательно хорошо работают. Ни минуты не тратят даром. Притащили сани, опрокинули и сразу же обратно. Быстро набросали в сани новые куски льда, навалили большие глыбы, и не успев я оглянуться, как они опять тащат уже доверху нагруженный тобоган.

Вот Вася Васильев. Деревянной трамбовкой он разбивает куски льда. Как всегда аккуратный, он не пропустит ни одного куска, опасного для лыжи самолета.

А вот это мне не нравится. Человек с ломом в руках явно не спешил.

Ударил, повернул голову, посмотрел, как возится рядом Федя Решетников, стараясь взвалить на сани тяжелую льдину. Еще раз ударил... Опять посмотрел...

— Нет, с такой работой далеко не уйдешь, — выругался я про себя. На минуту оставил Тойкина, с которым возил лед, одного нагружать наш тобоган.

— Вася, походи поработай с ломом, а ему отдай колотушку, — подошел я к Васильеву.

— А что тут делать, я уже кончаю. Все утрамбовал.

— Ничего! Тем лучше. Пойдем.

Подожли.

— Передай лом Васильеву, а сам иди с колотушкой. Кстати, там делать почти нечего!

— Так зачем меня посылаешь, что я лодырь какой-нибудь? — обиделся он.

— Не лодырь, а лом все-таки напрасно занимаешь.

— Ну, вот еще, придумал, — заметно сконфуженный он отдал лом и неохотно взял колотушку.

Темнело. Рабочий день близился к концу.

Я вынул из кармана часы Хмызникова, в спичечной коробочке, с веревочкой.

— Пора кончать. Только у меня есть предложение. Давайте закончим здесь, — показал я на несколько ропаков, торчавших среди расчищенной площадки.

— Папа придумает... ночью домой вернемся... — шутя заворчали несколько голосов.

Предложение однако приняли, и полчаса спустя на месте ропаков уже ровным слоем лежал раздробленный лед.

Затемно вернулись в лагерь и усталые, едва поужинав, завалились спать. Завтра наша бригада идет на работу с утра.

На другой день, наспех выпив по кружке чая, пошли на аэродром, чтобы пораньше начать работу.

Всем хотелось «обставить» первую бригаду и побольше расчистить до обеда.

Сегодня все хорошо работают. Вчерашний разговор подействовал. Я нарочно подsunул ему лом, уверенный, что сегодня отобрать его не придется, и не ошибся. Гряды торосов становятся все короче, все шире раздаются ворота, соединяющие две площадки в один аэродром.

— А ведь мы успеем расчистить в срок, — расправляя плечи, весь потный, в одном свитере, повернулся ко мне Бармин.

— Надо окончить раньше срока, — отозвался Шпаковский.

— Это от нас зависит, давайте поднажмем, — предложил я.

Нажимаем...

Незаметно проходит еще один час горячей работы.

— Перекурка!! — кричу во все горло, чтобы услышали Ремов и Гордеев, работающие в другом конце гряды.

Со вспотевшими разгоряченными лицами собирались все около палатки. Сидят на опрокинутых тобоганах, курят неизменный «Блюминг», поочередно заходят в тесную палатку напиться воды. Как-то не чувствуется, что стоит тридцатиградусный мороз.

Я отошел в сторону, чтобы посмотреть, много ли успеем сделать до прихода следующей смены.

Вот эту гряду снимем... этот ропок тоже...

Но что это? Шагах в двухстах, то показываясь, то скрываясь за торосами, будто кувыркаясь, двигалось что-то желтовато-белое.

— Медведи! медведи! — закричал я сидевшим у палатки.

— Где? где? — вскочили все, всматриваясь в ту сторону, где я заметил медведей.

— Сколько их там?

— Два.

— Нет, больше. Большой и два маленьких.

— Мамаша с ребятами.

С винтовкой в руке, застегивая набегу воротник, выскочил из палатки Погосов. следом за ним Гуревич, торопливо надевая наган через плечо.

— Сашка, патроны возьми! — закричал вдогонку Валавин, выбегая из палатки с пачкой патронов в руке.

Схватив патроны, Погосов побежал с Гуревичем и Гудиным наперерез зверям, уходившим вдоль аэродрома. Возбужденные, досадуя, что на аэродроме была только одна винтовка, стояли мы у палатки, не спуская глаз с удалявшихся медведей и трех черных фигур их преследователей.

Вот охотники и звери скрылись в ропках. Опять показались.

Медведи заметили людей и повернули в сторону.

Выстрел... другой... третий. На месте завертелась медведица... упала.

Все бегом бросились туда. Тремя пулями Погосов убил медведицу и одного из медвежат. Второй медвежонок убежал.

С любопытством мы рассматривали убитых зверей. Вытянув морду, словно стараясь спрятать ее между огромных лап, лежала медведица. Меж оскаленных зубов свисал на бок черный язык, и капельки крови протаяли под ним глубокую красную луночку. В стороне пушистым комком свернулся медвежонок.

Трофей привезли к палатке.

Весь перепачканный в крови наш зоолог Белопольский, орудуя широким ножом, снимал шкуру с медведицы.

— Ну, друзья, пошли работать! — позвал я стоявших возле него.

После работы, когда на смену пришла третья бригада боцмана Загорского, освежаванные туши мы погрузили на нарты и повезли в лагерь.

— Папа! — окликнул меня Белопольский, — а знаешь, по чукотскому обычаю шкура принадлежит тебе.

— Это почему?

— Так чукчи считают. Шкура принадлежит не тому, кто убил зверя, а тому, кто первый его увидел.

— Хочешь попробовать мяса? — предложил он мне.

— Нет, спасибо, — ответил я.

— А я уже килограмма два съел, — похвастался Белопольский.

— Напрасно вы ели сырые почки, — заметил Шпаковский, тащивший нарты. — Как бы не стало вам худо.

— Ничего, чукчи по шесть кило съедают за один присест! — успокоил нас Белопольский, вытирая нож о нерпичьи штаны, память о его зимовке на Чукотке.

САМОЛЕТЫ ЛЕТАТ

— Сегодня в ноль часов пятнадцать минут по московскому времени от мыса Олюторского вылетели пять «эр-пятых», — прочитал Отто Юльевич в напряженной тишине переполненного барака, — это одна телеграмма. А вторая из Николзевска. Все три машины звена Галышева вылетели в Охотск.

Радостный гул пронесся по бараку.

— Самолеты летят.

— Восемь самолетов.

Отто Юльевич поднял руку и подождал, когда затихнет шум.

— Как видите, прилет самолетов в лагерь становится фактом ближайшего будущего. Нужно ускорить постройку аэродромов, — сказал он.

— Обязательно. Поднажмем, Отто Юльевич, — раздалось со всех сторон. — Аэродромы будут готовы.

Рано утром на следующий день ушла бригада Загорского.

Мы опять работали в третью смену. Медленно тянулся день в лагере.

— Пэпэ, не пора ли на аэродромы? — услышал я за дверью палатки голос Феи Решетникова.

Я достал с полочки часы Хмызникова. Оставалось еще полчаса.

— Через полчаса пойдем, Федя.

Недовольно буркнув, Федя отошел от палатки.

— Пэпэ, пошли на аэродром, — постучал в дверь кочегар Агафонов через несколько минут после Феи.

— Да ну вас, куда идти раньше времени, все равно до трех часов ребята Колесниченко не дадут инструмент, — ответил я.

И все-таки, когда минуту спустя постучал третий, на этот раз житель барака Гордеев, я тоже не выдержал. Схватив шапку, выскочил на улицу. На аэродром пришли, конечно, рано. Пришлось ждать.

— Ну, Пэпэ, здорово поработали, — сказал Румянцев, передавая мне лом. — Смотри, сколько осталось. Пустяки совсем. Завтра утром бригада Загорского закончит.

— Почему завтра, надо сегодня все сделать, — предложил Апокин, комсомолец-машинист, раньше чем я успел ответить.

— Ну, что ты, Алеша, хватил. Не успеете, — покачал головой Румянцев, — смотри, какие ропаки остались.

Взглянули еще раз на гряду льдин, торчащих на метр над ровной поверхностью аэродрома. Мысленно прикинули, сколько потребуется времени, чтобы снести их прочь. Работы много, не успеть за четыре часа.

— Но... самолеты летят, — радостно мелькнуло у всех в голове.

— Знаешь, Анатолий, — сказал я, обращаясь к Колесниченко, стоявшему рядом, — Алеша прав... Постараемся расчистить сегодня все. Как, по-вашему, успеем? — обратился я к собравшимся.

— Надо успеть! Самолеты летят, — ответили сразу несколько голов...

Начали.

— Самолеты летят. Скоро будут здесь... — чувствовалось в каждом ударе лома, в каждом взмахе лопаты, чувствовалось в том, как, не раз-

гибая спины, люди кололи льдины, дробили их на мелкие куски, торопливо грузили на сани и, напрягаясь изо всех сил, тащили бегом тяжелый груз.

— Темпы, темпы! где ваши темпы? — покрикивал Федя Решетников, подбегая с пустым тобоганом за льдом, хотя и без того все работали самым бешеным темпом.

Пот катился градом по лицам. Несмотря на мороз (было около тридцати) многие сбрасывали куртки, и над разгоряченными спинами клубился пар, намерзая белым инеем на свитерах.

Прошел час напряженной работы... Полагается десятиминутная перекурка, но было жаль терять целых десять минут...

— Перекурка на пять минут, — объявляю бригаде, приготовившись отстаивать свое нарушение неписаного кодекса о труде в лагере Шмидта.

Люди, тяжело дыша, опускают ломы, лопаты, вытирают потные лица.

— Давай без перекурки. Потом покурим, — сердито махнув рукой, закричал Апокин, работавший в стороне, и с силой ударил ломом по льдине, словно в подкрепление своего предложения.

— Надо отдохнуть, устали... — несмело возразил один, но большинство не дало ему окончить.

— Не надо перекурки!

— Обойдемся.

— Не умрешь, небось.

Продолжали работу без перекурки.

— Ну, Пэпэ, сегодня ты ни к кому не придерешься, — усмехнулся Ульев с гримасой боли, разгибая спину. — Вот черт, спина заболела от лома, — объяснил он.

— Да я и не придираюсь, если работают как следует.

— Алло! — крикнул я группе работавших с лопатами и трамбовками. — Пора сменить «лошадей» и тех, кто с ломами.

Колка льда и перевозка на санях были самой тяжелой работой. В то же время ломы и тобоганы оказались «узким местом» в работе на аэродромах: у нас было всего только пять ломов и три тобогана.

Чтобы максимально использовать инструмент, приходилось время от времени сменять работавших с ломами, посылая их на более легкую работу, с лопатами и колотушками.

— Ну, Пэпэ, хорошо работала твоя бригада, лучше всех, — сказал Погосов на прощание, когда мы усталые, с ноющей болью во всех мышцах, но довольные уходили домой.

— Передай Отто Юльевичу, что самолет принимать можно. Аэродром готов! — сказал он, крепко пожимая руку.

Расчетку аэродрома закончили на сутки раньше срока.

Бесконечно долгой показалась дорога в лагерь утомленным ногам.

— Куда ты? — окликнул меня Гаккель, вяло счищая палочкой снег с валенок. — Обедать идем.

— Сейчас, — махнул я рукой и прошел мимо палатки.

Постучал в низенькую дверь радиорубки.

— Войдите! — донеслось изнутри.

На полу Отто Юльевич и Бобров играли в шахматы, положив между собой доску на матрац.

В углу за столиком, уставленным различным радиоимуществом, сидел Кренкель с наушниками на голове, что-то сосредоточенно записывая.

В железной печурке у дверей весело гудела форсунка.

— Отто Юльевич, — шопотом, чтобы не мешать Кренкелю, нагнулся я к сидевшим. — Аэродром готов к приему самолетов.

— Как, всё уже сделали, не может быть? — удивился Бобров.

— Алексей Николаевич, посмотрите сами завтра! — обиделся я.

— Какой длины получилась площадка, Петр Петрович? — улыбнулся Отто Юльевич, словно стараясь смягчить недоверие Боброва.

— Метров 420—430... Узковат только, — ответил я.

— Петр Петрович, вы на меня не обижайтесь. Я ведь был утром на аэродроме и не думал, что успеете кончить сегодня, — взял меня за руку Бобров.

— Кстати, Петр Петрович, можете обрадовать товарищей, вернувшихся с аэродрома. Все пять самолетов благополучно сели в Майна-Пильгине. Это около мыса Наварина, — сообщил Отто Юльевич радостную весть.

В двух километрах от лагеря на высоком ропаке плескалось по ветру красно-белое полотнище сигнального флага.

Возле флага дорога круто поворачивала вправо и, нырнув в узкие ворота, вырубленные в гряде торосов, выходила на большое поле годовалого льда.

Почти на километр простиралось это поле, покрытое высокими гребнями наторошенных льдин, торчками ропаков и крепкими застругами снега.

С двух сторон поля по белому фону пестрели сигнальные флаги, заботливо расставленные Сашей Погосовым для отметки границы будущего аэродрома.

Нам предстояло в пять дней расчистить все пространство между флагами, не оставив на нем ни одного буторка, ни одного крупного куска льда.

22-го с утра начали работу.

Уже не новичками, а квалифицированными мастерами выступили все три бригады.

За много дней работы выработались необходимые навыки, выявились скрытые таланты.

Кто мог, например, предполагать, что из гидролога получится такой замечательный «ледокол», как шутя называли тех, кто колот лед ломом, или что в художнике проснутся ездовые инстинкты, и он станет превосходной «лошадью», а кочегар сделается незаменимым специалистом по «паркетно-чистовой работе», как называли окончательную расчистку поля?

Хорошо работали бригады, попрежнему стараясь обставить одна другую. Довольным уходил Бобров, постоянно следивший за работой, — подготавливать никого было не нужно.

ВЕЧЕРОМ В ПАЛАТКЕ

— Войдите! — ответил на стук в дверь Хмызников, сидевший за вычислениями на обычном своем месте, против печки. — Вот, Як Як, за двое суток продрейфовали на две мили к юрд-весту. Почти на месте стоим.

Вошел Колесниченко.

— Опять на работу? Анатолий, мы только что с аэродрома! — в приторной панике закричал Шафран.

— Нет, Аркаша, — как всегда сдержанно засмеялся Колесниченко. — На этот раз зову не на работу, а в гости. Приходите, товарищи, сегодня к нам в палатку.

— А что у вас кино-фестиваль или банкет по случаю дрейфа в Чукотском море? — спросил Шафран.

— Да, ничего, просто посидим вместе вечер.

— Вечер смычки двух палаток, — сказал Хмызников, продолжая вычислять.

— Да вроде этого; так придете через часик? — спросил Колесниченко, надевая шапку.

— Хорошо, Анатолий.

— Обязательно придем, — ответили мы.

— Пирогам запасайся. Слышишь, Анатолий, — крикнул вдогонку Фабидов.

— Тпру, «лошадь»! Это тебе не аэродром, осадь назад! — остановил Ваня Нестеров Шафрана, собравшегося было перелезть через загородку. — Снимай валенки, а потом залазь.

— Вот черти! Пришел к ним в гости и разувайся, тоже Япония, — заворчал Шафран, стаскивая с ноги валенок, — может еще что снять прикажете?

— Культура, брат, ничего не попишешь, — развел руками Нестеров.

Перегородка из двух досок отделяла небольшое пространство у входа. Здесь полагалось снимать обувь, прежде чем перелезть на матрацы, покрывавшие пол палатки за загородкой.

В углу, в углублении, гудели дуэтом примус и форсунка в камельке.

— Это наша передняя, а это камбуз, — объяснил Филиппов.

Поджав ноги по-восточному под себя, я уселся рядом с Грозовым.

— Саша, прочти для начала из своих рассказов, — предложил Володя Задоров.

Долговязый Саша Миронов — «Длинный Джек», как называли его ребята на «Челюскине», был матросом и писателем.

Сегодня он выбрал одну из своих «Чукотских новелл», навеянную рассказом Комова, зимовавшего на Чукотке. Новелла называлась «Умка» и рассказывала о гибели молодого чукчи, поверившего сказкам шамана.

— Хорошая повесть! Саша, только поменьше гонись за вычурными сравнениями и образами, — сказал Семенов, когда чтец умолк, вопросительно осматривая слушателей.

— А по-моему это совсем неплохо, — перебил Факидов и как всегда горячо начал доказывать, почему это неплохо.

Завязался оживленный спор.

— Сергей, теперь твоя очередь. Прочти «Гайавату» в новом издании, — повернулся Задоров к Семенову, когда затих спор.

— Вот твоя тетрадка, Сергуня.

— Товарищи. Лонгфелло написал «Гайавату» на основе индейского эпоса. А вот новый, ледовый эпос, — начал Семенов, откашливаясь:

— *Песнь первая. Диамат*

В ропаках, в Чукотском море,
На вершине трех торосов
Он стоял, владыка ГУСМПа,
Отто Манито могучий.
И с вершины трех торосов
Созывал народ барака,
Созывал народ палаток...—

читал неторопливо Семенов своим нетрогким голосом.

С большим вниманием мы слушали удачную переделку поэмы на ледовый лад.

Особенно понравилось всем то место, где Семенов, живо подметив некоторые черты наших товарищей, превратил их в героев «Гайаваты»:

— Шел Баевский — Меджикивис;
Аэролог Жирнопупов;
Шел хитрейший Попокивис
Повелитель всех циклонов,
От Колымска до Аляски,
Что считал себя ученым;
Шел задорный «Гайавата»,
Ваня Кокусов вихрастый.

— Ха-ха-ха, повелитель всех циклонов, — рассмеялся Задоров, вспоминая самоуверенный вид нашего «делателя погоды», Комова.

— А теперь легкий жанр, — предложил Филиппов, когда Семенов еще раз по просьбе всех прочитал этот отрывок поэмы.

— Саша Миронов исполнит поэму «О шести лысых». Коллективное творчество нашей палатки, — объявил Филиппов.

Под дружный хохот всех собравшихся Миронов прочитал поэму, не совсем, правда, безупречную по части отсутствия сильных выражений, но достаточно веселую и хлесткую.

— Вечер самодеятельности продолжается, — объявил затем Филиппов, взявший на себя роль конферансье, — рассказывайте, кто что может.

Ваня Нестеров начал было какой-то анекдот о попадье, но ему не дали кончить.

— С бородой, Ваня! С бородой! — закричали с разных сторон.

— А вот еще трагический случай был на транспорте. Ночной сторож днем умер, — поддел Шафран неудачливого рассказчика.

В дверь постучали.

— Войдите! Чего там? — закричал Нестеров.

Нагибаясь в двери, вошел Отто Юльевич и за ним Кренкель.

— Ваня «чего там», — толкнул я в бок Нестерова, смущенно скривившегося в ладонь.

— Я опоздал, кажется, но были получены очень интересные телеграммы, — сказал Отто Юльевич, снимая шапку.

— Какие, Отто Юльевич? — зашумели все.

— А вот сейчас расскажу, — улыбаясь нашему нетерпению, сказал Отто Юльевич, на мгновение вопросительно глянув на грудку валенок в углу «передней».

— Отто Юльевич, проходите сюда, ботинки не нужно снимать.

— Нет уж, приходится подчиняться общему правилу, — возразил Отто Юльевич, нагибаясь и расшнуровывая ботинок.

— Отто Юльевич, это правило для валенок, в ботинках можно, — нашелся Филиппов, но Отто Юльевич уже снял ботинок и расшнуровывал другой.

— Я прервал ваш вечер? — спросил он, усаживаясь на матрасе у стенки.

— Нет, Отто Юльевич, тут уже анекдоты начались, — засмеялся Задоров, глядя на Нестерова.

— Отто Юльевич, какие же новости? — не вытерпел Громов.

— Новости хорошие. Три «эр-пятых» прилетели в Анадырь. Летчики Молоков, Каманин и Пивенштейн. Два самолета из-за плохой погоды вернулись в Майна-Пильгино, ждут улучшения погоды.

Все звено Галышева благополучно опустилось в Ногаево.

— И, наконец, — Отто Юльевич помолчав, обвел всех взглядом, — еще одна новость: «Красин» вышел из Ленинграда, — сказал Отто Юльевич, привычным жестом поглаживая бороду.

— Вот это здорово! «Красин» вышел! — радостно повторил Володя Лепихин.

— Вы как хотите, а я теперь на самолет не сяду... Буду ждать «Красина», — заявил Филиппов, бывший красинец.

— Нет, а у меня симпатия к летчикам. Особенно к Пивенштейну, — возразил Кренкель, выбивая трубку в пустую жестянку.

— Почему, Эрнест? — спросил я его, чувствуя какую-то скрытую шутку.

— Фамилия у него больно хороша, пивом отдает. Наверное хороший парень, — объяснил Кренкель под общий смех.

Примус в углу засвистел, выпуская воздух через винтиль, и погас.

— Какао готово, — объявил дежурный, возившийся на «камбузе».

На висячем столе, посредине палатки, появился большой медный чайник, взятый напрокат из барака, и миска с пирогами.

— Продукция собственной фабрики-кухни, — показал Нестеров на пироги, — брать строго по одному, а то нехватит всем.

Пироги с медвежатиной оказались очень вкусными.

— Между прочим, как здоровье Белопольского? — спросил Хмызников, глотнув какао из консервной жестянки.

— Очень плохо! Понос не прекращается, он ничего не ест, — ответил Колесниченко, — доктор серьезно боится за него.

— Хоть бы на берег его скорее отправить, пусть уж там погибает, — вырвалось у меня.

— Это о товарище по лагерю? — укоризненно покачал головой Семенов. — Нехорошо, Пэпэ!

— Сам виноват, объелся сырого мяса, печенки, всякой дряни, а теперь помирать собирается на льду. Репутацию нашей льдины портит! — подержал Миронов.

Какао выпили.

— Патефон бы теперь послушать. Как по-твоему, Эрнест? — обнял Нестеров Кренкеля за талию, подмигнув ему в сторону Громова, сосредоточенноковырявшего спичкой в зубах.

— Борис Васильевич! Массы просят музыки, — сказал Эрнест, повернув голову к Громову, сидевшему с таким видом, как будто он ничего не слышал.

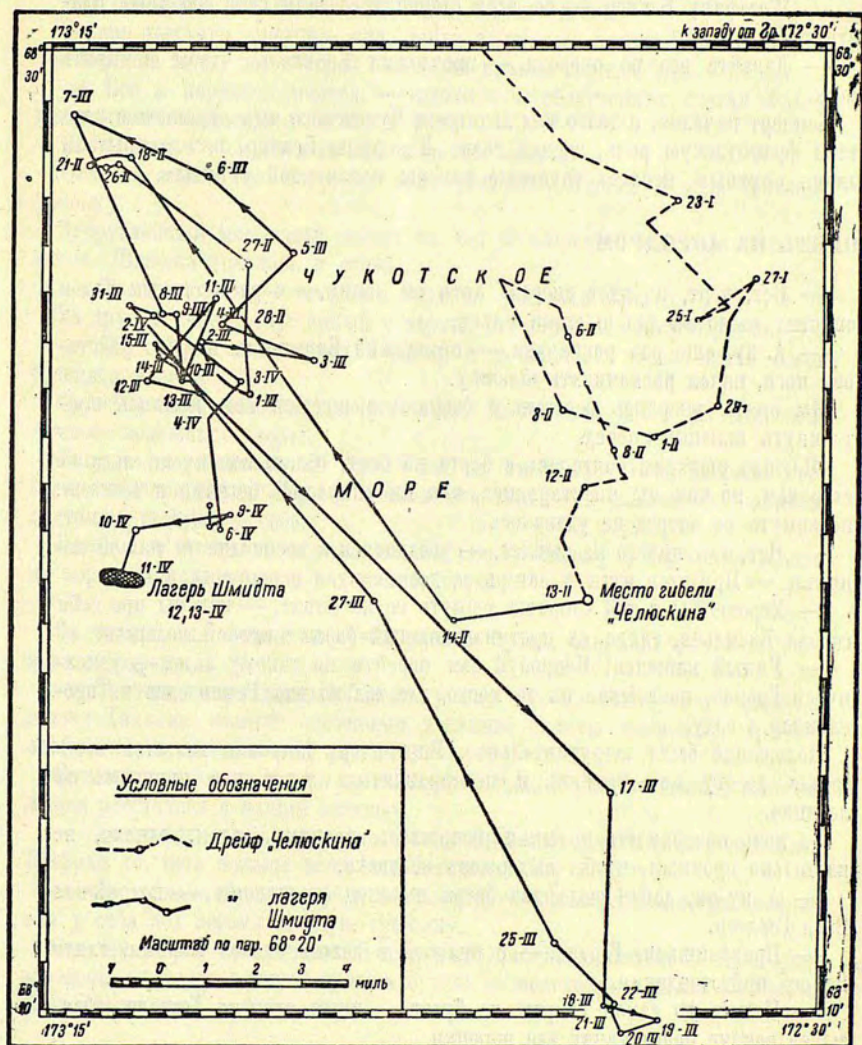
— Борис, давай я сбегаю, — предложил Шафран, вставая с места.

— Стоит ли, все уже слышали не раз? — как всегда отговаривался Громов.

И как всегда, через несколько минут он развернул патефон, заботливо завернутый в наволочку, уже давно потерявшую былую свежесть.

— Что же поставить? — еще недовольным голосом спросил он, заводя патефон.

— Марлен Дитрих.

Карта дрейфа лагеря

— Румбу! Борис, румбу!

— Жозефину Беккер, — со всех сторон требовали свои любимые пластинки.

— Давайте все по очереди, — предложил Кренкель, чтобы помирить всех.

Концерт начался, и долго над льдинами Чукотского моря, грациозно картавя французскую речь, звенел голос Жозефины Беккер, весело прыгали звуки «румбы», неслись грустные напевы неизменной «Гийзы».

ОПЯТЬ НА АЭРОДРОМ

— Вот, чорт, не идет вперед! Хоть ты лошнн, — с растерянным видом опустил весло на дно шлюпки Ульев.

— А ну, еще раз раскачаем, — предложил Бармин и, широко расставив ноги, начал раскачивать шлюпку.

Мы опять уперлись веслами и баграми в молодой лед, пытаясь протолкнуть шлюпку вперед.

Шлюпка рывками болталась с борта на борт, обламывая куски льда по сторонам, но как мы ни старались, как ни упирались баграми и веслами, продвинуть ее вперед не удавалось.

— Нет, так ничего не выйдет, — убедился я в бесплодности нашей попытки. — Придется идти в лагерь за досками для переправы.

— Хорошо бы с той стороны дернуть ее на канат, — как бы про себя сказал Васильев, глядя на противоположный берег широкой полыньи.

— Умный нашелся! Попробуй сам перейти по такому льду, — усмехнулся Громов, показывая на то место, где только что Ремов едва не провалился в воду.

Положение было затруднительное. Еще вчера широкая полынья перерезала дорогу на аэродром и переправляться через нее пришлось на ледянке.

За ночь поверхность полыньи покрылась крепким льдом, однако, не настолько прочным, чтобы выдержать человека.

— А ну-ка, дайте сюда два багра и конец от шлюпки, — потребовал Вася Гордеев.

— Провалишься, Гордей, — с опаской в голосе сказал Бармин, глядя на его приготовления.

— Ничего до самой смерти не будет, — шутя ответил Гордеев, обвязывая вокруг пояса канат для шлюпки.

Выбрав в полынье место покрепче, он положил один багор, рядом другой и, упираясь на них руками, лег животом на тонкий лед.

Под тяжестью тела лед упруго поддался, но не треснул, и Гордеев, выдвигая вперед то один, то другой багор, пополз по льду, таща за собой шлюпочный конец,

Все внимательно следили за рискованной переправой.

Вот самое опасное место... лед здесь тоньше всего.

Затаив дыхание, посмотрим, как, ловко изгибаясь, ползет Гордеев по тонкой корочке льда, под которой холодным мраком темнеет вода.

— Все в порядке, прошел, — вздохнув с облегчением сказал Ульев, неподвижно стоявший с веслом в руке.

Еще немного — и Гордеев вылез на тот «берег».

Отвязав канат, он изо всех сил, упираясь ногами в лед, потащил шлюпку.

Закругленный нос лодки вылез на лед и подломил под себя большой кусок. Шлюпка уперлась и стала.

— Тащи обратно, — закричал Гордеев, отпуская канат.

За другой конец, опущенный с кормы, оттащили шлюпку обратно.

— Пускай, — скомандовал Гордеев и с канатом через плечо бегом бросился вперед.

С небольшого разбега шлюпка опять выскочила носом на лед, еще немного подавшись вперед.

Баграми вытаскивали мы битый лед из «майны», чтобы шлюпка свободно маневрировала. Гордеев убежал все дальше и дальше и, наконец, подтащил шлюпку к себе.

Остальные быстро переправились по узкому каналу и торопливо пошли на аэродром наверстывать потерянное время.

За четыре дня, опять на сутки раньше срока, окончили расчистку нового аэродрома.

— Тысяча шагов длины! Такого у нас еще не было, — с гордостью сказал Гаккель, окинув любовным взглядом ровную площадку, красиво окаймленную сигнальными флагами.

С ломами и лопатами на плечах мы медлили уходить домой, как бы жалея расстаться с нашим детищем.

— Только бы опять не сломало, — с беспокойством в голосе высказал Шафран то, чего больше всего мы боялись в эту минуту.

— Да, обидно будет, аэродром мировой, — сказал Тойкин, рассматривая у себя под ногами свежую трещину.

Сегодня ночью она тоненькой ниточкой пробежала наискось через весь аэродром, от флага с синим крестом в углу до мелькавших вдали вымпелов Главсевморпути.

Трещина пока не расходилась. Но вечером, когда мы заканчивали новый аэродром, на старом опять начались подвижки льда.

Весь северный конец аэродрома был разбит вдребезги. Лдины в метр толщины вылезли на поверхность, отрезав часть площадки и сделав аэродром негодным для посадки самолета,

— Вот и работай как знаешь! Не успели построить, как опять все к черту сломало, — выругался Ульев, когда на другой день утром мы пришли на работу.

— Ничего, Саша, не расстраивайся, все к лучшему, опять работенка есть, скучать не будем, — утешил его Васильев, как всегда философски относившийся ко всем неудачам.

— Расчищать скоро нечего будет. Вот что плохо, — с досадой в голосе ответил Ульев. — Расчистим до тех ропаков, а дальше некуда, — показал он на беспорядочно нагроможденные торосы в 2—3 метра высотой.

— Да, с запасными площадками худо. Кроме той, что нашел вчера Погосов, больше ничего не осталось, — согласился с ним Расс. — Мы с Сергеем Васильевичем обошли на лыжах вокруг лагеря километров на пятнадцать, и всюду площадки были разбиты, — добавил он, опуская кирку на лед.

— Ну, ладно, живы будем — не помрем, пора начинать, — закончил я разговор.

Начали...

— Петр Петрович, завтра мы решили дать отдых бригадам. Эти дни хорошо поработали, пусть отдохнут денек, — сказал Бобров, когда я вечером зашел в радиорубку узнать план работы на следующий день. Час назад бригада Загорского закончила ремонт сломанного аэродрома, потребовавший три дня работы.

— Есть, Алексей Николаевич, отдохнуть не вредно будет, — согласился я без особых колебаний.

— А, смотрите, как подтянулись все на аэродромах. Лом отбирать теперь ни у кого не приходится, — улыбаясь сказал Бобров.

— А откуда вы знаете об этом случае, Алексей Николаевич? — немного удивленный спросил я. — Вы же не были в тот момент на аэродроме.

— А вот знаю. Я ведь хорошо знаю кто как у вас работает. Недаром каждый день хожу на аэродром, несмотря на мой возраст. Лет мне почти вдвое больше, чем вам, — добродушно усмехнулся он, положив руку мне на плечо.

— Я не сомневаюсь в этом, Алексей Николаевич, но все-таки... — сказал я, вспомнив как не раз он подмечал в работе бригады то, что ускользало от моего внимания.

Впервые за две недели на аэродром не пошли. Занялись кто чем. Одни вооружившись шилом и нитками, чинили валенки, порядком износившиеся в ежедневной ходьбе. Другие возились с благоустройством палаток, требовавших постоянного ухода за собой. То снег подтаял снаружи и нужно было подсыпать нового, то брезент ветром разболтало, то лед подтаял под

Грещина разорвала аэродром

камельком и приходилось подкладывать доски, то... мало ли что нужно было сделать в нашем сложном хозяйстве на льду.

Но большинство просто ничего не делало. Сидели в палатках, болтали о чем придется, бродили по лагерю в одних свитерах, многие были без шапок.

Было тепло. Сырой зюйд принес вместе с густым туманом настоящую весеннюю слякоть. Еще недавно стояли тридцатиградусные морозы, а сегодня было не больше одного градуса. Почернели дорожки в лагере, грязными пятнами покрылся снег, раскис возле палаток и, налиная на сапоги, мокрыми следами оставался потом в палатках на полу.

Настоящая весна... Только жителям лагеря на льду весна пришлось не по вкусу.

— Лучше морозы, чем эта слякоть, — ворчали все. — В палатках сыро, все мокнет.

Туманы начались. Самолеты опять не могут лететь.

Уже шесть дней звено Каманина не могло вылететь из Анадыря. Где-то в пурге остались два других «эр-пятых». В Уэлене, в Ванкареме почти не переставая мела пурга.

Всюду по дороге в лагерь и на аэродромах появились свежие трещины, грозя подвижками льда при перемене ветра.

— Продержатся ли аэродромы до их прилета? — все чаще проскальзывала в разговорах тревожная мысль.

Было решено немедленно начинать расчистку еще одного аэродрома на площадке, найденной Потосовым за вторым аэродромом.

29-го утром в пургу на постройку нового аэродрома ушла бригада Загорского.

— Можно начинать? — спросил Отто Юльевич, раскрывая тетрадку, когда все собрались.

— Отто Юльевич, а какие сегодня новости? — робким голосом спросил кто-то из темноты барака.

— Новостей пока нет особых, — ответил Отто Юльевич, неторопливо поднимая голову. — Вчера, как вы уже знаете, мимо Уэлена пролетел Леваневский с Ушаковым, направляясь в Ванкарем. Но в Ванкареме их пока нет. О звене Каманина тоже нет сведений. 28-го они вылетели из Анадыря в Ванкарем, но где-то, очевидно, были вынуждены сесть.

«Галышев, Водопьянов и Доронин уже в Каменском, это в верховьях Пенжинской губы, ждут улучшения погоды.

«Проскочила еще одна радиограмма, — продолжал Отто Юльевич, — «Чешское Слово» очень тепло пишет о нас, называет нас «символами реабилитации современной цивилизации». Это очень лестно, конечно, — улыбнулся Отто Юльевич, — но нельзя ли в качестве «символов» поменьше мата в нашем обиходе, — смеясь одними глазами, посмотрел он на нас.

— А теперь давайте приступим к очередной теме наших занятий. Прошлый раз мы с вами подробно остановились на проблеме необходимости и случайности. На ряде примеров мы разобрали...

Дверь с треском открылась, и, широко шагнув через порог, в барак вскочил Кренкель, в одном свитере, без пальто и шапки.

— Отто Юльевич! Вас просит Ушаков для переговоров, — громким голосом прервал он лекцию Шмидта.

Торопливо надев шапку, Отто Юльевич быстро вышел из барака вслед за Кренкем, уже бегом возвращавшимся в радиорубку.

— Ну вот вам итоги! Машина Леваневского разбита. «Эр-пятое» пропало неизвестно где... Водопьянов, Гальшев и Доронин не могут вылететь из-за пурги. Слепнев тоже... А у нас уже два дня пурга... Опять ломает аэродромы. Виктор Гуревич только что вернулся оттуда. Опять ночью натеросило на старом аэродроме... А ты говоришь кушаться! — повернулся Шафран к Кренкелю, сидевшему у нас «в гостях».

— Ничего, Аркаша, в крайнем случае на собачках поедем. Ушаков это дело хорошо знает... Вот только бы, — Эрнест затыкнулся из своей носогрейки, — только бы больных скорее на берег сплавить, — сказал он, выпуская дым широко открытым ртом.

— Нет, как хотите, а я голосую за «Красина». Скоро появятся разводы, на собаках не пройти, а «Красин» месяца через полтора будет здесь, — возразил Хмызников.

— В крайнем случае доберемся на шлюпках по разводам, — вспомнил Гаккель свой давнишний план остаться небольшой группой на льду, чтобы весной пройти к берегу на делянках.

— Пэпэ, посвяти меня в вашу аэродромную премудрость. Что это за первый аэродром, второй, третий, а теперь, кажется, есть четвертый? — обратился ко мне Кренкель. — А то я как проклятый сижу в радиорубке и даже не был на всех этих старых, новых, новейших аэродромах.

— Около палатки это — первый, старый аэродром, вернее два аэродрома. Номер первый, на который садился Ляпишевский, давно разбит. Номер второй — перпендикулярный к нему, у которого все время ломает северный конец. За вторым флагом, в двух километрах от лагеря, новый аэродром, номер третий. Это наша гордость. 700 метров длины — похвастался я. — А за ним вчера приступили к расчистке номера четвертого. Плохо только, что узки они все: сто метров ширины, а кругом рпаки в 2—3 метра высотой. При боковом ветре самолет не сядет, — добавил я.

— Еу, спасибо, за лекцию, теперь буду знать, — берясь за шапку, поднялся Кренкель во весь свой длинный рост. — Пока! Пока! Покойной ночи, — попрощался он с нами и вылез из палатки.

Это было вечером, после того как стало известно об аварии самолета Леваневского, разбившегося накануне, 3 марта.

Уже несколько дней дули норд-весты, густой метелью неслись по льду, засыпая лагерь снегом и загоняя людей в палатки.

Временами погода как будто затихала. В разорванных облаках голубыми пятнами показывалось небо, и тогда в уютный полумрак палатки через пять стекол «окошка» упругими снопами падали лучи солнца.

Но вот снова наползали низкие серые облака, снова налетал ветер, и в свистящих потоках снега люди с заиндевелыми бородами, густо облепленные снегом, возвращались с аэродромов.

Опять начались подвижки льда. То здесь, то там стонал лед, громоздясь в новые гряды торосов. Со звонким треском пробегали новые трещины по ледяным полям, грозя поломкой аэродромов.

2 апреля с утра небо быстро очистилось.

— Видимость до горизонта,—сообщили из Ванкарема, и, несколько минут спустя, Бабушкин запагал из лагеря, словно отправляясь в обычную экскурсию на аэродром, приветливо помахав рукой группе кочегаров, игравших в футбол посредине лагеря.

Скоро в лагерь донесся прерывистый треск мотора, сменившийся затем ровным гулом. Валавин запустил мотор нашего самолета.

— Нравжно работает! Как он полетит на нем?! — с сомнением в голосе покачал головой Миша Филиппов, вылезший из палатки на шум мотора в одной рубашке.

Не первый раз собирался Бабушкин вылететь из лагеря на своей «стрекозе». Вначале мешали морозы. Как ни старались наши механики—Валавин, Погосов и Гуревич, но мотор на сильном морозе не работал.

Потом морозы спали, но начались туманы, пурга.

Сегодня, едва прояснилась погода, Бабушкин решил вылететь в Ванкарем, не ожидая повторных сведений о погоде на берегу.

В звонком треске мотора прошла прощальным кругом над лагерем наша «стрекоза», с обломанными поплавками, с залатанными фанерой пробоинами на крыльях и на лодке — следами всех перенесенных ею аварий и путешествия по торосам из лагеря на аэродром.

— Ура! Ура! — кричали снизу, размахивая шапками.

Высунувшись из кабины, Бабушкин помахал рукой и повернул самолет на юг.

Долго над горизонтом маленькой точкой блестела на солнце машина, унося на берег двух наших товарищей.

Скрылась...

— Долетят ли? — тревожила мысль об улетевших на самолете, державшемся на «веревочках и английских булавках», как шутя, но довольно верно говорили в лагере.

— А он еще хочет обратно лететь, собирается' хоть по одному человеку вывозить из лагеря! — усмехнулся Гаккель, влезая вслед за мной в палатку.

Медленно тянулось время в ожидании телеграммы с берега.

Час десять минут спустя, по лагерю разнеслась радостная весть — самолет благополучно сел в Ванкареме.

Однако обратно в лагерь Бабушкина оттуда не пустили, так как его самолет был в очень плохом состоянии.

На другой день погода опять ухудшилась. Весь день слегка пуржило, кругом потрескивал лед. На старом аэродроме ночью опять сильно натопило, сделав его почти негодным для посадки самолетов.

Появились новые трещины на новом аэродроме (№ 3 по нашей классификации), ежеминутно грозившие расползтись и оторвать почти треть площадки.

В пургу уходили бригады, чтобы скорее закончить расчистку запасного аэродрома и не остаться без посадочных площадок к тому моменту, когда самолеты пробьются, наконец, через непогоду в лагерь.

Весь день сидели в палатках. На аэродром не пошли. С утра ветер усилился до семи баллов и бешеной пургой ревел над лагерем.

Около полудня сильный удар по льду заставил выскочить всех на «палубу», как по привычке нередко говорили в лагере.

То там, то здесь гулко потрескивал лед, нажимал вдоль майны у камбуза. Короткими рывками из трещины выдавливало вверх громадную глыбу льда, с каждым толчком все больше напиравшую на стену камбуза. Из покосившейся его двери дядя Саша и еще несколько человек торопливо выносили котел, примуса, ложки и прочее кухонное имущество.

Группа человек в пять стояла у майны, растерянно наблюдая, как поддается под напором льдины стена камбуза.

— Стоять нечего! Нужно окалывать! — услышал я сзади голос Отто Юльевича, перепрыгнувшего через трещину с другой стороны камбуза.

Горной киркой, постоянной спутницей его путешествия, начиная с Памира, он начал откалывать куски льда в том месте, где льдина уперлась в стену камбуза.

Пристыженные замечанием Отто Юльевича, трое бегом бросились за лопатами, и минуту спустя, льдина затрещала под тяжелыми ударами.

Камбуз на этот раз удалось отстоять. Подвижка льда только немного повредила его стену.

Сжатие прекратилось. Пурга быстро загнала всех обратно в палатки. Я снова занялся ремонтом своих валенок, уже совсем износившихся в ежедневной ходьбе на аэродромы.

— А ведь из тебя хороший сапожник выйдет! — заметил Хмызников, когда, закончив пришивать подошву, я с удовлетворением осмотрел валенок со всех сторон. — Почини и мне! Право, не плохо получается! — и он вытянул ногу в стоптанном валенке.

— Спасибо тебе! Чини сам! — ответил я, надевая валенок на ногу.

Зачерпнув воды из нашего «чайника», я выскочил наружу помыть руки.

Пурга не унималась. Стремительным вихрем неслась метель, и в серовато-белой беснующейся мгле едва виднелись дальние палатки.

Я торопливо мылил руки, пригнувшись головой от ветра, как вдруг из радиорубки выскочил Сима Иванов. Хлопнув дверью, он бросился к ближайшей палатке и, увидев меня, закричал, стараясь перекрыть вой пурги:

— Пэпэ! Два «эр-пятых» прилетели в Уэлен! — Размахивая рукой, он побежал дальше, стуча в двери палаток.

С намыленными руками я бросился в палатку, столкнувшись в дверях с Гаккелем. В палатке уже услышали крик Иванова и один за другим выскакивали «на улицу».

Весь лагерь мгновенно ожил.

— Ура! «Эр-пятые» нашлись! — кричал Валя Паршинский, размахивая шапкой.

— «Эр-пятые» в Уэлене! — несло по всему лагерю.

Кто-то бегом бежал в барак сообщить новость.

Гурьбой обступили Иванова, рассказывавшего подробности стоя, без шапки, в одной рубахе, не замечая пурги.

Прилетели Молоков и Каманин на двух машинах. Третий летчик, Пивенштейн, остался у мыса Беринга из-за отсутствия бензина.

— А вчера Слепнев прилетел! Три машины в Уэлене!

— Вот здорово! — чуть не взвизгнул от радости всегда невозмутимо спокойный Степа Фетин.

— Теперь бы несколько дней погоды, и тогда прощай ты, Новая Деревня на льду! — взмахнул шапкой Ваня Нестеров.

Несмотря на пургу, долго не расходились по палаткам.

Час спустя, когда обмерзший и облепленный снегом вернулся с аэродрома боцман Загорский, по лагерю поползла тревожная новость: все аэродромы разбиты сжатием! Самолетам садиться негде...

На другой день, утром 5 апреля, несмотря на пургу, только немного затихшую за ночь, пошли на аэродромы.

Дорогу, по которой столько раз ходили, теперь нельзя было узнать. За первым флагом все ровные площадки были разбиты и исковерканы. Всюду опять выросли новые гряды торосов.

Когда мы обогнули второй флаг и поднялись на невысокую гряду, выросшую на нашем пути, невольный вздох вырвался из груди.

Там, где еще недавно красовался наш новый аэродром, наша гордость, аэродром № 3, теперь выросла трехметровая гряда торосов.

Ровные плиты льда в полтора метра толщиной вылезли на поверхность, нагромодились одна на другую, вытянувшись стеной наискось через весь аэродром.

— Проклятая трещина! Это она все погубила! — выругался кто-то из группы, молчаливо разглядывавшей гигантскую гряду, выросшую там, где еще недавно дружно работали шестьдесят человек, стараясь не оставить ни одного бугорка, ни одной льдинки.

А теперь...

Придавленный глыбой льда лежал флаг с синим крестом, единственный свидетель грозного сжатия. В большой, еще не замерзшей луже воды, залившей край льдины, подавшейся под многотонной тяжестью опрокинутых на нее глыб, прыгали маленькие рачки, «гамарусы», гоняясь за невидимой добычей.

Аэродром был разбит...

Еще хуже было на старом аэродроме. Площадка № 1 была окончательно уничтожена. Сравнительно меньше были повреждены №№ 2 и 4. Но и на них предстояло еще очень много работы, прежде чем они смогут быть подготовлены для приемки самолетов. Решено было в первую очередь восстановить площадку № 2, у палатки, на расчистку которой требовалось времени меньше, чем на расчистку других.

С утра и до темного времени работали все три бригады без «перекурок» и без отдыха.

— Самолеты в Уелене! Самолеты вот-вот прилетят сюда! — Эта мысль заставляет людей забыть об усталости, тяжелым свинцом наливающей руки, забыть обо всем, кроме желания скорее расчистить площадку, скорее сделать ровной ее белую, слепящую глаза поверхность.

Наш «наркомтруд» Бобров почти весь день на аэродроме. С юношеской энергией он появляется то там, то здесь, в разных концах площадки.

Вот он быстро идет ко мне.

— Петр Петрович! Смените вот тех двух с ломами кем-нибудь посильнее! Нужно быстрее убрать эту гряду! — обращается он ко мне, счищая лед с бороды.

Вот он уже в другом конце, напустился на кого-то; кто, казалось ему, недостаточно быстро работает.

Минуту спустя, он опять около меня, опять с каким-либо замечанием. Я невольно удивляюсь ему.

— Алексей Николаевич! Откуда у вас столько энергии? Ведь вы раза в два старше любого из них! — показываю рукой на группу с Апокиным во главе, работающую рядом.

— Это юность старого большевика. Я уже в партии был, когда вы еще не родились, — смеется он, протирая носовым платком свои большие круглые очки.

Часто на аэродром приходит Отто Юльевич. Как всегда, спокойно обходит он всю площадку, осматривает, что сделано и что надо сделать. Под его внимательным, ничего не пропускающим взглядом люди как-то подгибаются и, провожая глазами хорошо знакомую высокую фигуру в перпичьей куртке и кожаных горных ботинках, еще сильнее раскалывают льдины, еще быстрее расчищают площадку.

Два дня бешеной гонки, и к вечеру 6-го аэродром был готов к приему самолетов.

7 апреля утром начали расчистку аэродрома за вторым флагом (аэродром № 3). Снести трехметровую гряду торосов не под силу даже более мощным орудиям, нежели несколькими нашим ломом. Но оставшиеся неповрежденными две трети площадки можно было расширить, расчистив небольшие торосы с другой стороны аэродрома.

Сегодня с утра работала моя бригада. В 12 дня нас должна была сменить бригада Загорского.

Туман, стоявший утром над лагерем, быстро поднимался густыми хлопьями облаков.

Нежной синевой заливалось небо, ослепительно сверкали блески на ровной поверхности аэродрома и на засыпанных пушистым снегом глыбах льда.

Сегодня весело работалось...

— Погода разгуливается! Самолеты смогут лететь в Ванкарем!.. А может быть и к нам!

С шутками, не замечая усталости, разбивали льдины.

В одиннадцать часов, когда норд-вест бесследно унес куда-то последние обрывки облаков, на сигнальной вышке спустили один флаг.

— Один флаг на вышке! Ура! Самолеты летят!

— Скорее аэродром расчищай!

— Самолеты летят к нам! — раздались радостные, возбужденные голоса.

Над лагерем поднялась полоса густо черного дыма. Зажгли дымовой сигнал.

Полчаса спустя, вдали, за ропками, замелькали черные фигурки людей, идущих на старый аэродром.

Самолеты принимали сегодня на площадке № 2, возле палатки

— Пэпэ! Идем на аэродром! Уже 12 часов! Мы кончили свое время! — набросились на меня сразу несколько нетерпеливых.

— Ну, что из этого? Бригады Загорского и Колесниченко повезли больных на аэродром, пошли принимать самолет. Кто же закончит расчистку? — не сдавался я, хотя самому хотелось бежать скорее на аэродром, посмотреть, как сидят долгожданные гости с берега.

Словно обозлившись на лед, долбили его ломами, продолжая работу.

По дороге мимо нас быстро шли люди, тащили двое нарт с больными, спеша на аэродром.

От группы, в которой я издали узнал Отто Юльевича и Боброва, отделился человек и, проваливаясь по колено в снегу, побежал к нам.

— Пэпэ! — еще набегу закричал он, заметив меня, — Бобров велел забрать все ломы и лопаты на аэродром... На всякий случай... Может быть потребуются... — запыхавшись от беготни по торосам, объяснил он мне.

Работу пришлось прекратить.

С ломами, с лопатами на плечах, подмышками мы быстро зашагали вслед за удалявшимися по дороге.

До старого аэродрома один километр. Вон уже виднеется вдали крыша палатки, флаг вправо от нее. Уже недалеко...

Торопились, чтобы не опоздать. Самолеты уже давно в пути.

— Самолет летит! Самолет! — разрывает вдруг напряженное ожидание чей-то крик позади.

— Где? Где ты видишь? Где он? — кричат со всех сторон, всматриваясь в голубую даль, залитую веселым весенним солнцем.

— Вон он! Вижу! Летит! — радостно кричат увидевшие, наконец, небольшую точку над горизонтом.

Уже бегом, обгоняя друг друга, несемся по дороге.

С ревом проносится над нами красавица-машина.

Над темносиней блестящей сигарой широко распростерты ярко-оранжевые крылья с большими буквами «USSR—MS».

Это американская машина, на которой Слепнев прилетел из Аляски.

Мы добежали до аэродрома. Запыхавшись, стоим у палатки, не отрываясь следим за машиной.

Один круг, другой, над нами, над аэродромом.

Машина снижается.

В бреющем полете проносится над узкой лентой аэродрома. Заходит опять против ветра, вот уже садится, резко сбавив газ, и снова с ревом взмывает вверх.

Летчик присматривается к аэродрому.

На третий раз, как-то сбоку, наискось идет на посадку.

— Бойтесь бокового ветра! — проносится в голове.

Уже посредине аэродрома машина касается льда. Снежная пыль летит из-под ее широких лыж, из-под хвоста.

Зажгли дымовой сигнал

Машина проносится мимо нас, и мы с ужасом видим, что ей нехватит длины аэродрома. Не теряя скорости, она несется мимо палатки, стоящей в конце аэродрома.

Выскакивает за сигнальные флаги, которыми огражден аэродром, прыгает по бугоркам снега и льда уже за его пределами и, ударившись лыжами в метровый торос, подпрыгивает высоко вверх и словно нехотя валится на левый борт.

— Упал... Разбился... — стучит кровь в ушах.

Из-за тороса высоко торчит правое крыло и хвост.

Бежим туда, бежим и боимся увидеть то, что там, за ропском, на гладкой поверхности которого остался широкий след лыжи.

Но все обошлось благополучно.

Самолет повалился на левый борт, упершись крылом в снег. Возле него уже стоял Ушаков, в нарядном меховом одеянии, бросившийся затем на встречу Отто Юльевичу.

Из кабинки вылез Слепнев в щегольской форменной фуражке с «крабом», казавшейся таким контрастом среди наших меховых ушастых шапок.

Приветствия, крепкие рукопожатия, поцелуи. Каждый старался взглянуть на людей с Большой Земли, подойти к ним поближе.

Одну за другой выбросил Слепнев из кабинки восемь собак, привезенных им с берега. Повизгивая, встряхиваясь четвероногие пассажиры валялись по пушистому снегу, носились среди ропсков.

С трудом удалось Загорскому собрать их и запрячь в нарты.

Повреждения самолета оказались незначительными. При ударе о лед выскочили из борта болты крепления левой стойки шасси и немного помялось хвостовое оперение.

Наши механики сразу же взялись за ремонт шасси.

Между тем на вышке подняли второй флаг. Самолеты Молокова и Каманина, вылетевшие вместе со Слепневым, вернулись. Как потом выяснилось, у одного из них сдал мотор.

Час спустя, когда машина Слепнева уже стояла на обеих ногах и, пробив дорогу в торосах, мы потащили ее на аэродром, над лагерем снова поднялся густой дым, снова один флаг на вышке.

— Самолеты летят!

В напряженном ожидании проходит еще час.

Две блестящих точки показались над горизонтом.

Быстро приближаясь, они заполняют все небо ровным гулом своих моторов, кружат над лагерем, над нами.

Красные звезды на крыльях, хорошо знакомые контуры «эр-пятого».

Вот они, пролетевшие тысячи километров над мертвыми горами, снежными пустынями, пропавшие на долгие десять дней в пурге.

Идут на посадку.

Одна машина, другая проносятся над аэродромом.

Вот приземляется машина с синей двойкой на хвосте, но у самой поверхности аэродрома дает полный газ и с ревом взмывает вверх.

Вслед за ней на посадку идет вторая и уже посредине аэродрома касается лыжами льда.

— Неужели и этот?.. Неужели нехватит аэродрома?.. — стискиваю зубы в напряженном ожидании.

Машина несется, подпрыгивая, по аэродрому.

Но в самом конце аэродрома, у полотнища сигнального флага, машина останавливается. Снова летчик дает газ и, подрагивая на неровностях аэродрома, самолет ползет в сторону, освобождая место для второй машины.

Садится «синяя двойка», круто разворачиваясь в конце аэродрома, чтобы не выскочить за сигнальные флаги, за границу аэродрома.

Обе машины рулят к палатке, где уже стоит «американка» Слепнева.

Молоков... Каманин... Вот они, среди нас... Спокойные, неразговорчивые, они даже как будто смущены тем вниманием, с каким их спрашивают, просто рассматривают гурьбой окружившие их люди.

Они торопятся лететь на берег. Может быть сегодня удастся еще раз прилететь в лагерь. И минут тридцать спустя, улетают, унося на берег, на твердую землю пять человек.

Уже надвигались сумерки, когда усталые, голодные, но веселые, полные впечатлением дня, мы вернулись в лагерь.

А вечером, в переполненном бараке Ушаков, оставшийся вместе со Слепневым в лагере, долго не мог удовлетворить любопытства людей, во всем месяцев оторванных от родных берегов.

Он рассказывал о XVIII съезде партии, о том, что делается там, далеко в Москве, как быстро меняется облик Москвы, как кипит жизнь по всей стране.

Без конца сыпались все новые и новые вопросы, и лишь поздно ночью разошлись все по палаткам.

На другой день еще затемно начали работы на аэродроме. С утра работала бригада Загорского, с 11 часов — моя.

— Петр Петрович! — встретил меня Бобров, с утра находившийся на аэродроме. — Нужно скорее закончить расчистку площадки: самолет будем принимать на этом аэродроме, старый слишком короток!..

— Есть, Алексей Николаевич, поднажмем! Самолет вот-вот прилетит, — отвечаю ему, в десятый раз оборачиваясь в сторону сигнальной вышки. Нет! Пока два флага. Туман в Ванкареме еще не рассеялся.

Опять начинается бешеная гонка с расчисткой аэродрома.

— Нужно успеть расчистить, чтобы было куда принимать самолет! — слишком хорошо чувствует и понимает каждый из нас.

И словно в ответ на эту мысль в 12 дня на вышке опускают один флаг. Самолет вылетел в лагерь!.. Молоков летит сюда, У Каманина по-

требовался небольшой ремонт мотора и по радио нам еще утром сообщили, что в случае летной погоды сегодня прилетит только Молоков.

Сбиваем последние ропаки, бегом вывозим последние куски льда, счищаем последние бугры снега. Еще полчаса — и аэродром будет совсем готов.

— Успели все-таки! — вытирая потный лоб, говорит Гордеев.

— Вот там подчистим, и все в порядке, — соглашаюсь я, оглядывая площадку еще раз.

Придерживая рукой кобуру с наганом, с которым он никогда не расставался, к нам бежал Погосов.

— Алексей Николаевич! Папэ! — запыхавшись закричал он, подбегая ближе, — трещину сильно разводит!

— Сильно? Где разводит? — встревоженно спросил Бобров, стоявший около нас.

— Там, в северном конце аэродрома!.. Метра полтора шириной, — показал Погосов в другой конец аэродрома.

Втроем побежали к трещине. Тонкая ниточка трещины, расколовшая сегодня ночью аэродром, сейчас расплзлась широкой полосой поперек всей площадки, оторвав метров сто ее длины.

Самолет принимать нельзя, но самолет уже летит...

— Нужно удлинить аэродром в южном конце, метров 80 выкроить можно! — быстро принимаем решение.

Ропаки в полметра-метр высотой вытянулись грядой в конце аэродрома. На них обрушиваются наши удары, но слишком их много. Успеем ли?!

Со старого аэродрома Бобров вызвал десять человек из бригады Колесниченко, почевавших там у самолета Слепнева.

Подкрепление пришло минут через двадцать.

Быстрее закипела работа. Теперь на каждый лом приходилось по два человека. Один бьет удар за ударом, не разгибая спины, другой с нетерпением ждет своей очереди.

Бурей носится Бобров от одного к другому, набрасываясь на тех кто, как казалось ему в горячке работы, хоть на несколько секунд задерживал лом.

Тревожно поглядываем на небо, на юг. Не летит ли?!

Аэродром заметно удлинился, и к трем часам дня площадка вчерне была расчищена.

— Теперь сесть сможет! — удовлетворенно решил Саша Погосов, осматривая результаты нашей работы.

Только в пятом часу вечера над вышкой подняли второй флаг: самолет вернулся в Ванкарем. Как выяснилось потом в лагере, Молоков по пути встретил туман и, не найдя лагерь, вернулся на берег.

— Папэ! А где же камбуз? — с удивлением спросил меня Шафран, когда мы подошли к лагерю,

Там, где еще утром был наш камбуз, сейчас виднелась груда беспорядочно нагроможденных льдин и торчали бревна, зажатые льдом.

В наше отсутствие подвижной льда камбуз был совсем раздавлен.

Влезли в палатку.

— Ну, как Отто Юльевич? — был первый вопрос к дежурному, Семенову, остававшемуся дома.

Сегодня утром Отто Юльевич заболел. Температура поднялась до 39 с лишним.

— Все так же... Температура 39 и шесть. Весь день лежит... — сообщил Семенов, покачав головой.

— Это вчера его прохватило... на аэродроме... Он слишком легко был одет!... — предположил Гаккель.

— Не берегся Отто Юльевич! Свои бурки отдал, а сам ходил в одних ботинках, — сказал Громов, снимая обледеневший шарф.

С каким-то чувством подавленности легли в этот вечер спать.

— Неужели серьезно болен?..

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

(Странички из дневника)

9 апреля

Сегодня был еще более «веселый» день, чем даже 13 февраля.

Ночью в половине второго началось сжатие. Сильный толчок разбудил всех в палатке, кроме меня. Когда Громов растолкал меня, под боком лед дрожал и скрипел, гулко потрескивая.

Быстро оделись и выскочили из палатки.

По всей длине майны шло сильное торошение. В предрассветной мгле над нами громоздился вал в 3—5 метров высотой, на котором подымались и обваливались вниз огромные глыбы льда.

— На ту сторону... К бараку скорее! — кричал из полумрака старпом.

Один за другим карабкались мы по живому ледяному валу, ежесекундно грозившему зажать, раздавить людей многотонными глыбами.

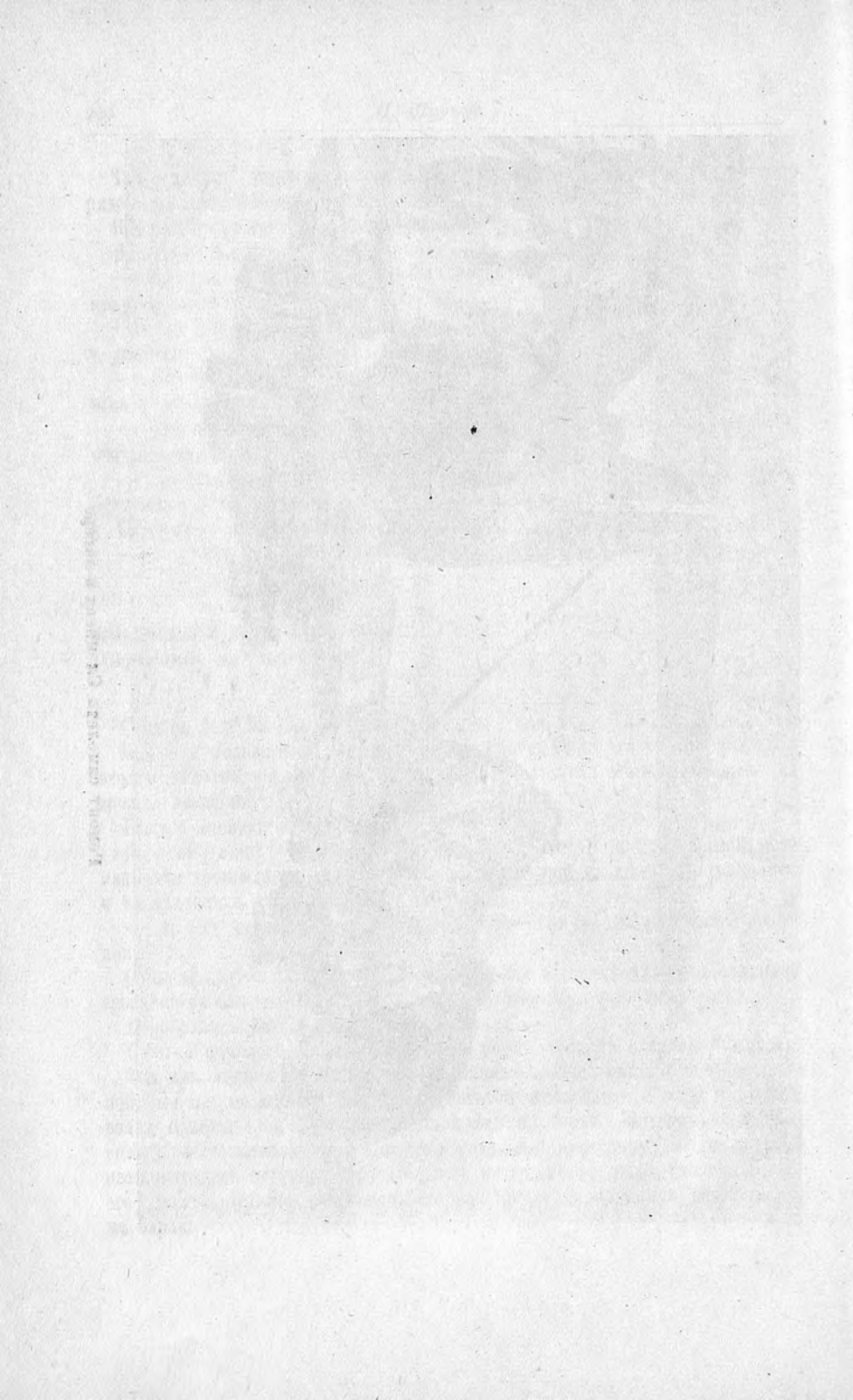
Перебрались без жертв.

Сжатие началось из-за норд-остового ветра, дувшего с силою 6 баллов.

Так как льдина, на которой расположился лагерь, оказалась более мощной, под нее поджимало льдину, на которой стоял барак. Словно огромная волна накатывалась с шумом ледяной вал на барак. Жители барака поспешно вытаскивали свои пожитки подальше в сторону. Человек тридцать пытались оттащить спасательный катер, но не могли даже сдвинуть его с места. Ледяной вал погнал его как щепку и опрокинул вверх килем на барак.

Ремонт самолета Слэпнева в лагере

Из воды и из-под льдин люди вытаскивали бочки с керосином и откатывали их в сторону.

Сжатие продолжалось около полутора часов.

От большого поля между камбузом и бараком ничего не осталось. Наша льдина к счастью и на этот раз выдержала напор.

Оттащив второй катер подальше, все отправились спать.

В 7 часов утра бригада боцмана ушла расчищать дорогу между старым и новым аэродромом. Весь старый аэродром был окончательно разбит сжатием, и машину Слепнева нужно было тащить на новую, пока еще целую площадку.

Бригада Колесниченко почти в полном составе ночевала на аэродроме.

Мы оставались в лагере в резерве, на случай новых подвижек льда.

Поспать однако не пришлось. В одиннадцать утра началось второе сжатие. Теперь вал двинулся на лагерь.

Трещины прошли под всеми палатками, а впереди с грохотом и визгом надвигалась четырехметровая стена льда.

Оставив по одному человеку в каждой палатке, все остальные бросились отгаскивать подальше бочки с керосином, бревна и доски.

Глыбы льда наполовину завалили катер и совершенно раздавили барак.

Сжатие продолжалось минут двадцать. Вал докатился почти до палатки штурманов, стоявшей с краю лагеря.

Едва затихло сжатие, как всей бригаде пришлось идти на помощь к самолету. Бригада Загорского расчистила для него дорогу, но в двух местах были широкие трещины, до двух метров ширины, забитые льдинами, и по этому зыбкому мостику «ходом» пришлось перетащить самолет.

Весь день дул норд-ост в 6 баллов и свирепая «поземка» резала лицо.

Самолет перетащили на новый аэродром, куда уже перенесли также и палатку.

Быстро шли обратно в лагерь, чтобы скорее увидеть — все ли там цело, не было ли нового сжатия.

По дороге всюду высились огромные гряды торосов, выросших за эту ночь.

Новые аэродромы (№№ 3 и 4) пока оставались целы.

В лагере тоже пока «все в порядке».

До семи часов вечера работали, разбирая остатки барака.

Здоровье Отто Юльевича не улучшалось, и температура не падала.

11 апреля

За два дня лагерь совсем опустел: осталось всего 28 человек.

Горячка началась вчера.

С утра расчистили и расширили аэродром № 3, забив трещину в северной его части и обив и срывая ропаки в южной.

И с утра начался массовый вывоз. Один за другим садятся самолеты Каманина и Молокова. Берут очередных пассажиров, улетают и снова возвращаются в лагерь за следующей партией.

За день было пять полетов: — 2 Каманина и 3 Молокова.

Улетел также и Слепнев с пятью пассажирами.

«Эр-пятое» брали тоже по пять человек: четверых засовывали в кабину, нормально рассчитанную на одного-двух человек, а пятого — в ящик из фанеры, привязанный под нижней плоскостью.

Здоровье Отто Юльевича остается без перемен. Бобров пытался было уговорить его лететь на берег, но Отто Юльевич и слышать об этом не хочет, считая, что он должен покинуть льдину после всех.

Из нашей палатки улетел Семенов.

Сегодня погода та же, что и вчера. «Праздник» начался с 4 утра. За день «эры» сделали семь полетов: 4 Молоков и 3 Каманин. Молоков два раза брал по 6 человек: четырех в кабину и двух в ящики под крыльями.

Из нашей палатки улетели Факидов (№ 46), Аркаша (№ 52) и Громов (№ 53). В эту нумерацию не входят десять женщин и двое ребят, вывезенных Ляпидевским.

Перед вечером у палатки машинистов Бобров собрал летучее собрание. По его заметно взволнованному виду я сразу решил, что причина созыва собрания в опустевшем лагере весьма серьезна.

— Вы знаете, товарищи, в каком состоянии болезнь Отто Юльевича? — начал Бобров, когда собрались человек пятнадцать, так как остальные были на аэродроме.

— Тем не менее Отто Юльевич, как начальник экспедиции, не хотел покидать лагерь раньше, чем вывезут последнего из нас, — продолжал он, теребя в руках радиожурнал.

— Но положение его слишком серьезно... Температура до сорока... доктор боится воспаления легких... Мы не можем рисковать его жизнью, и вот в ответ на телеграмму Ушакова, посланную им из Ванкарема, из Москвы получены три телеграммы. — Бобров развернул радиожурнал.

«Правительство предлагает при первой возможности вывезти Отто Юльевича из лагеря и направить его в Аляску для лечения.

Начальником экспедиции назначается Бобров».

Молча выслушали телеграммы.

— Ну что тут сказать!.. Все мы слишком хорошо понимаем, что оставлять Отто Юльевича в лагере нельзя. Это граничит с преступлением.

Но все-таки... Все мы также хорошо знаем, как тяжело ему оставлять лагерь, когда на льду остается еще двадцать восемь.

Самолеты Молокова и Каманина в лагере

Ширшов, Громов и Шафран

Бледного, неузнаваемо похудевшего вывели под руки из палатки Отто Юльевича. Посадили, вернее, положили в спальный мешок на нартах. С трудом приподнялся он на нартах, посмотрел и на лагерь и на молча стоявших вокруг него людей и опустилс назад.

Полозья взвизгнули по снегу. Отто Юльевича увезли на аэродром, и полчаса спустя, в прощальном круге над нами прошел самолет Молокова, унося нашего больного Шмидта на берег.

Расстроенные разошлись по палаткам.

В Ванкарем сегодня прибыл Доронин, на Северный — Водошнянов.

Вчера вечером у Боброва было совещание с Задоровым, Румянцевым и капитаном, на котором была выработана очередность отправки на берег последних трех десятков. Мой № 71. В связи с отлетом доктора и Отто Юльевича, после меня остается 16.

С берега получены прогнозы погоды, обещающие циклоны. Где-то внутри у себя ловлю мысль: любопытно было бы еще подзадержаться, в связи с этим, на льду.

Мне очень грустно покидать лагерь. Два месяца жизни на льду, обильной самыми разнообразными впечатлениями, заполненной борьбой "за аэродромы, борьбой за какой-то «комфорт». Два месяца дружной, подчас тяжелой работы... и все это шужно бросить... Право же, будет нехватать и ропяков, и наших палаток, и бригад, всего коллектива, с которым так сжился.

Пусто в лагере. Пусто и в палатке. Нет ни Факидова с его «темпераментом», ни Аркаши с его рыжей бородой, ни Семенова, ни Громова.

Нет и моей бригады, из которой я еще вчера «выколачивал» на аэродроме все, что было можно.

Завтра и мне предстоит улететь на берег!..

13 апреля

Загадал я неплохо: кончается тетрадь дневника, и окончилось наше «сидение на льду».

Сегодня тремя машинами: Водошнянова, Молокова и Каманина вывезены последние шесть человек и восемь собак.

Вчера, в 5 утра в последний раз был сервирован обильный завтрак в палатках. Вещи погружены на нарты.

В последний раз тащим по хорошо знакомой дороге тобоган с боченком нефти для последнего дымового сигнала из лагеря.

Первым прилетает Каманин, красиво кружит над аэродромом «Юнкерс» Доронина.

Первые четверо садятся в машину Каманина. Перед нею на старт выходит «Юнкерс». Бежит и... на середине аэродрома, подскочив на небольшом бугре, ломает левую «ногу» шасси.

Оттаскиваем его в сторону. Уходит «Р-5». Механики начинают ремонт шасси, а мы чистим дополнительно аэродром, оказавшийся слишком неровным для «Юнкерса».

Еще раз садится Каманин и еще четырех нет в лагере.

Спешим расчистить дорожку для доронинской машины, но в воздухе уже гудит новая машина с большими белыми буквами «СССР» на фюзеляже.

Это машина Водошнянова, прорвавшаяся, наконец, через шесть тысяч километров туманов, пурги и неизведанных гор к нашему лагерю.

Настала моя очередь лететь.

В самый хвост самолета залезает Ткач, потом я, Фетин, Гайкель.

Толчки на разбеге, потом ровный гул мотора, уносящего нас на берег.

Почему-то грустно... Навсегда остаются позади ропаки, ледяные поля, весь своеобразный мир, с которым так сжился за эти два месяца, мир, казавшийся холодной, безжизненной пустыней только с берега.

Навсегда останутся в памяти два месяца дружной, забываемой борьбы коллектива людей за возврат на землю.

Берег. По склону разбросанные яранги. Вдали видны отлогие контуры холмов. На снегу торчат камешки и сухие былинки.

Я на твердой земле...

ВАНКАРЕМ

Ритмический стук мотора оборвался. Идем на посадку. Почувствовались подпрыгивающие толчки коснувшихся аэродрома лыж. Один, другой... Самолет остановился. Слышим глухой говор за стенками кабины. Сидевший почти на моей шее Федя Решетников начинает вылезать. За ним выползаю и я. У самолета толпа. Незнакомые лица. Да нет же, здесь большинство наших. Они разбросаны среди чукчей и русских, но на лицах у них совсем не то выражение, какое было на льду. Может быть исчезла сосредоточенность, наложенная последними двумя месяцами? Да пожалуй, это так.

— С прибытием! Поздравляем! — слышатся веселые выкрики, и нам жмут руки.

Размещением прилетевших, отправкой вещей и прочим здесь живо распоряжается Баевский. Около него находится невысокий человек с белокурой квадратной бородкой и тоже дает какие-то указания. Через плечо у него на перевязи висит большой походный кожаный портсигар. Подхожу здороваясь.

— Петров, — называет он себя, пожимая мне руку. А-а, это значит Петров, начальник полярной станции на мысе Северный и председатель чрезвычайной тройки на Чукотке по организации нашего спасения.

Нас расселили по ярангам. В Ванкареме их свыше десятка разных размеров. Я пошел искать назначенную мне. Она стояла поодаль от фактории в виде большой утопленной в снег полусферы из моржовых шкур.

Небольшое отверстие служило входом. Внутри полусферы выделялось четырехугольником, оделанным тоже из шкур, собственно жилое помещение — так называемый «полог».

— Есть кто-нибудь здесь? — окликнул я, остановившись перед пологом.

— А тебе кого надо? — послышался недовольный ответ.

— Мне указали здесь поместиться.

— И без того много народу, — не особенно приветливо раздалось изнутри. Но я, уже приподняв шкуры, залезал в помещение,

Показался гладкий пол из моржовой кожи, на который было выброшено несколько оленьих шкур. Поблескивала лента огня жировой лампы. Жарко. В воздухе чувствовался какой-то специфический запах. В углу старая чукчанка на доске режет тонкими ломтями жирное сырое мясо, похожее на копченый окорок ветчины. У стенки, чуть приподнявшись с оленьей шкуры, на меня смотрит заспанное лицо. Это не кто иной, как Алеша Апокин, кому принадлежал недовольный моим приходом голос.

— А, здравствуйте, с приездом! — уже миролюбиво говорит он, — садитесь, сейчас чай пить будем. Бабушка, слушай... — обращается он к старухе и, повторяя два или три чукотских слова, выученных вчера, начинает объяснять, больше жестами, что-то насчет еды. Старуха поняла и с несвойственной ее годам живостью ловко начала стряпню каких-то лепешек из ослепительно белой муки.

Тем временем мы с Апокиным обменивались новостями.

— Как вы думаете, успеют сегодня всех вывезти?

— Вряд ли, — ответил я, — ведь самолет Доронина поврежден и больше в лагерь лететь не сможет.

— Да, но оставаться на льду небольшой группе опасно. Вдруг начнет ломать аэродромы. Нескольким людям нового не расчистить.

Старуха, замесив лепешки, вылезла из полога, и вскоре я услышал из внешней части яранги характерное пение примуса.

— Ого, примуса оказываются здесь в ходу, — проговорил я, — а в Якутию они еще не добрались.

— Ну, тут все яранги с примусами. Ведь дров почти нет. Но сейчас и керосину с нашими спасательными операциями осталось мало — все пожгли. Чукчи пускают примуса чуть ли не на чистом авиационном бензине, сливки которого берут у летчиков.

— Опасная вещь!

Скоро старуха вновь появилась, держа в руках чайник и миску с аппетитными лепешками. Положив перед нами доску, она расставила чашки и налила чаю.

— Это еще старые запасы американской муки, из маиса, завезенные Свенсеном, прежним владельцем здешней фактории, — рассказывал Апокин. — В Ванкарем столько нагрянуло этой зимой людей, что приходится из всех резервных складов подвозить продовольствие....

Попив чаю, я решил прилечь отдохнуть. Видя мое намерение, хозяйка постелила несколько оленьих шкур, заботливо подложила под голову какой-то сверток и знаками спросила, удобно ли мне будет?

Я улегся и, разморенный жарким помещением, мгновенно уснул...

Меня разбудил характерный выстрел лопнувшего льда.

Опять сжатие? Я быстро приподнялся на своей лежанке. Фу, чорт! Да ведь я на твердой земле. Какие тут могут быть сжатия? Просто хлопнул тяжелый божаный полог за вошедшим к нам Ваней Румянцевым.

В яранге было несколько новых лиц: хозяин старик-чукча, подросток сын, черными глазками внимательно рассматривающий нас и челюскинцы Кожин и Филиппов.

— Не успели всех сегодня вывезти, — с досадой в голосе рассказывал Румянцев, — на льду осталось шесть человек: Бобров, Воронин, Кренкель, Сима Иванов, ботман Загорский и Саша Погосов. А погода начинает портиться!

Я вылез из яранги и пошел побродить по стойбищу. Багряно горела заря зашедшего солнца. По небу легкими струями тянулись высокие перистые облака — вестники наступающей непогоды. Неприятно на душе. Вертится мысль: устоит ли хорошая погода еще завтра? Ведь всего нужен один полет двух самолетов в лагерь.

На белой равнине среди разбросанных яранг бродят черными пятнышками отдельные фигуры челюскинцев. Можно издали по походке узнать каждого — настолько мы изучили друг друга за зимовку на корабле и во время пребывания на льду. Одна из фигур направляется ко мне. Не доходя, кричит:

— Павел Константинович! Вы назначены завтра на работу по аэродрому в первую смену!

— Есть. А с какого часа выходить? И что делать?

— В пять часов утра надо быть на аэродроме. А что делать, покажут бортмеханики. Им пужко помочь заправлять самолеты.

— Ну, тогда особенно разгуливать не стоит. Лучше пойти пораньше лечь спать...

ПОСЛЕДНИЕ ШЕСТЬ

Утро 13 апреля. Часы показывают без четверти пять. Я быстро одеваюсь и хочу вылезти из яранги. Старуха-хозяйка, останавливая, говорит:

— Чай, чай, чичас, чичас, готово.

Я жестами объясняю, что тороплюсь, и ухожу. На аэродроме уже копошатся люди. Несколько чукчей и челюскинцев разжигают стоящий на краю площадки небольшой котел с торчащей кверху трубой. В нем должна быть разогрета вода, пужная для пуска моторов на морозе.

Носятся с разводными ключами, проволокой и инструментом два молодых бортмеханика каманинского звена — Пилютин и Грибакин.

В море на горизонте дымка тумана. Остальная часть небосклона ясная.

— Ну, этот туман скоро рассеется, — весело бросает на мои опасения жизнерадостный Пилютин.

Первым к вылету готовится самолет Водопьянова, прилетевший вчера с мыса Северного и сделавший в тот же день два рейса в лагерь.

В девятом часу Водопьянов стартует. Самолеты Каманина и Молокова также заправлены и готовы к отлету.

Моя работа на аэродроме окончена, и я направляюсь к яранге.

Селение оживлено. Носят вещи и продукты. Меня нагоняют несколько собачьих упряжек. На нартах лежат вещи, спальные мешки. За нартами гуськом бодрым шагом по дороге идет человек пятнадцать челюскинцев. Пропускаю их, перебрасываюсь словами, желаю счастливого пути. Это одна из партий, уходящая пешком на Уэлен...

Мои сожители по яранге, когда я вошел к ним, пили чай. В миске лежали, как и вчера, вкусные, только что снятые со сковороды, лепешки—обычное здесь кушанье.

После чая я улетаю отдохнуть. Опять, как в прошлую ночь, несколько раз просыпался от доносившихся извне звуков — льдина приучила к чуткому сну.

Около полудня, просыпаясь, услышал рассказ Миши Филиппова:

— Водохлянов вернулся, не найдя лагеря. В море встретил туман. Сейчас вновь вылетает вместе с самолетами Каманина и Молокова. Каманин берет своего аэронавигатора Шалыганова.

Я поднялся с своего места. Спросил как погода.

— Да пока ничего, держится. Кренкель из лагеря сообщил, что туман рассеивается. Если удастся добраться всем трем самолетам, лагерь будет ликвидирован...

Томительные часы ожидания. Связь с лагерем прервана. Кренкель увидел самолеты и снял станцию. Как-то они там сели и как взлетят!?

Все мы стоим на аэродроме и смотрим на горизонт в море.

Но вот в небе появилась черная точка. Приближается. А там вдаль и две другие.

Самолеты снижаются, один за другим садятся. Окружаем их. Жмем руки «последним шести». У Воронина, пытавшегося при полете осматривать лед, немного поморозено лицо, оно покрыто как бы белой маской.

Из парашютных мешков самолета Каманина с радостным визгом выскакивают снятые со льда собаки, привезенные в лагерь Ушаковым. Их хозяин, заведующий ванкаремской факторией, Кривдун, треплет и гладит своих любимцев. Ведь он, отдавая их на лед, совсем не надеялся на их возвращение. А для такого профессионального полярника, как Кривдун, собаки — близкие и незаменимые существа.

— Да пустите же! Отойдите!—сердито кричит, расталкивая нас, Петя Новицкий, судорожно прикладывая к правому глазу визир лейки. Щелкнув несколько раз, он бесцеремонно опять толкает каждого стоящего на пути и бежит к другой группе.

— Не сходите с самолета, Владимир Иванович,— слышен снова его сердитый голос...

Летчиков по очереди начинают качать. В синих комбинезонах они взлетают над головами под громкие радостные крики «ура». «Ура» кричат и чукчи, разделяющие общую радость. Они ведь тоже эти месяцы немало

потрудились в деле нашего спасения. Вместе переживали неудачи, а теперь празднуют победу.

Да и как не радоваться, когда «лагерь Шмидта» больше не существует и все люди его на берегу!

ПОЛЕТ НА УЭЛЕН

На следующий день запуржило. Низкие, рваные, быстронесущиеся облака сыпят мелким сухим снегом. У земли снег снова взмывается и кружится.

По дороге в факторию встречаю еще одну уходящую пешком партию. Среди идущих вижу Пэпэ Ширшова.

— Пэпэ, ты как попал в эту компанию? Ты ведь был предназначен лететь на самолете в Уэлен.

— А видишь ли, Хмызя, ребята меня подговорили, ну я и попросил Баевского меня перевести из «летчиков» в «пешеходы». Хочется посмотреть как следует Чукотку.

— Это, конечно, интересно. Но и путь долг. Хотя ты еще ведь совсем молодой, и я уверен, что пеший путь в полтысячи километров ты выдержишь.

Банкаремская фактория представляет собой крошечный домик из двух маленьких комнат, одна из которых служит кухней. Домик построен из разнокалиберного дерева, видимо, остатков какого-то судна. Пол сделан из судовой палубы. Сейчас здесь помещаются летчики, Петров, Небольсин и радист, всего около двадцати человек. Спят на полу, тесно прижавшись друг к другу — иначе места на всех нехватит. Обедуют за маленьким столом в четыре очереди. Сегодня здесь немного свободнее, так как часть самолетов вчера отправилась в Уэлен и там осталась из-за непогоды. На этих самолетах улетели Бобров, Воронин, Баевский и еще несколько челюскинцев.

Подсаживаюсь к Шалыганову и начинаю его расспрашивать о замечательном перелете из Олюторки в Ванкарем. Этот перелет без оборудованных посадочных площадок и в то же время со многими посадками дался не дешево. Из пяти самолетов, вышедших со «Смоленска», две машины, Демерова и Бастанджиева, разбились совершенно, к счастью без человеческих жертв. У третьей машины сильно повреждено шасси, и она требует ремонта.

Против нас на лежанке сидит высокий блондин с крупными чертами лица. Тоскливо смотрит он в угол комнаты. На лбу у него еще не заживший рубец. Это Леваневский, огорченный тем, что так и не смог вылететь в лагерь.

Комната набита до отказа, из-за этого невольно чувствуешь себя лишним...

...Двенадцать дней с короткими перерывами погода была такова, что не хотелось вылезать из яранги. В дни с хорошей «летней» погодой происходит медленная переброска находящихся в Ванкареме челюскинцев в Уэлен.

В ожидании назначенной очереди к отлету я большей частью лежу в яранге и поглощаю одну за другой книги из факторийной библиотеки. Рядом со мной на оленьей шкуре лежит предсудкома «Челюскина» Ваня Румянцев, также запоем читающий книги.

Событий за этот период произошло немало. Из интересных моментов может быть отмечена попытка Бабушкина вылететь на мыс Северный, едва не окончившаяся катастрофой. Наша вся залатанная, столь много перенесшая «птичка» поднялась с аэродрома, набрала высоту и взяла уже направление на Северный. Внезапно у нее сдал мотор, остановился, и Бабушкину пришлось планировать. К счастью ему удалось спланировать на край аэродрома. По правде сказать, только Бабушкин мог решиться на такую затею, как лететь на таком растрепанном самолете в нелегкий перелет из Ванкарема к Северному...

— ...Товарищи, на общее собрание в факторию, — раздался голос за ярангой.

Побрели к фактории. Ветер несет мелкий снег.

Собрание в составе пятнадцати-двадцати человек, оставшихся в Ванкареме, происходило тут же на ветру у входа в факторию.

— Начну прямо, — проговорил отчего-то радостный Бобров, держа в руках рвущийся листик бумаги, — получена телеграмма. Я ее вам зачитаю.

«Приветствуем и горячо поздравляем доблестных...

...входим с ходатайством в Центральный исполнительный комитет

СССР: первое — о награждении всех челюскинцев...

...второе... третье...

...Сталин, Молотов, Ворошилов, Куйбышев, Жданов».

Что-то жаром полыхнуло съездов снежную пургу и наполнило до краев чем-то большим и радостным.

Настал, наконец, и день моего вылета в Уэлен. Всех нас последних, оставшихся в Ванкареме, забирают три самолета. Больных Расса и Комова с доктором Никитиным и штурмана Павлова забирает Доронин в свою закрытую пассажирскую кабину. Часть людей берет самолет Каманина, и, наконец, Бабушкина, Леваневского и меня — Водопьянов.

Часа через два быстроходная машина Водопьянова приносит нас в Уэлен. Но что это? На аэродроме не видно самолета Доронина. Он, правда, тихход, но вылетел раньше нас, и мы его в пути не обгоняли.

Ждем час, другой — Доронина нет. Водопьянов и Каманин стали готовиться к полету на его розыски.

Однако перед самым вылетом пропавший самолет появился. Оказывается в пути сдал мотор, и Доронин должен был сделать вынужденную посадку. Без всякого аэродрома ему удалось благополучно сесть, подправить мотор и снова взвиться вверх.

Уэлен поразил нас своими размерами. После разбросанного на большом пространстве десятка яранг Ванкарема, он показался настоящим городом. Город, состоящий из яранг, вытянулся на косе, отделяющей лагуну от моря. На лагуне расположился «аэропорт», имеющий котел для согревания воды моторов, ряды бензиновых бочек, разбросанные бидоны и разную авиационную утварь. На краю аэродрома из-под снега торчат огромные прямоугольные крылья поломанного самолета Ляпишевского «АНТ-4». Говорят, что с прибытием электросварщика со «Смоленска», его будут пытаться восстановить.

Яранги в Уэлене по величине больше ванкаремских. Часть яранг сделана из дерева с железными крышами стандартного типа. Собственно чукотскую ярангу эти стандартные домики напоминают лишь по своей форме. В селении имеется и несколько настоящих домов; в них помещаются исполком, школа, радиостанция и другие учреждения.

Сейчас Уэлен заполнен челюскинцами. Сюда же подходят отставшие товарищи пеших партий. Эти полтысячи километров, которые пришлось им сделать пешком, часто в шургу, иногда чуть ли не голодая, были очень трудны.

В одном из домов, превращенных в наши общежития, я увидел Пэпэ Ширишова. Лицо у него загорело, устало смотрят глаза.

— Ну, как, Пэпэ, прошел твой поход?

— Очень трудно было. Все не могу притти в себя, а завтра надо уже на собаках отправляться в бухту Лаврентия.

За несколько дней моего пребывания в Уэлене сюда прилетели одна за другой машины, которых мы совсем не ожидали видеть. Первая — это самолет Галышева, из Анадыря. Затем неожиданно прилетел Ляпишевский, починивший у Колучина свою машину, в чем ему помогали трое наших челюскинцев, присоединившихся к его экипажу из пешей партии. Восстановление этого самолета вдали от жилых мест явилось блестящим актом в нашей эпопее.

Наконец прилетел Пивенштейн, оставленный около залива Креста со сломанной камантинской машиной. Для того чтобы долететь до бухты Провидения, где были мастерские, Пивенштейн сделал из дерева шатун шасси и с такой деревянной «ногой» смог взлететь и благополучно сесть в бухте Эмма.

БУХТА ЛАВРЕНТИЯ

К базе в бухте Лаврентия я приехал на нартах поздно вечером 28 апреля. Раскинутая пологими берегами бухта довольно мелководна. Пересекая ее, долго видишь, как торчат изо льда стебли морской травы. На западном берегу к обрывам прилепилась цепочка однотонных, казарменного типа, деревянных строений культбазы. К ней и бегут наши нарты. На пригорке в глубине бухты видны постройки.

Большое школьное помещение было превращено в общежитие, но части челюскинцев все же пришлось разместиться и в других домах. Челюскинцами была заполнена и больница.

Инфекция ли гриппа, занесенная Слепневым, или же просто реакция после нервного напряжения жизни на льду, но больных среди нас было много. Свиристствовал, главным образом, грипп в тяжелой форме. У Алексея Николаевича Боброва был острый приступ аппендицита, едва не закончившийся его гибелью.

Ближайший врач-хирург оказался в Уэлене. Его вызвали по радио, но тут выяснилось, что езды от Уэлена до Лаврентия было почти двое суток, а операцию надо было делать немедленно. Самолетов в этот день в Уэлене не оказалось, так как они улетели в бухту Провидения. Выручил Леваневский. Осмотрев повреждения уэленского самолета «У-2», не летавшего с осени, он нашел, что с риском можно отправиться на нем и привезти врача. В пути, как и следовало ожидать, мотор сдал, и самолету пришлось сделать вынужденную посадку в гористой тундре. Леваневский подправил мотор, после чего началась мука с его пуском. Вода в моторе порядком охладилась, и он запускался туго. Леваневскому приходилось одновременно давать контакт в кабине и дергать пропеллер. Доктор мог помогать только отчасти, так как впервые в своей жизни летел на самолете. Наконец, мотор оказался запущенным, самолет взлетел и после недолгих поисков опустился в бухте Лаврентия. Через час или два доктор Леонтьев, при свете керосиновой лампы, уже делал операцию Боброву, закончившуюся вполне благополучно. Врач Леонтьев, оказавшийся прекрасным хирургом, сделал в лаврентьевской больнице целый

ряд операций. Узнав, что у строителя дяди Мити грыжа, Леонтьев оперировал его. Сушкину уговорил сделать операцию аппендицита, и хотя тот ей и не мешал, но врач доказал ей, что «здесь у вас свободное время, а по возвращении вам будет некогда ложиться в больницу, ну и дотяните до припадка».

1 Мая шумно и весело отпраздновали в Лаврентии. Был вечер с танцами и самостоятельными номерами. В погранотряде нашлась кинопередвижка. Наши механики ее быстро починили и начали устраивать киносеансы.

На стене красовался первомайский номер стенгазеты, называвшийся «Не сдались».

Погода потеплела. Из снега показались желтые кочки тундры. За припаем льда бухты плескается черно-зеленое море с отдельными белыми пятнами плавающего льда. Где-то в этом море среди льдов стоят пароходы «Смоленск» и «Сталинград», направляющиеся к нам, чтобы мы могли начать новый этап столь обильного приключениями путешествия...

«СМОЛЕНСК»

— Скорее, скорее идите на аэродром, ведь ваша очередь лететь. Самолет ждет, — торопил Анатолий Колесниченко.

Вирипрыжку пустились к аэродрому, расположенному километрах в пяти от культбазы. На аэродроме стоял голубой двухмоторный гидроплан Светогорова.

Опять мы на воздухе. Я и водолаз Мосолов, как более тяжелые, посажены в центре машины между бензиновыми баками. Такова уж у меня судьба в этих полетах — сидеть в таком месте, откуда ничего не видно. А мне, как гидрографу, как раз и было наиболее интересно осматривать и местность и распределение льдов над пролетаемым пространством. Все дело портят мои 90 килограммов веса, заставляющие летчиков каждый раз сажать меня куда-то в глубь самолета.

Минут через пятьдесят мы опускаемся на лед бухты Эмма, представляющей собой отростки бухты Провидения.

Расположенные на ее северном берегу два маленьких домика Главсевморпути были до отказа набиты челюскинцами и летчиками. Часть из них поселилась на противоположном берегу в школе и погранпункте. На льду стоят самолеты Галышева и Доронина. Между Лаврентием и Провидением рейсируют остальные самолеты. Вскоре в Лаврентии остались только больные и обслуживающий их персонал.

Утром, 7 мая, за окном нашего домика раздался крик:

— Пароход!

Этому никто не поверил. Уже неоднократно наши «шутники» развлекались подобным вызовом всех на улицу. Мне все же захотелось выйти,

так как в крике была какая-то нотка неподдельной радости. Когда я отправился к выходу, послышался смех:

— Да ведь дурака валяют. Никакого парохода еще не может быть — рано.

Перед домом несколько человек напряженно всматривались в туманную даль. Оказалось верно. Сквозь туман выделялись очертания парохода.

Я бросился в дом, схватил бинокль.

— Идите, идите, действительно пароход.

— Павел Константинович, и вы заразились «надувательством»? — все еще раздавались голоса пессимистов, не желавших сползти с нар. Большинство, однако, все же вышло.

— Ну где же ваш знаменитый пароход? Да, правильно! Это он!

Туман начинало разгонять, и черный силуэт судна резче стал выступать на фоне белых гор, окружающих Провидение.

С полудня началась отправка на пароход «Смоленск». Вещи перевозились тремя нартами собак, люди шли пешком. Расстояние до парохода составляло километров восемь. Груза у меня с Гаккелем было порядочно, и состоял он из спасенных со льда инструментов и научных материалов. Потребные для перевозки две нарты нам удалось получить только к вечеру.

Уже темнело, когда мы тронулись в путь к «Смоленску», стоявшему у кромки льда. Путь был не легок, так как ноги выше щиколотки проваливались сквозь наст. Когда мы подошли к освещенному пароходу, то усталость сильно давала себя чувствовать. С борта кто-то из наших члюскинцев крикнул нам:

— Торопитесь скорее на медосмотр, а то вас на судно не пустят. Что вы так поздно?

— Раньше нарт для инструментов не было. Мы тут не при чем. Не пустят на судно, будем спать на льду, не впервые, — буркнули мы устало в ответ.

Опасения нашего товарища были напрасны. Врачи ждали нас в лазарете, внимательно осмотрели и дали направление в баню и на получение белья. Гаккель, сохранивший смену чистого белья, отправился прямо в баню, а я пошел искать ревизора. По дороге у Копусова получил записку-ордер на костюм, так как на мне были лохмотья от стеганого ватного платья. Получив белье и костюм, я направился в баню. Несмотря на усталость, тесноту и малое количество полагающейся на мытье пресной воды, эта первая за три с лишним месяца бани показалась сущим блаженством.

Распаренный и освеженный я отправился в каюту, где уже устраивался Гаккель.

— Як Як, а ты не знаешь, как насчет того, чтобы поесть и чайку попить? Ведь мы с полудня не ели.

— Знаешь, поздно, — ответил Гаккель, — ведь первый час ночи. Я тоже голоден, хотя еще успел одним из последних попить чаю, но он был только с одним черствым хлебом — особенно не насытишься. Давай уж ляжем спать.

Приятно было почувствовать себя на пружинной койке в столь привычной мне обстановке каюты судна. Впереди остался последний этап «сквозного плавания Северным ледовитым океаном из Атлантического в Тихий».

«СМОЛЕНСК» ТРОНУЛСЯ

Через несколько дней «Смоленск», выбрав ледяные якоря, дал ход машинам и стал медленно выходить из бухты Провидения, направляясь к Лаврентию, где надо было взять больных и оставшихся при них товарищей.

Туман. Пароход, выполняя морские правила, дает через каждые пять минут протяжный гудок.

Для больных готовили лучшие каюты первого класса.

Не доходя до Лаврентия, встретился лед, который пароход стал осторожно обходить. Каким слабым показался нам этот лед Берингова моря в сравнении с полярным паком Чукотского! Здесь были ровные, почти без торосов поля, мощностью менее полуметра, вынесенные, видимо, из Анадырского залива.

— Да, вот бы в таком льду пробиваться «Челюскину» к Берингову проливу, — протянул Гаккель, глядя на шуршащие под бортом «Смоленска» льдины.

Однако и этот маломощный лед задержал наш подход к Лаврентию. Лишь 24 мая «Смоленску» удалось пришвартоваться к береговому припаю бухты.

Часа через два среди прибрежных ледяных нагромождений замелькали черные точки, зигзагамидвигающиеся к нам. Путь для больных, большую часть которых везли на нартах собаки, был нелегкий. От нарты к нарте перебежал медперсонал Лаврентьевской больницы, следивший за состоянием тяжело больных, которых оказалось немало. Расс, Комов, Шпаковский были опасно больны гриппом, осложнившимся в острые формы. Остальные десятков или полтора наших товарищей были лишь только на пути к выздоровлению. Многих привезенных пришлось поднимать на пароход, прямо с нартами, судовой стрелой.

К вечеру погрузку больных закончили, и «Смоленск» двинулся в обратный путь к Провидению...

Со дня на день мы ждали подхода «Красина» и «Сталинграда», который был зажат льдами у острова Лаврентия. Наконец были получены сведения, что «Красин» освободил пароход и они вместе двигаются к нам.

Снова туман. На «Смоленске» идет погрузка самолетов. Два из них без крыльев уже стоят тесно прижавшись друг к другу. Наши челюскинцы помогают чем могут и летчикам и судовой команде. Одна бригада работает по промывке котлов, другая по текущему ремонту машины, третья по разборке и подтаскиванию к борту самолета.

В густом тумане вдруг послышались невдалеке пароходные гудки.

— Что это? Неужели «Красин» или «Сталинград» решились в туман входить в бухту? — слышались удивленные возгласы приостановивших работу ребят.

И все же это оказалось так. Не прошло и четверти часа, как совсем близко от нас из тумана медленно выплыл хорошо известный всему миру силуэт краснознаменного «Красина». Увидев наше судно, ледокол увеличил ход и с разбега ударил в лед припаяв бухты. По льду побежали изогнутые трещины.

«Красин» стал на ледяные якоря километрах в двух от нас. Вскоре от него отделилась вереница одинаково одетых людей. Головной нес плакат. Люди подходят к борту «Смоленска», выстраиваются в ряд и отдают рапорт вышедшим навстречу Боброву, Задорову, парт- и профпредставителям «Смоленска», летчиков и челюскинцев. Редкий рапорт корабля. Ледокол, не приспособленный к океанским переходам, в рекордно короткий срок пересек Атлантический и Тихий океаны, спеша на выручку людей из ледяного плена.

— Как вошел во время тумана «Красин» в Провидение? — задал я вопрос пришедшему на ледоколе известному полярному исследователю Николаю Ивановичу Евгенову, когда мы с Гаккелем вечером сидели в каюте гидролога «Красина» Ратманова.

— С нами на корабле, как ты знаешь, — рассказывал Евгений, — идет одним из помощников начальника экспедиции Сакеллари. Тщательнейшим счислением пути судна и помощью радиопеленгования он ввел «Красина» в узкую щель между гор, какой в сущности и является бухта Провидения. Конечно, это своего рода «навигационный трюк».

Николай Александрович Сакеллари, профессор навигации Морской академии, известен всем морякам нашего Союза. Так значит и он, никогда не бывший ранее в Арктике, также шел к нам на помощь!

На следующий день туман рассеяло, и в бухту смог войти «Сталинград». Его палуба также была загромождена самолетами и ящиками. По бортам стоит много людей в защитной форме — это команда находящихся на нем двух дирижаблей. По приходе «Сталинград» тотчас приступил к разгрузке. С него на лед осторожно спустили один за другим два трактора, и они побежали к отmeli бухты Пlover. Эти тракторы так же шли, как одно из многочисленных средств для нашего спасения. Теперь они остаются в бухте Провидения для разгрузки судов и развозки привезенного по всему прилегающему к бухте району.

Подтягиваются последние самолеты. Прилетел Светогоров, совершивший полет на мыс Северный и вывезший оттуда несколько больных с зимующих там недалеке пароходов. Из Уэлена прилетел «АНТ-4» под управлением Леваневского. Этот самолет нужно было погрузить на «Смоленск».

«Сталинград», закончив выгрузку, двинулся под проводкой «Красина» к Уэлену, где должен был оставить часть имеющегося у него на борту снаряжения и продовольствия и затем уже возвращаться во Владивосток.

Заканчивается погрузка тяжелого «АНТ-4» на борт «Смоленска», для чего пришлось устроить общий аврал. Опять, как на льдине, раздались крики: «взяли, взяли, пошли, пошли...» и огромная машина, действительно, «пошла» к борту «Смоленска».

В БЕРИНГОВОМ МОРЕ И ТИХОМ ОКЕАНЕ

К 20 мая погрузка всех машин была закончена, и наш пароход вышел в море.

Теснота на «Смоленске» страшная. Кроме челюскинцев на нем помещаются все экипажи самолетов и эвакуированные с зимующих у мыса Биллингса пароходов. Большинство размещено в твиндеке трюмов, где имеются койки. Нас с Гакелем перевели в каюту поменьше. Вместе с нами помещаются Пэпэ Ширшов, Ремов и Рыцк. Последний спит на небольшом диване, так как коеж в каюте всего лишь четыре.

Рядом с нами расположена каюта женщин. Через тонкую переборку слышно, как кричит Карина, вступившая в размолвки со своей матерью. Часто доносится доказывающий что-то голос Лобзы. Через час или два в дверь нашей каюты раздается стук и голос:

— Вика здесь?

Если Вика Рыцк в каюте, то Зина Рыцк входит, садится на Викин диван и смотрит молча на Вику. Если в каюте Вики нет, Зина идет наверх, зная, что Вика ее ищет. Через несколько минут супругов можно видеть гуляющими под руку на палубе.

А что делаем мы? Пьем, пишем и пишем.

Зародившаяся еще в лагере идея написать коллективную книгу о «Челюскине» и «льдине» претворяется в жизнь. Баевский — инициатор всего этого дела — ходит от одного к другому и настаивает: писать, писать и писать.

Но не для одной этой книги приходится нам заниматься писанием. На «Смоленск» с «Красина» и «Сталинграда» нагрянул сонм корреспондентов целого ряда газет. Наши рассказы и интервью их не удовлетворяют.

— Напишите очерк, выдержку из дневника, — настаивают они.

Писать в условиях «Смоленска» — дело не столь простое.

В каюте, лежа или сидя на койке, писать крайне неудобно. В кают-компаниях столуются в четыре смены. После четвертой смены, пьющей

чай, первая смена начинает обедать. После обеда почти без перерыва идут ужин и вечерний чай. Таким образом пользоваться кают-компанией как рабочей комнатой днем не приходится. Крошечный курительный салон представляет единственное помещение, где многочисленные пассажиры могут «сгонять» козла или послушать живой рассказ о приключениях Миши Водопьянова. Здесь целый день раздается стук костей и взрывы хохота. Так где же все-таки писать?

Переключились на ночное время и в одиннадцать часов вечера, когда в кают-компанию заканчивается уборка, стали собираться «литераторы».

Рассаживаемся по столам. Регламент таков: работаем в тишине час, потом перекурка. Во время ее корреспонденты Розенфельд или Хват рассказывают анекдот. Затем опять за малопривычную для нас работу. Всегда веселый Кренкель, излагая свои мысли на бумаге, становится напряженным, мрачнее тучи. Мы его называем «Достоевским».

Изящно раскинувшись, с глазами, устремленными вдаль, блаженно улыбаясь, пишет свои воспоминания «коммодор из далекой Сайбирии» Маврикий Слепнев: «Пилот держал руку под козырек. Все, кроме него, стояли, держа шляпы в руках... Мэр города подносил звездный флаг советскому пилоту... Пилот — это был я...»

Ну, так и прозвали его «Бальзаком».

Работа идет часов до пяти-шести. Потом появляется всегда имеющийся на судне для вахтенных чай, после которого все расходится спать.

КАМЧАТКА

На горизонте стали вырисовываться подернутые снегом вершины сопков вулканов. Мы приближались к берегам Камчатки. Начали встречаться небольшие боты, ритмически тарахтящие своими моторными двигателями.

Потеплело. Сброшены свитера и меховые шапки. Верхняя палуба все время полна народом.

— Какая красивая здесь природа, — говорит Лида Буйко с Аллой на руках.

— Конечно! Я перевожусь сюда плавать, — возмещает публике в другом месте штурман Павлов.

Вечером 28 мая «Смоленск» стал входить в огромную Авачинскую бухту, сообщающуюся с океаном лишь узким проходом. Здесь могут разместиться флоты всего мира. Справа у входа набегающая волна плескает о две торчащие из моря скалы. Это «Два брата», как бы сторожащие вход в бухту.

В глубине, уже в темноте, наш пароход стал на якорь. Невдалеке от нас сверкал огнями Петропавловск-на-Камчатке. В город на какой-то плюшечке сразу отправилось несколько человек корреспондентов. Для них теперь появилась новая забота — возможно скорее отправить в Мо-

скву собранный на пароходе материал о челюскинской эпопее. Один из них, например, мечтает раздобыть для этой цели самолет, другой — захватить телеграфную станцию на все время, потребное для передачи всей массы накопившегося материала.

На следующее утро после завтрака все были вызваны на верхнюю палубу на общее собрание. Бобров громким взволнованным голосом зачитал опубликованное в газетах постановление правительства о награждении нас, челюскинцев, летчиков и участников спасательных операций. Громовое «ура» разнеслось по кораблю.

К полудню под хлопки выстрелов салюта и приветственные гудки пароходов «Смоленск» вошел в гавань и пришвартовался к стоящему у пристани пароходу «Сергей Киров». На молу выстроился почетный караул воинской части. Все здания украшены приветственными лозунгами. Доносятся звуки оркестра.

На площади митинг. Выступают Бобров, Воронин, Каманин и представители местной власти и организаций.

Возвращаясь на корабль, несем пачки газет, купленных в почтовом отделении. Раскрываем одну, другую. Всюду статьи и очерки об эпопее «Челюскина». Здесь помещены все телеграммы Шмидта, с деталями нашей жизни на льду.

— А за границей не верили в наше спасение. Считали, что мы должны были идти пешком на материк, бросая, следовательно, больных и слабых! — бросает во время чтения Пэпэ Ширинов.

— Однако, как нами интересуются! Даже все старые снимки, сделанные в начале плавания, напечатали.

Быстро пробегают три дня стоянки в Петропавловске. Приемы, банкеты, выезды на предприятия и в совхозы. Мы делимся своими впечатлениями о нашей экспедиции, нам показывают свою работу и ее достижения. Петропавловск развивается. Вот совхоз, оборудованный по всем правилам зоо- и агротехники. При нем рассаживается плодовый сад. В этом году он даст первые выросшие на Камчатке груши и яблоки. Молоком, овощами и ягодами совхоз уже снабжает население.

Городской театр дает новые пьесы. Хороший коллектив артистов своей игрой и постановкой не уступает театрам далекого запада нашей страны.

ЯПОНСКИМ МОРЕМ

Снова стучит машина «Смоленска». Плывут мимо горы и скалы Камчатки. Пригревает яркое теплое весеннее солнце. В каютах уже никто почти не сидит, шумливые разговоры и смех слышатся на палубе и день и ночь.

Большинство больных поправилось и греется на солнышке. Стало немного лучше и двум нашим опасно и серьезно больным — Рассу и Комову.

Положение их перед Петропавловском было очень тяжелым. Доктора даже поговаривали о том, чтобы их оставить в Петропавловске, но потом решили, что это плохо отразится на них в моральном отношении; в их болезни наступил как раз перелом, и они, хоть и медленно, но пошли на поправку.

В море все чаще и чаще стали попадаться суда. Грузенные пароходы всех наций пересекали наш курс в разных направлениях. Иногда пробегали мелкие рыболовные суда.

Среди нас, челюскинцев, нехватало одного — радиста Симы Иванова. Неутомимый энтузиаст Арктики, он не удовлетворился челюскинской эпопеей и отправился из Уэлена на остров Врангеля. Самолет Фариха, на котором Сима летел с Петровым, немного не долетев до острова, имел вынужденную посадку на лед, к счастью окончившуюся вполне благополучно.

ВЛАДИВОСТОК

Утреннее яркое солнце. Голубовато-стальная зыбь плавно покачивает судно. Вдоль правого борта «Смоленска» разбросаны группы челюскинцев, побритых, сколько можно принаряженных. Над обрисовывающимися на горизонте прозрачным контуром берега в одном месте висит бурое дымное пятно. Это Владивосток напоминает о своем существовании в Японском море.

Справа от «Смоленска» на зыби покачивается пароход. Его борт опоясан синей лентой флотских фланелевок с голубыми воротниками. На спардеке непрерывно играет оркестр. С палубы судна, с мостика его, в рупор или просто голосом льются приветствия.

— Да здравствует герой!!! Да здравствует организатор и руководитель спасения челюскинцев, великий Сталин!!!

Оркестр на спардеке парохода непрерывно играет «Интернационал», туш, «По долинам, по горам» и снова «Интернационал».

С мостика «Смоленска» ответные приветия бросает Бобров, с трудом управляясь с непривычки с большим судовым рушором. Звонко, без всяких рупоров слышатся броские приветствия Володи Задорова, выступающего попеременно с Алексеем Николаевичем.

Проходит час, другой. Качаемся на зыби. Не перестает играть оркестр.

В воздухе появляются черные точки. Приближаются. Маленькие «Ш-2» над нами. На палубу сыплются груды букетиков. Ландыши, подснежники, какие-то еще цветы дальневосточной весны, неизвестные нам, ленинградцам и москвичам.

Черные летящие точки появляются на воде. Взметая носом бурун и оставляя за кормой две крутых расходящихся в стороны волны, несутся быстходные катера.

На высокоподнятый правый трап, хватаясь за стойки, прыгает плотный широкоплечий человек в кожаном пальто, с флотской фуражкой на голове. За ним второй, тоже в кожаном. Командующий морскими силами Дальнего Востока жмет руку встретившего его на трапе Боброва.

Катер, толкнувшись о трап, рывком отлетает от судна и спешит в кильватер своим судам.

На горизонте вновь появляются силуэты каких-то кораблей. Постепенно вырисовываются однотрубные портовые суда и переваливающийся с борта на борт на зыби двухтрубный ледокол «Добрыня Никитич». Впереди бегут катера, украшенные флагами и полотнищами лозунгов.

На подходящих судах гремит музыка. На них все усыпано людьми, как оказалось лучшими ударниками, знатными людьми Дальнего Востока.

Встречающие суда, сделав приветственный круг вокруг «Смоленска», подошли к его борту. У женщин в руках цветы. На всех выдающихся точках — кинооператоры и фотографы в клетчатых ярких кепках и ковбойских буртках и рубашках. Они крутят ручки аппаратов, щелкают лейками.

Зыбь раскачивает суда. Улучив удобный момент, знакомые и родные челюскинцев и их сопровождающих проникают на «Смоленск». Хлопьями разлетаются пачки брошенных газет с набранным крупным шрифтом заголовком: «Приветствуем отважных»...

— Аркаша! Друг мой! — кричит с «Добрыни» полнотелый мужчина, кончив крутить ручку киноаппарата. Но Аркаша Шафран окружен уже тесной толпой, нагружен несколькими букетами цветов и не слышит. Разстерянный он лепечет:

— И ты здесь? И ты?

— Ну как же! Мы все приехали сюда. Нельзя же ваш приезд не заснять, — отвечают ему обиженно.

«Смоленск» дал ход вперед. По бокам его эскортируют собравшиеся суда. Часть из них начинает отставать, так как «Смоленск» не плохой ходок, а уж по случаю торжественного возвращения во Владивосток кочегары действительно шуруют на «полный ход».

Узкий вход в бухту Золотой Рог усеян пароходами всех национальностей, стоящими у причалов.

«Смоленск» пошел медленнее. Пронзительным стоном гудков приветствуют его все стоящие в бухте суда. Особенно долго и упорно гудит басом один англичанин — видно челюскинская эпопея произвела впечатление на его капитана, какого-нибудь почтенного морского волка.

Рокот гудков переплетается с размеренными ударами салюта орудий на берегу, бросающих ввысь белые клубы дыма.

Вот и пристань с вытянутой прямой ниточкой почетного караула и небольшой группой встречающих. На склоне гор раскинулся город. Изогнутые улицы очерчены такими же ниточками почетной встречи с бахромой жителей. Вершины сопок как кустарником покрыты толпами народа.

Швартуемся к пристани. Замолчал приветственный пароходный гудок и у неистового англичанина.

Речи одна за другой, разносимые по радио... Бобров, Воронин, Каманин, представители местных властей и общественности.

— Нам предстоял долгий и трудный путь до Ванкарема по неосвоенной трассе, — четко бросая слова говорит Слепнев, — мы его преодолели, а затем в несколько дней был взят штурмом ледовый лагерь. Заверяем, что если защита нашей родины потребует полета не на север, а на восток, то мы его также успешно выполним, ведь путь здесь много короче. — Гул криков и аплодисментов слышен с берега.

Как бы в подтверждение сказанному, в воздухе медленно проплывает эскадрилья больших тяжелых машин защитного цвета.

Сходим на берег. Садимся в поданные автомобили и едем по улицам. Шпалеры народа с букетами в руках. Цветы летят в машину. Короткий парад на главной улице — и нас увозят в гостиницу.

ЭКСПРЕСС ЧЕЛЮСКИНЦЕВ

Три дня пребывания во Владивостоке проносятся мигом. Доклады, собрания, посещение школ и воинских частей чередуются одно за другим.

Наступает день отъезда. Прощальный митинг на площади перед вокзалом.

Входим в поезд — темно-синий экспресс, чистый, блестящий. В каждом купе на столике стоят цветы с прикрепленными печатными бланками: «от железнодорожников Владивостокского узла», «от паровозного депо», «от товарной станции» и т. д.

Гудок паровоза, и под музыку поезд плавно отходит. Мы с Гаккелем едем в двухместном купе.

— Видал, что делается, Як Як? — только и мог промолвить я.

— Да-а... — после долгой паузы протянул он. Гаккель грузно сидел, водил губами, как будто причмокивая, поворачивал голову то в окно, то на груды грязных, залитых масляными пятнами мешков, которые лежали у стенки против дивана.

В окне уже бежали деревья с нависшими листьями, хвоей мелькала маленькими иглами лиственница. На полу в засаленных мешках лежали спасенные с ушедшего под лед «Челюскина» научные приборы, которыми мы вели наши наблюдения на льду. После перевозки самолетами, собаками упряжками, парходами, грязные мешки создавали своеобразный колорит своим контрастом с блестящей чистотой обстановки купе экспресса.

Поезд замедлил ход. Темнело. За окном неожиданно для нас послышался шум, крикливый гул и ритмические звенящие удары.

— Что это? — встрепнулся Гаккель, вытягиваясь к окну. — Да ты посмотри, что здесь творится! — вдруг вскрикнул он, подскакивая и начиная неистово махать рукой.

Поезд подходил к небольшой станции. Весь перрон и все прилегающее к нему пространство было эзпужено народом. Плескались лентами плакаты с надписями: «Привет героям Арктики»... «Героям-летчикам»... «Славным челюскинцам»...

В руках встречающих — цветы. Поезд замедлил ход, остановился. С подножки вагона соскочил Бобров, за ним Ляпидевский и еще несколько человек. К ним потянулись букеты. Маленькая девочка в белой блузке с красным пионерским галстуком, вытянув руки, пытается передать цветы Ляпидевскому. Вот он ее заметил, широко улыбается. Перед входом в станционное помещение в красочной толпе мужчин и женщин высится увитая лентами красная трибуна. Около нее оркестр, выставивший медь своих труб над головами. В шуме приветствий, криков его почти не слышно. Лишь изредка доносятся слова песни:

Все выше, и выше и вы-ше.

Бобров, Ляпидевский, Задоров пробрались, наконец, к трибуне, поднялись на нее. Гул смолк.

— Товарищи! — начинает Бобров, — позвольте, во-первых, поблагодарить вас за этот сердечный прием...

— ...мы выполнили поставленную партией и правительством задачу, — говорит после Боброва Ляпидевский, — на советских машинах с моторами, построенными на заводах нашей великой родины...

Короткий митинг окончен. Поезд трогается дальше. В купе у нас еще несколько новых букетов цветов — их нам подали в открытое окно. Высовываемся, машем руками.

ЗАСЫПАННЫЕ ЦВЕТАМИ

— Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,
Преодолеть пространство и простор... —

будит меня на следующее утро громкий хор, доносящийся через закрытое окно. Поезд стоит.

Гаккель тоже проснулся и, приподнявшись на своей верхней койке, взглянул в просвет занавески окна.

— Ну и народу, — воскликнул он, — на трибуне Пәпә Ширшов говорит. Вот кончил. Аплодируют. Сходят с трибуны. Вероятно сейчас тронемся дальше.

Действительно, через несколько минут гул за окном усилился, поезд начался и мягко застучал колесами.

— Пора вставать, скоро 9 часов, утренний завтрак, мы ведь с тобой записались на первую очередь, — сказал я. Мы стали одеваться.

— Завтрак готов, — послышался минут через десять голос за дверью купе.

Мы были уже готовы. Вышли в коридор и остановились. Коридор был заставлен кипами газет, книг, какими-то ящичками, и все это было буквально завалено горами цветов.

— Да вы что, ночью спали что ли? — видя наше изумление обратился к нам Борис Громов. — Ведь всю ночь, на каждой маленькой станции нас встречали цветами, выпущенными в честь нас газетами и подарками. А что самолеты делали при свете прожекторов?! Фигурные полеты ночью...

Встречи продолжались и днем и на больших и на малых станциях. Даже там, где экспресс останавливался лишь на минуту, стояли толпы по-праздничному одетых людей. Знамена, плакаты, оркестры, то военные, то составленные из колхозников. Временами поезд замедлял ход и на перегонах между станциями. И здесь стояли либо зеленые шеренги вышедших к железнодорожному пути красноармейцев, либо те же в ярких красках толпы колхозников, приехавших из медвежьих мест необъятного Дальнего Востока и Сибири взглянуть на наш поезд. В стороне от встречающих стоят вереницы разукрашенных телег, сибирских кошевок и верховых лошадей, на которых приехали встречающие.

Цветы, цветы без конца. Цветами заполнены все купе, все коридоры, весь поезд.

На остановках в выси реют самолеты. Медленно и плавно делают круги большие многомоторные машины. Кувыркаются в фигурах высшего пилотажа юркие, столь нам знакомые и близкие «Р-5».

С воздуха сыплются приветственные листовки и опять... цветы.

ДНИ ИДУТ—БЛИЗИТСЯ МОСКВА

Поезд глотает расстояние. Бегут города, станции, полустанки. В больших городах поезд делает остановку на несколько часов. Шум многотысячной толпы. Глухо гремят оркестры. Митинг на вокзале. Митинг на главной площади города. Поездка на автомобилях или банкет. Опять вокзал. Синий экспресс с плакатами на лаке вагонов с вновь прицепленным расцветенным и разукрашенным очередным паровозом бежит дальше. Снова станции и полустанки, с их неумело, но любовно нарисованными, плакатами, тортами своего изготовления, живой стерилью, любовной протатарской встречей. И утро, и день, и вечер, и ночь.

— Павел Константинович! Ваша бригада с Румянцевым и Дорониным сегодня дежурит с десяти часов вечера до двух ночи, — бросает нам Лобза и бежит к своему вагону.

— Как же, как же помню,— кричу в ответ.

С нашим поездом едут жены, матери и родственники, встретившие своих близких во Владивостоке и других городах. Масса корреспондентов. Они ходят по вагонам, ловят каждое слово, фразу и записывают в блокнот или книжки. Заставляют нас писать очерки, заметки, хватают написанное и убегают куда-то передавать.

— Павел Константинович,— будит меня как-то ночью Хват, старый знакомый по «Смоленску»,— напишите несколько строк для газеты.

— Лев Борисович, ведь я уже сегодня почти весь день писал, в том числе и вам, кажется, дал один из очерков.

— Но поймите же, проезжаем мой родной город, в котором я родился, вырос и начал свою деятельность журналиста. Должен же я, Хват, дать туда полный материал.

Я спускаю голые ноги с койки и на листке бумаги, под толчки вагона набрасываю очерк, заканчивающийся приветствием рабочим того города, где родился Хват...

В Бую нас встречает Шмидт. Как похудел после болезни Отто Юльевич! Впалые щеки, посеревшее лицо. Но глаза не те, что были, когда его увозили из лагеря. Тогда они были скорбные, с болью, сейчас они насыщены радостью, бодрые и живые. Жмет нам руки, садится в поезд, и мы вместе едем в Москву.

ПУРГА ПРИВЕТСТВИЙ

Наш поезд должен прийти в Москву не на Северный вокзал, а на Белорусский, так как площадь перед Северным разрыта для постройки метро.

Поезд идет медленно по окраинам Москвы, переходя с одной железнодорожной линии на другую. И всюду около путей огромные толпы народа. Мы стоим у окон и машем маленькими красными флажками.

Экспресс ныряет под мостами, пересекает улицы. Замедляя ход, плавно вкатывается в вокзальные арки.

Небольшая группа встречающихся. Звук горна, и мы строимся в колонну. Проходим мимо почетного караула.

Вокзал кончается. Портал, обвитый белыми и голубыми лентами. Меж колонн, как изваянные статуи, стоят в строго отмеренных расстояниях друг от друга фигуры в белом с белыми шлемами. В синей опущке формы и строгой подтянутости угадывается милиция.

У каменной лестницы вытянутые ряды увитых цветами автомашин; похоже как будто на огромной Триумфальной площади расставили в два ряда большие корзины живых цветов.

Садимся в указанную нам машину. Автоколонна медленно начинает двигаться, огибает площадь и выезжает на Тверскую улицу. Узкие тро-

туары улицы заполнены людьми, иступленно кричащими «ура», махающими шляпами и руками. Над головной машиной сноп листовок, брошенных с одного из верхних этажей дома. Со следующего дома снова листовки, со следующего опять. Медленно падая, они гудят, взлетают вверх, подхватываемые ветром. Скоро весь узкий, врезанный в дома пролет Тверской улицы заполнен этим снегом листовок. Ими покрыта и мостовая. Пурга, пурга в Москве в июне.

Двухрядная колонна, eskortируемая с боков всадниками в белом и белых шлемах, подымается на Красную площадь. Больше половины этой огромной площади занято вытянутыми рядами военных частей. В центре сводный оркестр.

Все выше, и выше и выше.

Наши автомобили подкатывают к мавзолею, под которым выстроена большая серая трибуна, десятком ступеней возвышающаяся над площадью. Входим в нее с теми же маленькими красными флажками в руках, что были у нас в поезде. У лестницы на трибуне мавзолея стоят несколько человек, среди них выделяется высокая, чуть сторбенная старческая фигура, приветливо с улыбкой рассматривающая нас. Такое знакомое лицо!

— Да ведь это Алексей Максимович Горький! — говорит мой сосед, — а вон поодаль, смотри, стоит Буденный...

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

Оркестр заиграл «Интернационал» сильно, стройно. Озираемся — что должно быть.

Из ворот Кремля вышла небольшая группа людей. Двигается по направлению к нам. Один поднял для приветствия руку. Это, это... Сталин! Идущие с ним тоже подняли руки. Высокая, рослая фигура чуть наклонившись вперед держит по военному руку у козырька своей кепки. Куйбышев и... все Политбюро.

Растерянно, подымая то флажки, то руки, смотрим мы на идущих. Вот они здороваются со стоящим внизу Шмидтом, летчиками, весело машут нам руками и поднимаются на трибуну мавзолея.

Громкий голос Куйбышева, разносимый репродукторами, открывает митинг:

— Товарищи! Мне поручено Центральным Комитетом Всесоюзной коммунистической партии и правительством Советского Союза передать горячий братский привет всем челюскинцам и летчикам.

...Спасение челюскинцев показало, что в любой момент вся наша страна поднимется на защиту, когда это нужно будет, и что многих и многих героев сможет она дать...

...Ура!

Неокрепший от болезни голос. Растерянное от волнения лицо Шмидта. В бороде и волосах белые блестящие застрявшие конфетти.

— Мы были на льду. Нас спасли. Через всю страну — от города к городу — встречала нас приветом наша великая родина. И сегодня мы здесь, в красной столице, перед лицом партии и правительства, перед товарищем Сталиным. Это самый замечательный день нашей жизни...

Слова Каманина, Воронина, Молокова и других...

Парад. Четкий шаг военных академий, частей, школ. Стройные ряды ветеранов революции.

Вооруженные колонны рабочих.

Легкий шаг физкультурников в ярких шелковых разноцветных майках. Четверки рослых лошадей плавно катят рядами тачанки.

Шум, грохот, лязг железа шлют то быстро бегущие легкие танки, то медленнодвигающиеся большие черновато-серые машины. Сверху также несется шум и гул. Эскадрилья за эскадрилей, закрывая свет, идут самолеты...

— Двадцать два, двадцать три... шестьдесят семь... восемьдесят три... — пробует кто-то считать, но сбивается и бросает. А самолеты продолжают плыть.

Последняя концевая эскадрилья. Нет, еще что-то летит.

— «Максим Горький!»! «Максим Горький!»! — пробегают возгласы по трибуне. — Его первый полет!

Из-за башни Исторического музея выплывает огромная птица, глухо гудящая своими восемью моторами. Под концами ее крыльев два самолета. Какими крошками кажутся они в сравнении с гигантом.

Аплодисменты. На трибуне мавзолея жмут руку, поздравляют того, чье имя носит самолет — Алексея Максимовича Горького...

Проходят последние отряды танков. В воздухе пролетают два дирижабля — новое достижение советской воздушной стройки.

Площадь на несколько минут опустела. Затем живыми потоками ручьев вливаются колонны демонстрантов всех десяти районов Москвы.

Лес плакатов. Яркие краски летних костюмов. Живая и веселая песнь. перебиваемая разноголосыми звуками оркестров. И цветы, всюду цветы. Трибуна забросана цветами.

Идут тысячи, сотни тысяч, миллионы радостных людей. Чему же радуются? Спасению сотни людей? Нет, это радость победы, победы пятилетки, победы над природой, победы на всех фронтах, на пути к бесклассовому обществу.

Колонны идут. Два, три, пять часов. Наступает ночь. Факелы, бенгальские огни, прожекторы. Сказочная феерия. Сказка? Сон? Нет — это явь! Явь в сказочной Стране Советов!

ОГЛАВЛЕНИЕ

II Хмызников

I. Вокруг Скандинавии	3
II. В Карском море	19
III. На восток!	42

II Ширишов

IV. Колючинский плен	51
V. Петлистый дрейф	68
VI. Неужели зазимуем?	89
VII. На зимовке	98

II. Хмызников

VIII. Гибель „Челюскина“	107
IX. Мы на льду	116
X. Самолет в лагере	140

II. Ширишов

XI. Будни на льду	167
XII. Тревожные дни	174
XIII. Борьба за аэродромы	187
XIV. Кончался второй месяц	209

II. Хмызников

XV. На твердой земле	229
XVI. Возвращение	236

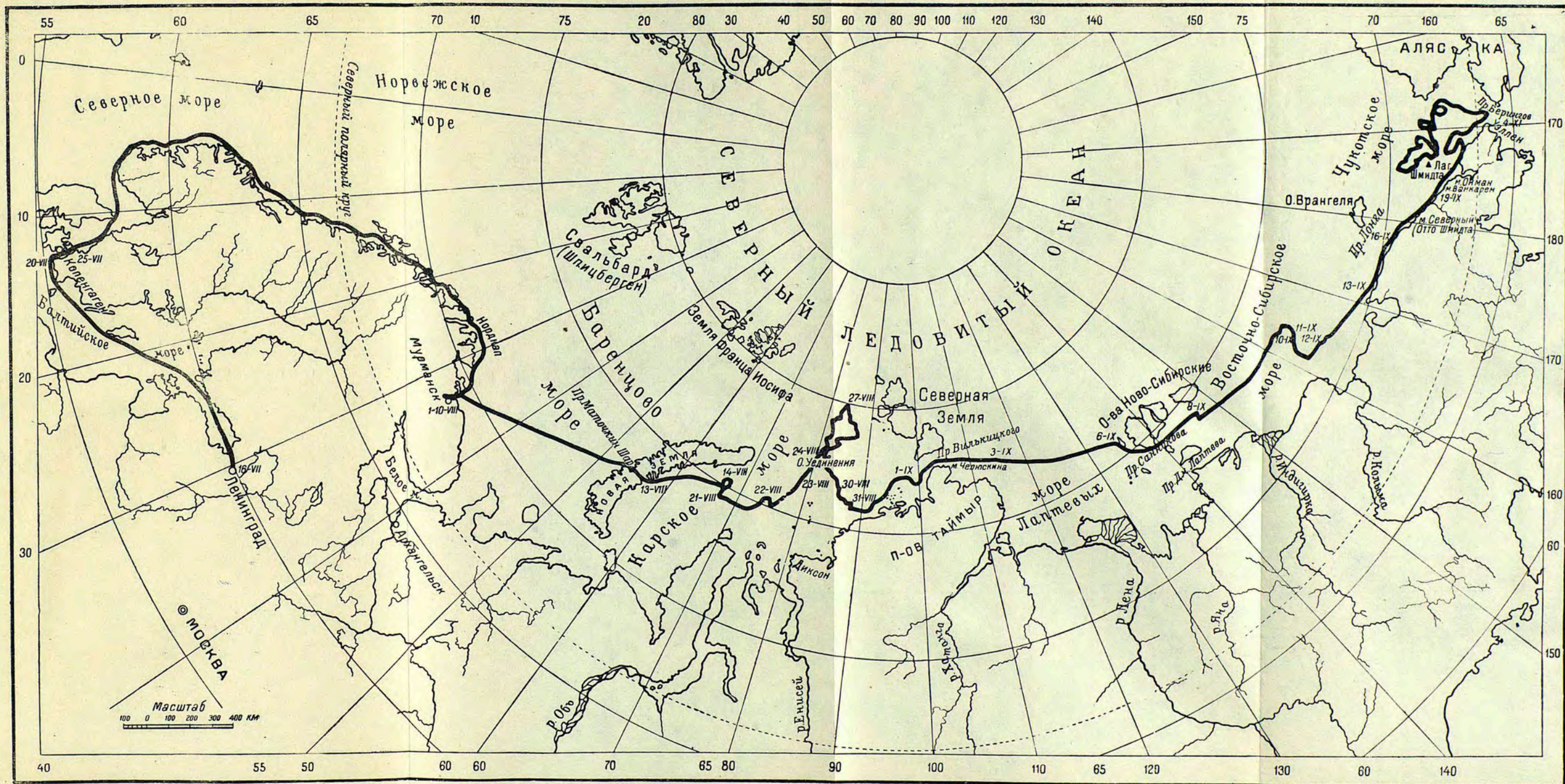
Стр. 1—252 + 1 вклейка.

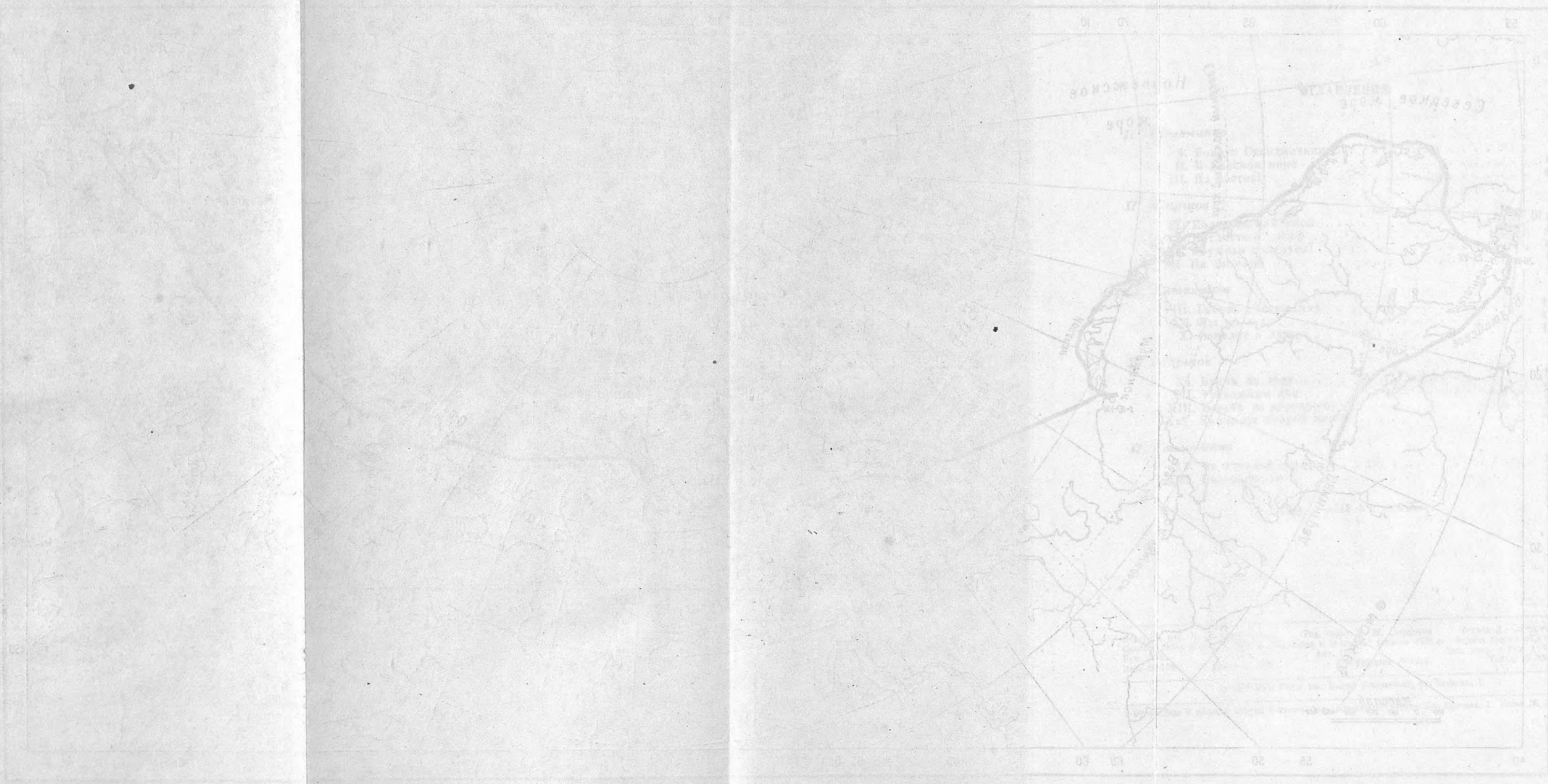
Ответств. ред. П. В. Орловский.	Ред. серии М. М. Смирнов	Техред А. Соловейчик.
Сдано в набор 8 ноября 1935 г.	Подписано к печати 13 декабря 1936 г.	Формат бумаги 62×94 см.
Бум. л. 8.	Печ. л. 16.	Авт. 15.
Над. № 108	Заказ № 3561.	Леноблгорт № 4046.
		Печ. знак. в бум. л. 76.000.
		Тираж 10 000. экз.

ЛОЦИТ НКО СССР им. Кайма Ворошилова, ул. Герцена, 1.

Отпечатано с готовых матриц в типографии «Коминтерн». Ленинград, Красная, 1. Заказ № 2679.

Карта похода парохода „Челюскин“ Северным морским путем (Составлена Я. Я. Гаккелем)

2010456646